

**МАШИНА
ВРЕМЕНИ
РАБОТАЕТ
НЕ ТАК**

**СЕРГЕЙ
СЕРЫЙ**

Annotation

Переместившись в другое время ученый, случайно, обрывает нить со своим родным миром. Это история о поиске выхода из, казалось бы, патовой ситуации, о вселенском чувстве одиночества, преодолении себя и о душевных муках героя. На что готов пойти он, чтобы вернуться? Какими моральными принципами можно пренебречь, ради достижения заветной цели? Не стандартная модель путешествия во времени, не общераспространённый сценарий и неоднозначное поведение изобретателя, ищущего заветную тропинку к своему дому.

Сергей Серый

Машина времени работает не так

1. Работа

Две полных луны возвышались над пробегающими внизу с огромной скоростью соснами: первая — сверкающая и свободная, вторая — прозрачная и блеклая: близнец, клон первой, всего лишь подобие. Обе существуют, смотрят на меня, а я — на них, переводя взгляд с одной на другую: «Луна, одна ли ты? Или отражение в стекле тоже реально? Хм-м... Может ли эффект отражения являться неким глазком в параллельный мир? Все ли реально в нашем мире, нет ли в нем иллюзий, которые мы всю жизнь принимаем за что-то обыденное, не стоящее внимания, когда на самом деле они являются чем-то большим? Например, как это отражение...»

* * *

Развозка, с легкостью преодолев лесное шоссе, приехала на завод без опоздания. Суббота. Вечер. На улице уже темно, лежит снег. Есть несколько минут выпить кофе и настроиться на двенадцатичасовую смену. Этот путь повторяется неизменно вот уже девять лет! Наверное, если не сдохну здесь, то на следующем месте работы точно склею ласты. Надеюсь, это последнее. Хе-хе. Все только для того, чтобы, выспавшись, вернуться обратно к станку. Быть привязанным. Смертельный танец муравьев. «Родился, потерпел и умер». С самого первого дня и до сих пор работа дается мне тяжело, никак не привыкнуть: ненавистный труд чередуется с вечно короткими выходными и затем — снова в кандалы. Неделя за неделей, год за годом. С промежутками на отпуск. Единственное, что меняется, это уходящее здоровье. Но бросить и найти что-то другое, лучшее — нет сил и желания; да и нет лучшего для меня, все одно. Моя головная боль — мой характер. Сильнейший стресс для меня — начинать все заново. Терпи Макс!

Зарплата у меня нормальная, даже хорошая, плюсов много: полное обеспечение и медстраховка, еще и вкусно кормят, опять же, экономия на общественном транспорте. Такое место еще поискать нужно. Иностранное производство — хотя и вредное, но это ерунда, как все здесь говорят, «за такие деньги можно и глаза закрыть».

Вот только я выдохся, выгорел и мне все равно: не восстанавливаюсь за выходные, прошел черту невозврата. Переутомление накапливается быстрее, чем я успеваю отдохнуть. Плюс надоел этот бесконечный водоворот рутины, засасывающий меня на самое дно. Смотрю на коллег, а им как будто все окей: весело шутят, ходят бодрые и только в курилке ругают начальство, но — за глаза, прямо никто не высказывается. Это и понятно — за место держатся. А чтобы мысли об увольнении или там усталость в глазах — не видно. Похоже, я один недовольный.

2. Тоска

Работа была необходима не только, чтобы мучиться всю жизнь, но и для нашего (моего и моего друга) мегапроекта — неслыханного и дерзкого. Ха! Ползарплаты уходило на него: на оборудование, аренду гаража и оплату электричества. Мир, правда, такого еще не видывал, всего лишь грезил об этом: и мы, я и мой лучший друг Стас, были близки к завершению нашего детища!

Стас продает все, что связано с электроникой. Работает в большом сетевом магазине недалеко от дома. Близко, тепло и сухо, кормят. Не жалуется и не ноет, оптимист. Как я — не устает. Он — живчик с неистощимой энергией, которой с запасом хватает ему, и на меня еще остается. В магазине у него хорошая скидка и возможность, например, брать в аренду или на тест нужные нам детали. Таким образом, у нас было все необходимое: железо, микросхемы, провода, транзисторы и прочее, ну а чего не доставало — мы находили в других местах.

Я же являюсь мозгом нашего сплоченного тандема — ученым, так сказать, а кореш — больше по логистике и снабжению, вдобавок он отвечает за хорошее настроение. Когда я все это затеял, Стас не смеялся надо мной, ну, только если в самом начале, а сразу стал моей правой рукой, один бы я не осилил: он был надеждой и опорой, поддержкой с самых первых шагов. Если бы не он, страшно представить, мне и поговорить не с кем было бы! Иногда Стас буквально силой вытаскивал меня из гаража, отрывал от монитора за уши и тащил — на какое-нибудь мероприятие или тупо пройтись по парку, подышать воздухом. Не так давно, например, принес билеты в театр. Честно признаться, мне это все, с моим-то характером, было нужно, и без его заботы ничего не получилось бы.

Так вот, параллельно я мечтал скорее уволиться. Громко хлопнуть дверью. Бежать по парковке завода и орать «Я БОЛЬШЕ НЕ ВЕРНУСЬ, ИДИТЕ НА ХРЕН!», мечтал быть независимым. Я настолько ненавидел работать, готов был просыпаться рано утром лишь для того, чтобы понаблюдать, как люди, словно муравьи, бегут на службу — в дождь, слякоть, мороз и жару, а затем я с улыбкой ложился бы снова в постель и засыпал.

Хочу стать свободным!

Но вместо свободы я заработал хроническое изнеможение и апатию.

Изобретая машину времени, я никогда не думал о сопутствующей славе и не хотел ее — скорее, наоборот, предпочел бы вести затворнический образ жизни. Я устроил бы себе небольшое *шале* в глуши Норвегии, прямо на крутом склоне фьорда, над макушками сосен: просторный холл с камином и панорамными окнами, выходящими на террасу, с дух захватывающим видом на залив.

Но пока что каждый раз будильник нещадно вырывал меня из снов — обратно на грешную землю. Все, что касалось зарабатывания денег физическим трудом, было невыносимым и медленно убивало меня. Поэтому я готов был даже рискнуть жизнью и испытать машину времени на себе, если придется, лишь бы не возвращаться на завод.

3. Увольнение

Однажды на мою рабочую почту пришло письмо от начальства, в котором сообщалось о сокращении штата; затем были собрания, разговоры в курилках, оповещения на информационных досках. Это было обидно. Я не этого хотел, мечтая оставить завод в прошлом. Не так. Столько потратить времени, сил и здоровья впустую, в итоге — ни сбережений, ни перспектив. Удар под дых!

Причиной сокращения стал банальный прогресс: модернизация производства, массовое внедрение роботов, проще говоря — кожаные ублюдки стали слишком не выгодны. Новый девиз звучал просто: «Уменьшение отходов производства и увеличение качества с количеством». А живая рабочая сила производит слишком много брака, создает проблемы и еще — очень многого требует. Люди — это якорь, тормозящий рост прибылей.

Новости ползли давно — на уровне слухов, и мы отшучивались, «мол, всех не заменят»! Всех и не заменили. Когда за несколько лет до этого внедрили в производство пару-тройку роботов-погрузчиков, лишивших ребят из транспортировки работы, — никто особо и не обратил внимания. Но теперь очередь пришла и за остальными.

Нас любезно, по одному, обхаживали менеджеры по персоналу, терпели, отвечая, как под копирку, на однотипные вопросы, и с каждым претендентом на увольнение разговаривал сам начальник производства. Объяснял «трудным положением дел на рынке», особыми временами. Кризисом. Они делали все от них возможное, чтобы сбавить растущее напряжение, угощали нас леденцами из стоявших на столах стеклянных конфетниц и замасливали сказками про наше перспективное будущее с их положительными рекомендациями, в котором мы оказались. И у них получалось, а может, народ у нас такой просто: безропотный, покладистый и терпеливый. Неплохое выходное пособие за добровольное расставание с заводом довершало дело.

Я попал под «каток». Мне предстояло недолго доработать на заводе, и потом еще какое-то время я мог продержаться на выходное пособие. Все!

Для меня любое событие — это стресс, начиная с выбора носков; поэтому постоянная, даже нелюбимая работа — лучше, чем поиск новой. Из-за этого всего я пребывал в паршивом настроении, и все валилось из рук.

Перемены повлияли и на судьбу машины. Оставалось немного до полного опустошения карманов и, следовательно, до вынужденного завершения проекта — или заморозки, неважно. Нужно было скорее переходить к живым испытаниям, пока еще была такая возможность.

4. Болтун

В темном углу, подальше от сцены и барной стойки, в уютной обособленной кабинке я безразлично наблюдал за немногочисленными посетителями и Стасом, который эмоционально переписывался с кем-то в чате, гримасничая и лыбясь.

— Так что на повестке дня, бро? — он закончил, небрежно бросил гаджет на стол и развалился на диване, закинув руку на высокую спинку. — Что за животрепещущая тема, не требующая отлагательств?

— Нужно пробовать, время пришло. — вздохнул я. — У меня все готово...

Из полумрака вышла официантка, Света. Хорошенькая, миловидная девушка, как по мне, немного полновата. Стас учтиво придвинул пустые кружки поближе к ней и дружелюбно попросил:

— Красавица, еще пива. И гренок принеси, пожалуйста. Спа-а-асибо, дорогая!

Я уже собрался продолжать разговор, как он снова обратился к ней: — Свет, а не хотела бы ты поучаствовать в научном эксперименте?

Я поперхнулся и стукнул Стаса по ноге. Друг промычал и скривился, сдерживая болезненные ощущения, но на меня даже не взглянул.

— Мда... Сколько раз я уже это слышала. — она улыбнулась и, профессионально держа поднос в одной руке, а другой протирая стол, немного подождав, добавила, — хотя, вот такого, чтоб в эксперименте поучаствовать, точно не предлагали. А что за эксперимент? И что мне за это будет?

Я увидел, как она незаметно подмигнула Стасу. И как он смотрит на нее. «И как, будучи далеко не красавцем и даже смешноватым на вид, он имеет такой огромный успех у женщин? — я не понимал и завидовал такой мощной харизме товарища. — Интересно, о чем она подумала и на что согласна? Может, у них что-то уже было?.. Хотя навряд ли, Стас мне рассказал бы»

— Ты, скажем, могла бы стать первым человеком в мире, переместившимся во времени. Па-ба-а-ам! — Стас вскинул руки и, опустив, отбарабанил себе по ляжкам. — В прошлое или будущее — на твой выбор! Как тебе такое?

Я изо всей силы ударил по тому же проверенному месту и уставился на него, прошипев сквозь зубы: «Да что ты несешь?»

— Ай!.. Ммм... — вскрикнул он и принялся растирать голень, мельком взглянув в мою сторону. — Подумай! Ммм... Ты станешь знаменитой на весь мир.

— Заманчиво! — сдерживая смех, ответила Света. — Прыжки во времени — круто, ага.

Официантка собралась уходить, но Стас, быстро переведя глаза на меня и снова на нее, продолжил, несмотря ни на что:

— С твоей помощью произойдет прорыв в науке, и человечество вступит в новую эру! Мы изменим мир в лучшую сторону, уберем все изъяны: убьем Гитлера в колыбели, не допустим коммунистов к власти, освободим всех рабов, в конце концов. Или сможем заглянуть в далекое будущее, или в прошлое, к началу времен — и захватить оттуда пару яиц динозавров. Представляешь? Можно вернуть их к жизни!

Я больше не пытался остановить безмозглого товарища и просто наблюдал, слушая его бредни. Признаться честно, он немного вдохновлял.

— И все это — я одна? — удивленно спросила официантка.

— Что одна? В смысле? — Стаса словно оглушило.

— Прости его, — я решил положить этому конец, — ему немного надо, походу.

— Хи-хи! Не бери в голову, я давно привыкла. — улыбнулась в ответ Света.

Я кивнул.

— Ладно, веселые вы! Значит, пиво и гренки.

Официантка ушла, растворившись во вспышках прожекторов и клубах кальянного дыма.

— Академик, блин, недобитый! Ты чего разошелся-то? Это же тайна!.. Была тайной. Забыл? Нажрался, что ли уже, скотина?

— Нам нужны подопытные. — развел руками Стас. — Ничего не знаю. Ты сам сказал это!

— Мыши, черепахи, снусмумрики. Морские свинки, в конце концов. О чем ты только думал? Как всегда, тем самым местом, да?

Стас склонился над столом и заговорщицки взмахнул бровями.

— Нам не мешает хорошенькая секретарша, как думаешь? Я захотел разбавить наш мужской научный коллектив: она — отличный кандидат и очень даже впишется в команду.

— Захотел потрахаться, что ли? — вкрутил я. — Будь серьезней, Стас. Это не шутки. Представь, что будет, если об этом узнают плохие парни.

— Какие парни?

— Ну не те, конечно, о которых ты подумал. Специального назначения, призванные следить за порядком и оберегать нас от всего ненужного и опасного!

— Фигня... И что? Я даже очень серьезно. Она бы отвечала на звонки и приносила кофе — как Джанин Мельниц из «Охотников за привидениями».

— Пффф... Господи-и-и, какие еще звонки, бро? Кому ты собрался отвечать? Кто нам вообще будет звонить? Или ты серийное производство задумал открыть? Слушай, чем меньше людей знают о машине, тем безопаснее. Как маленький, ей-богу. Я был уверен, что ты давно уяснил это, — я устало облокотился на стол и внимательно посмотрел на него. — Признавайся, кому ты еще говорил?

Стас вздохнул и шумно выпустил воздух, раздув щеки.

— Ну-у-у, предки знают... еще на работе пара человек. А что такого? Они все равно не верят, у виска крутят, я еще и дурачком выгляжу в их глазах!

Официантка вернулась с заказом. Стас как ни в чем не бывало подарил ей звездную улыбку, и, как только она ушла, продолжил:

— Столько лет скрывать — просто невозможно! А ты сам-то что, ни разу никому не проболтался?

— Ни разу и никому. — спорить дальше не было смысла. — Ладно, проехали. Надеюсь, ты все уяснил, и на этом закончим. Никому, Стас, ни-ко-му! — произнес я по слогам и многозначительным жестом закрыл рот на замок, повернув невидимый ключик, который затем выкинул.

Мы выпили.

Света у барной стойки болтала с другой официанткой, и обе смеялись: сарафанное радио заработало. Хорошо, что эти бредни про машину времени кажутся настолько глупыми и смешными; хорошо, что с точностью в девяносто девять целых и девять десятых процентов они не покинут пределы заведения.

— Итак, нам надо бы ускориться, — с самым серьезным видом продолжил я. — Без денег будет трудновато продолжать. И хрен знает, сколько мы еще протянем.

— Что ты предлагаешь, бро? Ты только давай конкретно, не тяни кота за яйца как ты любишь.

— Я же сказал, Стас, ну е-мае! Пусть будут мелкие животные, мыши там, например. И ты у нас отвечаешь за сырье, напоминаю тебе просто. Тебе и в магазин за ними переться, а я пока przygotowю все.

— Хорошо, хорошо. Не злись, бро. Я ждал этого: ух, следующая ступенька в нашем восхождении на Олимп! — он подхватил кружку с пивом. — Так давай же выпьем за это, бро!

— И никакой больше болтовни. Дай слово! Если поползет слух, что мы экспериментируем над животными, нам — точно крышка. И это более чем серьезно. — сурово подытожил я.

— Ладно, даю. А ты уверен, что все готово? Они не будут взрываться, как виноград в микроволновке?

— Не будут!.. Что? Какой еще виноград? Ты что, разогревал его в микроволновке? — в ответ мне прилетела самодовольная и глуповатая улыбка друга. — Ох-х... Надеюсь, что не взорвутся. Ну, может, самая первая только... и вторая — не больше.

5. Молоток

Выйдя из бара навеселе в стужу февральской ночи, мы шумно двинулись в гараж. Наша лаборатория манила уютном маленького теплого убежища в окружающем нас ненастье, словно свет маяка в бушующем море. Спрятаться внутри и слушать завывание ветра в метель, сидя на мягком диване, подобрав ноги и накрывшись пледом, — или можно просто смотреть фильм с горячим чаем и печеньками. Ноги сами несли нас туда.

Февраль в этом году выдался очень ветреным и промозглым. Холодные и пронизывающие насквозь порывы ветра пробирали до костей, а летящий отовсюду мокрый снег облеплял лицо и лез за шиворот. В теплые дни повсюду разливались огромные лужи, а вдоль обочины, черные от асфальтовой пыли и реагентов, копились кучи химического снега, вырастающие иногда по пояс и выше, через которые приходилось карабкаться, спасаясь от несущихся автомобилей. Вездесущая слякоть. И, как следствие всему этому, — вечно промокшие ноги и насморк.

Я в основном слушал Стаса, изредка вставляя свое «угу», «да-да» или «конечно, ты прав», он же не затыкался всю дорогу. Было весело, впрочем, как и всегда, когда рядом Стас: я часто смеялся до слез над его шутками — от смешных жестикуляций, подобно миму, и рассказов про клиентов-недотеп в его магазине. Так мы и брели, ступая по серой жиже: двое лучших друзей, одни среди темных дворов — срезая углы, чтобы скорей добраться до места.

* * *

В тепле гаража алкогольный дурман постепенно заполнил череп, погружая в сон наяву. Меня развезло еще больше, а речь Стаса только способствовала этому, превращаясь в монотонный бой шаманских барабанов и нечленораздельных бормотаний. Я совершенно не разбирал слов из доносившейся откуда-то издалека болтовни и бессмысленно бродил по гаражу, просто кивая, вдоль верстаков, погруженный в свои мысли. Я думал: «Как использовать наше изобретение? И не используют ли его уже? А что делать, если используют? А если я уже во временной петле? Можно ли поведать о машине всему миру? А если она попадет не в те руки?» Ни на один вопрос отвечать не было сил, как и желания. «Вот убрать Гитлера, например, вроде хорошо, да? А как же тогда ход истории? Он же перевернется, черт возьми, с ног на голову. Тогда, может, и меня не будет, и Стасика, или — ха-ха — он будет грустным! Ну, кому... кому тогда машину создавать? Тут серьезно думать нужно, не напортачить бы, главное»

Все глубже уходя во временные парадоксы, я неосознанно брал какую-нибудь вещь, крутил ее, рассматривая без интереса, и клал обратно. Медитативно, одну за другой, будто в трансе. Так, в руки мне попал мой старый, выдавший виды молоток с желто-черной прорезиненной рукояткой, и я подумал: «Всю жизнь он — грубый инструмент, неспособный ни на что изящное, кроме как что-нибудь расплющить или гвоздь забить, — я поднял увесистый молоток и ощутил его тяжесть, сбалансированность, — но этим, пожалуй, можно и убить...»

Воцарилась тишина.

Внезапная и звенящая, она привлекла мое внимание, и я стал искать ее источник; взглянул на друга — он как-то настороженно глядел на меня и на молоток замерев на месте.

Неожиданно он вышел из оцепенения и как ни в чем ни бывало продолжил свою болтовню подводя итог:

— Ла-а-адно, на сегодня хватит, бро. Ты устал. Согласен, про звезды я загнул — рано, и это не наша тема, но как знать, как знать... — Стас потянулся и зевнул, косясь на меня и не выпуская из поля зрения. — Пошли, что ли? Или тут останешься?

Я положил молоток на место и бодро подошел к нему, сдерживая икоту: — Ик... Тут!

— Ну, тогда до завтра, бро!

Мы крепко пожали руки.

— Давай... Ик!.. Осторожней, там холодно, не поскользлись...

Стас ушел. Я постоял в дверях с минуту, провожая его, закрылся и быстро взгромоздился на диван, натянув плед на голову.

6. Чак

Наконец-то, как долго я этого ждал.

Я пребывал в волнении, как школьник перед экзаменом. Мы подошли к предфинальной стадии — испытаниям на животных. Было очень страшно, но не терпелось скорей начать, чтоб быстрее переступить эту грань — как прыгнуть спиной вперед с верхотуры, будучи привязанным веревкой: чем дольше думаешь, тем тяжелее решиться.

Боязнь провала не покидала меня. До этого все наши попытки отправить кусочки различных материалов вперед или назад во времени, неважно, неизменно заканчивались ничем. Гайки, камушки, пластик и прочая ерунда — все оставалось недвижимым, на своих местах без малейших признаков взаимодействия с машиной. От ярких вспышек, производимых машиной, рябило в глазах. При разрядах всегда перегорали ближайшие лампочки в радиусе пары метров от эпицентра, приходилось идти в магазин и покупать новые. Но мы пробовали и пробовали. Хорошо, что на таких небольших объектах требовалось относительно мало энергии, и скачки напряжения в сети были незаметны, эксперименты можно было проводить не вызывая подозрений и часто. В итоге — покрасневшие глаза и настроение на нуле от провалов. Что-то было явно не то. Наверное, отправлять посылки без почтальона — невозможно, и я стал готовиться к нашему следующему шагу, перенастраивая оборудование на живую материю.

* * *

Настройка и подгонка оборудования завершена. Конденсаторы — заряжены, а все датчики — откалиброваны. Нужно только вбить вес подопытного — для расчета мощности заряда, и, в принципе, все. Я перебрал соединения и разъемы в проводке, прошелся по изоляции, перепроверил каждую мелочь. Установил штатив с камерой. Готово!

Не забыл, конечно, и про нашу безопасность: укрепил и усилил ширму из прочного поликарбоната — токи будут существенно выше и риски, соответственно, увеличивались. Подвинул поближе аварийный выключатель, чтобы в случае чего быстро все обесточить. Пара огнетушителей стояла рядом — тоже не помешают.

Осталось дожидаться Стаса из зоомагазина.

* * *

Весна. Апрель. Тепло все ближе. Настроение у всех вокруг бодрое, приподнятое — природа радуется, пробуждается от зимней спячки, люди тоже.

День в самом разгаре. Как раз время для начала: в гаражах — почти никого, никто не обратит внимания на скачки напряжения.

Я приготовил велосипедную защиту для локтей и коленей и достал два мотоциклетных шлема, напоминающих о прежних лихих временах. Вот пригодились снова. Надел белый халат, купленный по случаю в магазине спецодежды. Теперь все серьезно. Походил... Посидел, затем снова походил туда-сюда!.. Включил «Звездные войны», дабы успокоиться, и продолжил нервно ждать друга.

Через минут сорок подъехала машина. Хлопнула дверца и быстрые шаги приблизились к двери. Между прочим, мы всегда ее держим закрытой — это фундаментальное правило, одно из самых первых и неукоснительных, строго соблюдаемое нами, действует на непрощенных гостей.

Снаружи раздался стук и громкий голос:

— Сова, открывай!.. «Медведь пришел!» — прокричал Стас прямо в замочную скважину.

Я открыл.

В куртке нараспашку и в одной футболке, натянутой на выпирающее пузо, с шапкой, торчащей из кармана, — таким на пороге возник сияющий и запыхавшийся Стас.

— Спал, что ли? Чего так долго открываешь? Даешь, блин! — он влетел, безцеремонно отодвинув меня с прохода, с улыбкой от уха до уха, явно очень довольный собой. — Танцуй!

— Где тебя черти носили?

— А я говорю, тан-цуй, я кое-что принес! — не унимался он.

— Ха, письмо, что ли? На почте был?

— Блин, нет. Посылку. И не на почте.

Из-за пазухи он, неудачно пародируя фокусника, вытащил небольшую клетку-переноску, где сидела очень жирная серая мышь или толстая крыса, непонятно.

— Танцуют, когда письмо, дурында. К тому же я знал, что ты должен был принести, это не сюрприз.

— Какая разница: письмо, посылка... тьфу. Вот зануда же. На вот, получи тогда. — Стас всучил мне переноску и с разбегу плюхнулся на диван. — Хорошо тебе тут.

Я внимательно посмотрел на животное, запертое в клетке.

— А почему жирная такая?.. Это крыса, что ли? Килограмм, не меньше... — прикинул я. — А других не было?

— Неа... А какая разница, мышь это или крыса? Но это крыса — ты прав.

— А-а-а, сэкономил, значит. На помойке поймал? Самую жирную, которая убежать не смогла? Правда, зачем такую жиробасину-то?

— Ха, ха, ха. Пф-ф-ф... Нормальная упитанная домашняя крыса. Мышей белых твоих нет нигде! Я в десяти магазинах был. Продащица сказала, что не бывает у них лабораторных — их вообще не продают в обычных магазинах. Так что пользуйся тем, что есть.

— Погоди, погоди, ты сказал — домашняя? — мои брови чуть не пробили потолок. — Это как понимать, ты где ее взял?

— Бро, ну что ты пристал? Зануда, блин. Да, я сэкономил. Потом пивка попьем. Крысу зовут Чак, а полное имя — Чарльз. Чарльз Второй — Первого табуретом зашибли, не специально, конечно. И он питомец моей племяншки, его нужно будет вернуть. Так что постараемся без взрывов, бро! Хорошо?

— Вот как? Ах-ре-не-е-еть. Как ты мог? — я посмотрел другим взглядом на животное, и протянул клетку обратно другу. — Неси туда, откуда взял!

— Ты же сам сказал подешевле!.. — с обидой в голосе возразил Стас. — Племянница в садике, мамы нет дома, а брат скажет, что Чак убежал под пол, если что... Или с балкона сиганул — весна же, бро!

— Ага, с переноской сиганул, с вещами... — я сдался, хотелось быстрее начать эксперимент. — Ладно, хрен с тобой, под твою ответственность! Тебе с этим жить теперь.

Я направился к весам.

— А что может пойти не так, бро? — встревожился Стас. — Ты мне все уши прожужжал про безопасность, а теперь что?

— Да все что угодно. Откуда я знаю? Как будто я каждый день их транспортирую в другое время. Начнем с того, что этого никто никогда не делал, и результаты неизвестны. Я обеспечил нашу безопасность в рамках того, что могу предположить, не более. Но прыгаем то не мы. А ты взял и домашнюю крысу племянницы притащил — лучше бы, правда, с помойки. Эх, все-таки дурында ты. Не маленький же, понимать должен, с чем работаем. И не жалко?

— Крысу то?

— Тьфу на тебя. Бессердечная ты скотина. Ребенка не жалко? Без любимца оставил, ирод, — я с грустью посмотрел на тихо сидящего грызуна.

— Ну-у-у, жалко, конечно. Надеюсь, ничего плохого не случится. И мелкая скоро воссоединится с ним.

Последняя фраза прозвучала жутковато.

* * *

Я запихнул крысу в крошечную, как теперь оказалось, клетку Фарадея и подошел к компьютеру; ввел обновленные данные в программе, включил видеокамеру. Мы спрятались за ширмой и надели защиту на себя. Дополнительно установили смартфоны на запись видео и направили их на объект.

Чак был не подвижен и покорно ожидал приговора. Его черные глазки-бусинки были уставлены на великанов, его судей; а думал он о том, чем мог так разгневать их: «Почему меня забрали из дома, ведь я всегда считал себя добропорядочной крысой и очень, очень люблю свою хозяйку!.. И клетку, и сыр, и кусочки свежей газеты... И, конечно, сочное зеленое яблоко!..» Он не шевелился и не отводил взгляда от людей, лишь немного качаясь из стороны в сторону. «Ах, вспомнил! Однажды, давно, когда я был еще глупым крысенком, я сделал ей больно, укусив за пальчик... — Чак обтер оба уха и нос. — Видимо, настал час расплаты. Что же, начинайте...»

— Стас, ты готов?

— Угу...

Я подождал еще пару секунд и повернул переключатель.

7. Неудача

Едва я повернул рукоятку, в ту же секунду мощный выброс энергии преобразовался в яркую вспышку! Настолько яркую, что все буквально утонуло в свете — тени и предметы отбрасывающие их, исчезли, а я очутился один внутри белоснежного, с синими отливами, пространства. Если бы вспышка продолжалась чуть дольше одного мгновения, мы бы с большой вероятностью ослепли от такой белизны. Закрытые веки не спасли: фотоны преодолели это препятствие, не заметив его, добравшись до чувствительной сетчатки глаз.

В помещении чувствовалась свежесть.

— Вау!.. — только и сказал кто-то из нас.

Мы побросали шлемы и, будучи полностью дезориентированными, стояли на месте, приходя в себя. Кроме темных пятен перед глазами, я ничего не видел. Текли слезы.

Слепота, слава богу оказалась временной и длилась всего пару минут.

С другой стороны — ничего не взорвалось. Хлопков и других громких звуков не было, как и запахов — например, горелой проводки. Лишь освежающий эффект, будто после грозы. Все остальное прошло на удивление гладко и тихо, и кроме нашего трехэтажного мата никто ничего не услышал и не понял бы снаружи.

Все лампочки в радиусе четырех метров от эпицентра предсказуемо перегорели. Зона погрузилась в тень. Засвеченные круги вспышки все еще плыли перед глазами.

— Чак. Он исчез! — заорал Стас и схватил меня за рукав.

Я напряг зрение и прищурился, вперившись в то место, где продолжала стоять клетка: пустая!

Стас первым выбежал из-за укрытия и бросился к клетке, забыв про всякие предосторожности. Он заглянул под верстак, на котором она стояла, обошел его по кругу и, сомневаясь, с опаской прикоснулся к клетке, будто убеждаясь в ее реальности, затем взглянул на меня и пожал плечами.

— Его нет, бро! — и на его лице наконец появилась странная улыбка.

* * *

Свершилось.

Я подошел к Стасу. Видеокамера, стоявшая слишком близко к эпицентру, не работала. Внимательно изучив клетку, я обратил внимание на странную белесую пыль, ровным слоем покрывающую место, где находился Чак: пыль и редкие волоски — и больше ничего!

Я взял щепотку этой субстанции и растер между пальцами, понюхал — горелым не пахло.

— Как будто перхоть... Странно...

— Макс, а где... Где Чак? — до друга стало доходить, он выпучил на меня покрасневшие глаза. — На какое время ты его отправил?

— На пятнадцать минут назад.

Стас нахмурился и стал что-то усердно соображать в уме.

— Значит, он должен был появиться пятнадцать минут назад, правильно? И-и где же он, бро? — Стас посмотрел вокруг. — Он появится?

Ответа у меня не было. Эксперимент — и это уже точно — прошел не по плану. Более того я начал задумываться об этом ровно пятнадцать минут назад, до срабатывания переключателя. Но тогда промолчал, будучи неуверенным в своих подозрениях.

Я принялся лихорадочно соображать, стоя у опустевшей клетки.

«Итак, пятнадцать минут назад крысы еще не было в машине: я взвешивал ее в тот момент, и если бы прыжок удался, то Чак должен был бы появиться в ней словно чудо — за пятнадцать минут до перемещения — до поворота переключателя, но его нет. У нас бы тогда стало две крысы. Как мне было непросто игнорировать факт отсутствия чуда и все равно продолжать подготовку как ни в чем не бывало, нужно было отправить грызуна: Чак мог не появиться только в одном случае — по причине не завершенного полностью эксперимента. Но прыжок в итоге случился. И где в таком случае Чак?»

— Макс! Ау-у-у! Ты чего молчишь, почему Чак не появился, бро?

Я думал. Мысли склеивались, как переваренные макароны, и разобрать что-то среди этого было невозможно — одно наслаивалось на другое. Еще эта истерика друга. Боже.

— Макс, ответь! — Стас не на шутку разволновался.

— Да прекрати ты уже тараторить! Мне нечего ответить тебе, поэтому и молчу. Я пока сам не понял. Чего орать-то? — я продолжал массировать и растирать лоб, стимулируя умственную деятельность. — Думаю тебе пора

звонить брату, пусть покупает нового Чарльза.

— Что ты хочешь этим сказать? — Стас побледнел.

— А то. Хвостатый должен был появиться пятнадцать минут назад, до прыжка — но его нет, как видишь.

Стас нахмурился, соображая:

— Ну-у и где он? Почему же он не появился?

— Вот этого я как раз и не понимаю. Он исчез, растворился, аннигилировал! Только волоски и эта перхоть...

Если бы он сгорел, например, остался бы пепел, тепловой след какой-нибудь. Я вот не вижу следов. Пфу-уфф. Нужно успокоиться.

Я открыл последний сохраненный видеофайл на смартфоне: на видео Чак спокойно сидит в клетке — затем вспышка, и запись прерывается... Стас молча достал из кармана свой смартфон:

— Хм. У меня то же самое... Так что ты думаешь, он жив?

— Я думаю: раз нет его тела, то по всем правилам его можно считать пропавшим — судя по всему мы его все-таки переместили. Но куда-то не туда... — я сочувственно посмотрел на друга.

— А вернуть-то Чака как теперь? — не унимался Стас.

— Купить нового. Дай мне время подумать, пожалуйста. Ладно? — и я уселся за ноутбук.

Друг, нахмурившись, еще постоял какое-то время за спиной, сопя и действуя тем мне на нервы, затем схватил переноску и направился к выходу.

— Ты в магазин?

— Да в магазин, куда еще?... Я через пару часов вернусь.

8. Причины

— Пам, пам, па-а-а-ам... — я взял маркер, блокнот и изготовился штурмовать чертоги разума: мне предстоял мозговая атака с кучей неизвестных. — Так приступим же. Мы потеряли испытуемого, и нам необходимо его найти: задача ясна.

На всякий случай я еще раз обследовал место и даже заглянул на антресоли — в надежде на невероятное или ловкость Чака. Если бы он не исчез, то, по крайней мере, эксперимент можно было бы считать полностью провальным; а так, получается, он не завершен — или завершен неправильно. В любом случае нужно понять, где этот паршивец скрывается.

Я нарисовал прямую, изображающую течение времени, в конце линии поставил жирную точку: это — настоящее. Затем от настоящего прочертил стрелку обратно на произвольный участок линии и поставил там риску — теоретически здесь находится сейчас Чак. Что-то проклевывалось, я глядел пристально то на риску — то на точку и снова на риску: туда-сюда, пока в мозгу что-то не щелкнуло.

— Нас там нет... Никого. Мы все тут — в настоящем. — я взглянул на схему по-другому — Предположим, что как наблюдатель я нахожусь здесь и теперь, в настоящем, — я ткнул маркером в жирную точку, сделав ее еще больше, — причинно-следственная связь, одно следует за другим неизменно. Это исключает «ложное срабатывание», так сказать, ведь всегда можно остановиться в последний момент и избежать последствий. Значит, Чак просто не мог появиться раньше, чем его отправили. Но, предположим, после случившегося перемещения Чака мы все — все земляне, черт возьми, — остались в своем времени, тогда как Чак успешно транспортировался в прошлое. Похоже, при всем желании мы бы не смогли встретить его: так как нас там уже не было.

Мурашки пробежали по спине.

— Он что, выходит, там совсем один?.. — я представил его в мире пустом и безжизненном, — конечно, если эта теория верна. Возможно, он обречен умереть запертым в клетке — от голода, в одиночестве. Может быть там нет и воздуха, фотонов, несущих свет — нет ничего кроме тьмы...

Чертовщина какая-то! Нет, должно быть, я что-то упускаю из виду...

— А если мы есть в каждом моменте времени? В виде бесконечного объема информации, тянущегося шлейфом из кадров всех прошедших событий, с самого момента сотворения вселенной и по настоящее. Шлейф, в котором сохранен каждый миг. Можно перемотать пленку назад и возобновить просмотр с любого момента. — У меня закружилась голова. — Похоже это уже слишком. Но тогда почему?..

Это была настоящая мозголомка.

— В глазах каждого отдельного человека он сам и есть главный наблюдатель всего, центр, вокруг которого все вращается. Для крысы мир ее восприятия перенесся вместе с ней: ее настоящее теперь там — но и мы, значит, вместе с ней, в ее мире... Хм, в НОВОМ мире... А это уже больше походит на теорию мультивселенной, блин.

Я встряхнул голову.

— Господи боже, почему так сложно? Почему же еще никто досконально не разобрался в этой временной галиматье? Во всех этих запутанных парадоксах: убить дедушку или встретить самого себя, или переспать с собственной матерью и стать собственным отцом... Почему никто не написал основные правила, где учел бы все эти нюансы? Открыть справочник в библиотеке и прочесть необходимую информацию, как было бы здорово. Ведь абсолютное большинство мечтает иметь машину времени: пишут рассказы, снимают фильмы, строят теории — и все как попало, на свой лад.

И пока что это — просто пустые домыслы, гипотезы.

Но одна мысль все-таки зацепилась — на счет будущего — и, возможно, я могу проверить ее. Только нужна была еще крыса.

9. Еще попытки

Набрав номер Стаса, я застал его на пороге дома племянницы, идущим вернуть нового Чака в лоно семьи. Я уговорил его повременить с этим и привезти животное ко мне, пообещал ему не аннигилировать хвостатого в этот раз. Порой можно и приврать — ради общего блага. Чак номер два должен мне помочь с ответами.

Я отогнал грустные мысли и стал повторно готовить машину.

Через час новая крыса-космонавт сидела в клетке.

Приборы привычно гудели и мигали контрольными огнями, а мы снова стояли за укрытием. Включать видеозапись не стали. Вместо шлема я надел маску сварщика, а Стас отвернулся и зажмурился, еще и плотно прикрыв руками глаза. Без прелюдий, чтобы меньше думать о зверьке в клетке, на счет «раз» я повернул переключатель...

Мы были готовы и знали, чего ожидать. У меня заложило уши, видимо изменилось атмосферное давление. Стас все равно увидел вспышку. Меня не ослепило, но тем не менее разглядеть что-либо в этот момент было невозможно — слишком уж свет поглотил все вокруг. Присмотревшись в полумраке рабочей зоны, мы заметили умывающегося грызуна — как ни в чем не бывало он шустро двигал розовым носом, вставал на задние лапки, принюхивался и озирался по сторонам.

— Он жив! — от крика друга над ухом я чуть было не оглох. — Ага! Значит, ты был прав, бро!

Я предполагал, прыжок в будущее невозможен — по той причине, что прыгать некуда: самого будущего еще нет. Грядущее непредсказуемо, оно меняется каждую секунду в настоящем. И мы, похоже, только что доказали это. Это было легко.

— Да, выходит так, — удача придала уверенности.

По-моему, будущего нет вообще. Нельзя любоваться ненаписанной картиной. Внося данные в компьютер, дату и время будущего, я просто печатаю ничего не значащие цифры. Автоматика машины срабатывает, как и положено, вхолостую высвобождая заряд, но ничего не происходит.

Все мифы и киношные стереотипы про машину времени рушились на глазах. Перемещения во времени, предполагал я, осуществимо только в прошлое. Прыгнуть в будущее даже на мгновение — нельзя. Так что узнать что ждет нас впереди, увидеть развитие и гибель цивилизации или полюбоваться закатом гигантского красного солнца, облизывающего огненным языком Землю — все это можно было осуществить теперь только в воображении сценаристов и писателей-фантастов: машина времени работает в одну сторону — и точка. Такой запрет, как ни парадоксально, является неким ремнем безопасности, созданным самой природой и уберегающим нерадивых сорвиголов от бездумных скачков в будущее: ведь, в отличие от прошлого, оно неизвестно, и там, куда ты вздумал отправиться, может стоять дом или находиться кипящее жерло вулкана — все, что угодно.

Вторая крыса ослепла.

Ее маленькие черные глазки-бусинки не были защищены от яркой вспышки. Моя вина. Наверняка и первая крыса тоже ослепла. Что ж, прискорбно, но от этого не уйти. Пришлось еще раз бежать в магазин за новой — для племянницы, а эту мы оставили для будущих экспериментов.

* * *

Проходили недели, а мы продолжали бессмысленно отправлять мышей на смерть. Они исчезали и не возвращались.

Я смастерил достаточно громоздкий прибор — в виде ящичка, куда помещался грызун. Эта капсула предназначалась для возврата испытуемого: в ней была установлена автоматика по инициации обратного запуска и необходимый по мощности заряд. По моему мнению, крыса не могла вернуться из прошлого потому, что должна была бы сама активировать переход обратно, но в силу своего ума, конечно, не могла этого сделать, прибор должен был помочь. Но он не помог.

Первый Чак — исчез, второй, ослепший Чак, — также; последующие безмянные мыши и крысы испарялись одна за другой, оставляя капсулу на месте и полностью в работоспособном состоянии, без потери заряда. Я чувствовал себя мясником.

Все свободное время я проводил за поиском ответов и решением задач, переписывал уравнения и формулы, строил гипотезы. Полностью перешел от практики к теории.

По расчетам все было правильно, но почему же не перемещалась капсула вместе с крысой? Возможно — только мое предположение — она должна была быть прикреплена к телу мыши или каким-то образом взаимодействовать с живым организмом непосредственно, быть одним целым. Моя же конструкция была слишком

громоздкой — клетка из не проводящих ток материалов внутри другой побольше могла каким-то образом менять настройки полей, генерируемых электроникой. Загвоздка была в том, что я не мог сделать капсулу меньше, чтобы прикрепить ее к самой крысе, это был минимум.

Стас хотел, чтобы я продолжал посылать мышей, — в надежде, что кто-то из них вернется.

«Разве все зря? — сетовал он. — Все впустую? Бесполезная груда проводов и железок. Столько времени потрачено и средств. Нужно продолжать, бро, пытаться!»

Настроение было паршивым. Пару раз я поддался уговорам и отправил двух грызунов, купив им по билету в один конец. Это еще больше разобщило нас. Вдобавок время поджимало: я сидел без работы, деньги стремительно заканчивались и пора было начинать заниматься поиском новой.

А мечты о машине времени таяли, как дым. Возможно ли решить эту головоломку в принципе? Или судьба машины была предрешена?

10. Дисциплина

Прошло несколько недель. На носу было лето.

Мы намного реже стали видеться, меньше обсуждали наши дела. По правде говоря, я устал от назойливости друга, и перерыв в отношениях был даже кстати. Я на время отгородился от мира и больше сидел дома, а Стас, убавив в итоге свой пыл, больше не приставал и все чаще пропадал где-то.

Тренировка дисциплины, если можно так выразиться, — фишка, которую я практиковал с самого моего взросления, и Стас мне в этом очень помог. Глядя на безрассудства друга, я делаю наоборот и учусь на его ошибках. В отличие от его быстрого ритма жизни я, напротив, не растрачиваю попусту энергию и берегу эмоции. Он — непоседа, любит драйв, яркие обертки и покупает вещи часто только из-за одного их вида или под воздействием рекламы, а затем, наигравшись, меняет на такие же бесполезные, но не менее яркие. Он не переживает, если потеряет или сломает вещь, и не бережет ее. Мне же нравится контролировать свои чувства и желания, оставаться здравомыслящим в любых ситуациях, особенно когда очень чего-то хочешь: будь то гаджет или путешествие — все что угодно, даже знакомство с новым человеком. Это как игра. У меня даже есть своеобразный девиз: «Нужно переспать с желанием». Чаще всего по утру возбуждение улетучивается, как и сон, и начинаешь мыслить рационально, прагматично, выставляя приоритеты, задаешь нужные вопросы самому себе. И вещь, которая была тебе жизненно важна вначале, перестает быть таковой. Конечно, это касается в основном необдуманных спонтанных потребностей или выбора между дорогим и не очень. У Стаса есть неиссякаемый источник энергии, затмевающий своей мощью негативные эмоции: этот источник позволяет ему не париться по поводу неудачных приобретений, игнорируя последствия и помогает идти дальше с улыбкой, покупая новую игрушку. Можно долго спорить, чья система лучше: планировать и анализировать прежде, чем что-то сделать, дабы избежать негатива в последствии, или же брать сейчас и радоваться жизни, а потом — будь что будет. По-моему, это зависит напрямую от характера человека, и нравочениями изменить уже сформировавшуюся личность не получится.

11. Ветви дерева

Мою природную флегматичность Стас, как, впрочем, и многие, путает с ленью и безразличием. Отсюда и постоянные его попытки заинтересовать меня чем-то, вытащить на свет божий. Я всегда ворчу. Но я очень благодарен ему за эти попытки. Ведь столько всего интересного можно проشياпить, выбирая диван вместо прогулки под дождем в плохую погоду, тогда как дождь закончится, и прогулка превратится в незабываемое приключение.

На знавшем лучшие дни диване мы со скучающим видом досматривали фильм про машину времени. Такой же древний, как и диван, старенький ноутбук старался сбить свою температуру, выдувая из внутренностей поток горячего воздуха, шумя вентиляторами, будто турбиной самолета.

На улице уже стемнело, и моросил дождик.

— Труба-а-а!.. Как же грустно на этом моменте, — разрушил магию кино громкий голос Стаса, — нет сил смотреть на это.

— Ну начало-о-ось... — зевая и потягиваясь, протянул я, — зачем тогда вообще смотришь?

— Надеюсь, чувак. Снова и снова. Поезд расхерачил машину вдребезги. — Выделяя каждое слово сказал Стас, а затем задумчиво взглянул на пустую бутылку и вздохнул. — Ох-хо-хо-о-о, все время одно и то же. Зачем так, неужели нельзя было спасти тачку в последний момент? Жалко. Эх... — махнул он рукой.

— Тупость. Не нравится — не смотри до конца. Слушай, если бы они не уничтожили машину, то пришлось бы снимать еще одну серию. К тому же остался его друг с поездом.

Стас хлопнул меня по колену и заговорщицки подмигнул:

— Давай еще накатим под это дело?

Не дождавшись ответа, он сорвался с места, на ходу впрыгивая в кроссовки.

— Я схожу, так и быть, или пошли вместе, прогуляемся? — он посмотрел на меня. — Ну, пошли, давай, вставай.

— Да ну-у-у... Закрывать, потом открывать... — я натянул на себя плед. — Там погода плохая.

— Ну тебя!.. — Стасик отмахнулся и выбежал на улицу.

В образовавшемся внезапно пузыре тишины я расслабился; пользуясь моментом, прикрыл глаза, обдумывая сегодняшние события и посетившие меня накануне идеи. День прошел заурядно, ничего примечательного, а вот одна мысль, возникшая тогда, меня заинтересовала даже очень: гипотеза про мультивселенные и дерево.

А дело было так...

* * *

После работы Стас завалился ко мне, и мы отправились на вечерний променад — обсудить наши дела, новости и просто выпить пивка. Я как раз занимался тем, что вот уже не один час медитативно рассматривал трещину на потолке, сочиняя метафоры для такого эпохального события, разделившего комнату надвое, и неожиданное предложение прогуляться пришлось мне по душе: нужно было срочно сменить обстановку и пообщаться с живым человеком.

Мы пошли в парк.

— Так какие планы все-таки, бро? — спросил Стас, задав тему.

— Да так, никаких, есть пару мыслей... Слышал про мультивселенные?

— Это параллельный мир? Знаю, ерунда.

— Угу, вроде того. Подразумевают существование бесчисленного множества вселенных рядом...

— И какое отношение эти вселенные имеют к нашей проблеме с машиной времени? — друг внимательно посмотрел на меня.

Он даже не пытался включить мозг и воспользоваться воображением — даром, вложенным в нас природой. Сразу — нет. Трудно было обсуждать с ним заумные темы, постоянно подбирать слова, объяснять по десять раз. Но больше обсуждать было не с кем. Многие в моем окружении это люди поверхностные и интересующиеся не далее, чем своими житейскими потребностями, не выходящими из зоны комфорта; думать же о сложном — это муторно и трудно, это дискомфорт. Мозг противится такому насилию. Мне не хватало собеседника, похожего на меня, человека, анализирующего и ищущего истину — романтика, искренне восхищающегося тайнами и загадками мироздания.

Но я все-таки продолжал.

— Это может напрямую касаться наших неудач. Представь, возможно, вместе со временем мы каким-то

образом взаимодействуем и с еще одной вселенной. — я сделал паузу, чтобы перевести дыхание. — Чак испарился, но может, он все-таки жив? А вдруг, переместив его в прошлое, мы переместили его к тому же еще и в соседний, параллельный мир, поэтому он и не появился в нашем? Как тебе вариант?

Стас присвистнул и ненадолго замолчал, обдумывая сказанное. Ему хватило двадцати секунд постичь достаточно сложную, на мой взгляд, концепцию.

— Не-э-э. Вряд ли, бро. Чак отстаёт от нас на пятнадцать минут, плывёт сзади на той же скорости, что и мы. И мы — там, с ним, только на пятнадцать минут раньше теперешнего. Уф. Я уверен в этом! — с видом знатока он отхлебнул пиво и выжидательно посмотрел на меня. — Все эти миры... Перебор. Тебе так не кажется?

— Сложно — не значит невозможно... Если бы было по-твоему, мы бы, плывущие позади, не стали покупать вторую крысу. А зачем? Чак — живой и невредимый и все дальнейшее пошло бы иным путем. По всем правилам это настоящее перестало бы существовать в том виде, в котором оно пребывает сейчас. Эффект бабочки, понимаешь, о чем я?

— Убедительно, но мы-то не знаем, что там и как должно быть! Он живой, но там, позади. И не узнаем, пока не разберемся, — пивная пена из горлышка попала на руку Стаса, и он смахнул ее себе на штанину, — вот черт!

— Да, возможно, мы действительно и плывем позади... — что-то наклеивалось у меня в мозгах. — Но только вот — по соседней дорожке. А что? Время — это не только точка в настоящем, за ней тянется непрерывный след (прямая линия, понимаешь), а прошлое — это отметины на прямой, с которых можно начать смотреть, с любого момента. Возможно, мы и правда встретили Чака там, но, — я поднял указательный палец, — в тот самый момент реальность разделилась и пошла другой дорогой, словно ветка дерева (я вспомнил свою же подзабытую гипотезу, благодаря Стасу она стала теперь немного полнее).

Я пытался поймать за хвост что-то ускользающее от меня. Вот оно — рядом, нащупывается, но срывается и уходит. Голова загудела от напряжения. Я старался как можно быстрее озвучить мысли, чтобы не потерять их и не забыть, и чтобы Стас услышал тоже.

— Мир, где с Чаком все хорошо, продолжил существовать в новой ветке, со своей новой историей и новым будущим. Параллельно нашему. Ты понимаешь?

Стас смотрел на девушку в короткой юбке.

«Очень логично получилось: пропажа Чака и невозможность перемещения в будущее — эти две тайны укладывались в такую модель, — я не стал дальше мучить друга и продолжил про себя: — К сожалению, с помощью крысы этого не проверить. Нужен кто-то умнее. Эх! Если бы только можно было заглянуть одним глазком в прошлое — и сразу обратно, ничего не изменяя и не трогая. Как же это можно осуществить?»

Погода быстро портилась и Стас, сбив меня с мысли, предложил посидеть в гараже. Он также отвлек меня какой-то повседневной темой. В общем весело рассуждая о девушках, мы отправились в магазин за добавкой — и в гараж, смотреть то самое кино. Но в моей голове, на подкорке, мысль закрепилась прочно, ожидая своего часа.

12. Настроение

Месяц спустя.

Настроение ползло вниз, неторопливо и неизбежно, как медленный поток лавы, сжигающий все на своем пути. Я старался вести обычную жизнь, казаться для всех в полном порядке: на людях вел себя как ни в чем не бывало: шутил и улыбался, когда нужно, а в душе рос ком, недовольство, закипала ярость от бессилия. Время проходило, деньги заканчивались, а начинать поиск новой работы я не спешил: с каждым новым утром перекладывал это на следующее — и так раз за разом.

Я желаю просыпаться тогда, когда решило мое тело, а не будильник; ложиться спать, когда вздумается; заниматься своими делами в любое время суток: ходить в кино, бесцельно гулять вечером по набережной, пить спиртное, отправляться в походы с палаткой и многое-многое другое. Работа же все снова перечеркнет: вернутся усталость, недосыпание и апатия, включится режим «максимальной экономии энергии». Работать до пенсии — чтобы потом, уже немощным стариком, ничего не хотеть, кроме телевизора? Ну уж нет!

Я бесцельно брел по улицам, слушая грустную и тревожную музыку под стать настроению. Желание броситься под поезд росло.

Я все чаще мысленно начал прибегать к забытой машине времени — к моему шансу на достойную жизнь. Да, злая ирония: великое изобретение всех времен пылится на полке. Меня стали обуревать порывы послать все к черту и рискнуть, закончить начатое. Стойкая нетерпимость возвращаться к рабской жизни породило во мне тягу к фатализму, безразличию к собственной шкуре: уж лучше сгинуть в яркой вспышке, чем такая жизнь. И так будет намного полезнее для науки, чем просто прыгнуть с моста превратившись в лепешку, ведь появится шанс на успех.

А пока — раздражение растет, и я уже с трудом сдерживаю его в общении с друзьями, родственниками, невиноватыми кассирами: всем так или иначе достается от меня. С этим нужно было что-то делать, срочно, или в один прекрасный день я сначала разобью бесполезную машину, а потом схохну под забором, напившись до бессознательного состояния.

Нужно было решаться.

13. Решение

Как-то в субботу в жарком июле месяце я встретился со Стасом: был уже вечер, и народу в клубе набилось предостаточно, чтобы затеряться в гомоне голосов и громкой музыки. Посетители беззаботно проводили время: пили, танцевали, шутили. Слышны были взрывы хохота и восклицания. Диско-шар вращался без усталости. Суэта вокруг, звон посуды и разноцветные вспышки лазеров пронзали облака кальянного дыма. Мимо сновали счастливые люди, непременно с бокалом в руках чего-нибудь крепкого.

Я пришел заранее и ухватил самый темный стол, подальше от всех: наша беседа может пройти на повышенных тонах, поэтому выбор пал на клуб, где орет музыка и никому нет дела до бредней, несущихся с соседних столов; такое место подходит лучше всего для этого. Придя на встречу, Стас хотел было взять выпивку нам обоим, но я заказал себе молочный коктейль, чем удивил и насторожил его. Разговор предстоял серьезный и алкоголь только все испортит.

— Чего-то ты усталый какой-то, бро. — как всегда в хорошем настроении, качая головой в такт ритмичным звукам и одновременно переписываясь с кем-то в чате, начал Стас. — Отличное место тут! И чего ты не захотел выпивку, заболел?

— Не хочу...

— Что?

Из-за громкой музыки приходилось перекрикиваться.

— Не хочу, сказал.

— А-а-а. А что так? Как себя чувствуешь, бро? — Стас отложил смартфон и с серьезным видом уставился на меня. Напрягся. — Что с машиной, есть новости? Ты что-то придумал?

Под его пристальным взглядом мне стало вдруг смешно. Я улыбнулся.

— Ничего нового. По машине — тоже. Я так и не добился результатов, увы.

Стас грузно выдохнул, расслабленно взял рюмку шота и, произнеся «Будем», опрокинул в себя. Затем он развернулся лицом к танцующим в центре зала, положил руку на спинку дивана и прокричал мне:

— Тогда чего ты такой кислый? Пришел в клуб с такой рожей, не пьешь! Ты просил не приставать — я не приставал. Но сейчас ты явно неспроста решил встретиться. Давай выкладывай!

Я был поражен его пронизательностью, сразу в точку.

— А ты сегодня в ударе, прямо экстрасенс! Ты прав, есть дело...

— Что говоришь?

— Ты прав, я не просто так позвал тебя! — я сделал паузу, привлекая его внимание, — нужно прыгать, самому...

Друг повернулся ко мне с видом человека, узнавшего о собственном родстве с Элвисом.

— Чего-о-о?

— Прыгнуть хочу, говорю!

— Да слышал я! Куда прыгнуть?.. — его брови поползли еще выше. — Ты бредишь? Совсем того? Да хрена с два!

Музыка резко прекратилась, и последний кусок предложения прозвучал на все помещение.

— Прыгну, уже решил, — тихо сказал я.

Новый музыкальный сет взорвал танцпол.

Стас нервно дернул еще рюмку бирюзового цвета и отмахнулся от всех:

— Ну их... Ты давай тогда, рассказывай по порядку! Чего случилось-то? — надув щеки в нетерпении, выдохнул взбаламученный друг. — Зачем нужен этот суицид? Или ты решил проблему с трансп... с траро... блин, с перемещением?

— Успокойся! Нужен еще подопытный, понимаешь? Умнее, чем крыса, чтобы на месте там разобрался, что к чему, и сделал все по обстоятельствам, как надо! Слышишь?

Танцпол, будто единый организм, вибрировал и мелькал в пятнах света под хитовый мотив, заглушая нашу речь нечленораздельными воплями и орущей из динамиков музыкой.

— Понимаю, бро! И слышу! Ну а собаку использовать? Я их не очень, ты знаешь.

— Не прокатит. Ты не врубаешься, какая на хрен собака? Человек нужен, гомо сапиенс!

Стас задумался. Отхлебнул пива. Почесал, нахмутив лоб, затылок.

— Давай бомжа! Или наркомана конченного. Уверен, проблем не будет! За бутылку или дозу на все пойдут!

«Тогда уж лучше собаку», — подумал я.

— Нет! Ты подумай о последствиях! Если они не вернутся...

— Ну и хрен с ними! Мы будем как... как санитары общества, без них только лучше будет. Кто о них

вспомнит?

— Да ты не понял! А если они не вернутся по личным мотивам: воспользуются, ну скажем так, вторым шансом и тупо там останутся? А мы тут снова чесать репу будем?

— Хм... Да мозгов у них не хватит... А что ты предлагаешь?

— Я же тебе сказал — сам все сделаю!

Немного захмелевший Стас снова выпил и повторил заказ. Между громкими клубными сетями наступила пауза, и музыка стихла до удобоваримого уровня. Мы сидели молча, пока не принесли новую порцию разноцветных шотов для Стаса. Затем он с серьезным видом рассматривал рельеф пивной кружки и, не отводя от нее взгляда, спокойно произнес:

— Я против, Макс. Я против, чтобы именно ты прыгал. Пусть кто-нибудь другой, но не ты. Запрещаю. Я твой партнер, если на то пошло, и как совладелец машины — я отказываю! Пусть все останется как есть, пока не придумаем что-то другое, — вынеся вердикт, он легонько стукнул стаканом по столу, подводя тем итог. Взял рюмку с содержимым кислотно-зеленого цвета и стремительно опустошил ее.

Снова — разумный, обдуманый ответ. Как такой парировать? Когда нужно, Стас говорит толковые вещи, становясь взрослее. Я все больше восхищался им, но даже будучи таким убедительным — он не мог уже повлиять на мое решение. Я только сильнее загорался реализовать задуманное.

Стены снова содрогнулись от внезапного баса и поливших из диффузоров громких звуков. Толпа лавиной повалила на танцпол.

— Ты не сможешь мне запретить, бро!

— Нет, могу и запрещаю! Не хватало еще, чтобы и ты пропал!

— Я все уже решил, Стас! Я не мог сделать это, не предупредив тебя. Понимаешь? Поэтому мы здесь!

Стас явно нервничал. Он пытался найти аргументы, на его лице была видна тяжелая умственная работа. Он елозил по дивану и нервно крутил пивную кружку. Минуты проходили. Наконец он сказал:

— Я тебя понимаю, ты хочешь закончить все! Как это там называется — завершить гештальт, вроде; в общем, ты не можешь продолжать жить так. Но, а как же я, родные? Ведь гарантий нет! Сто из ста — все неудачи! С чего ты взял, что у тебя получится? Это чистое самоубийство, бро!

— Риск — дело благородное! Я вернусь, обещаю!

Стас криво усмехнулся.

— Шутишь? В жопу риск, бро! Он не оправдан! И твои обещания — туда же, если ты их выполнить не можешь! — снова распалился друг. — Не надо гнать лошадей, дай время, и мы разберемся с тупой машиной! Ты что-нибудь придумаешь, я тебя знаю!

— Да ты не понимаешь! Все испробовано уже... Ну, должно работать, должно!..

— Нет! Я все равно против и не допущу этого! Завтра же расхреначу ее тогда.

— Да и пофиг на тебя!

— В смысле?

— Ты мне не указ! Сам решу, что делать! Уже решил...

Я засобирился уходить. Стас молча наблюдал за мной, ничего не предпринимая. Выйдя из-за стола, я обратился к нему:

— А может, ты и прав. Мне, наверное, нужно выспаться хорошенько, успокоиться. Пойду я... До завтра! — соврал я.

— Может, останешься? Обсудим это. Тебе расслабиться нужно, пообщаться. Выпей со мной!

Я отрицательно покачал головой, крепко пожал руку друга и ушел, оставив его одного в безумном шабаше огней и звуков. В моей голове окончательно утвердился план: я знал, куда пойду и что сделаю. Никогда еще я не был на столько уверен в себе, ноги сами несли меня к цели. В голове был порядок и стойкая уверенность в правильности поступка.

14. Настройка

Заперевшись в гараже, я уселся за ноутбук. В ушах все еще звучала музыка, и я выпил две кружки чая, прежде чем смог сосредоточиться на предстоящем.

Моей целью было выбрать подходящую дату для прыжка. Я уже думал об этом накануне и пришел к выводу, что нужный момент должен располагаться до того, когда мысль о машине времени посетила меня впервые и не слишком далеко в прошлом. Гараж должен быть уже построен, конечно — пустой, без машины и другого хлама. И чтобы никого рядом в минуту появления. Так что окно получалось с довольно узкими рамками.

Я вошел в папку с фотоальбомами — архивы из моих воспоминаний за полжизни; отсчет начал со своего семнадцатилетнего возраста, именно тогда гараж уже был. Предстояло просмотреть тысячи фотографий. Один за другим я пролистывал файлы: глаза напряжены, картинки расплываются, но я кликал папку за папкой и просматривал бесконечную вереницу однотипных карточек, половину из которых можно без сожалений удалить. Среди всего этого я искал единственный кадр. «Зачем их столько?» Время перевалило за полночь. Полумрак, свет от экрана и клацанье по клавишам усыпляли. Когда силы были истощены, а чай с печеньками уже не помогал, я открыл очередной файл:

— Бинго! — я крутанулся в кресле, чуть не упав.

На экране — фото десятилетней давности: я кладу вещи в свой минивэн. Мы с родней собираемся на целую неделю в автопутешествие по Европе. На фотографии хорошо виден сам гараж: внутри прибрано, мотоцикл у стены, а центр помещения — место, где сейчас стоит машина, — очищен и пуст. Дата — двадцать пятое июня, ровно десять лет назад. На фото — солнечное утро субботы. Искать что-то более благоприятное не имело смысла — это был идеальный вариант!

Я ввел нужные данные в графы, дату — двадцать шестое июня, как и сейчас тогда наступило воскресное утро: выходит день в день с разницей ровно в десять лет — почти полное совпадение. «Может, это принесет мне удачу» Проверил еще раз нарукавник-браслет, обзванный мной просто МУВ (мобильное устройство возвращения) переделанный и доработанный из перемещателя для крыс. Ввел в нем необходимые параметры и поставил заряжаться. Передвинул машину времени ближе к центру, ориентируясь по фото. Еще раз окинул все внимательным взглядом и закрыл крышку ноутбука. Включил будильник и лег: в семь — подъем.

Было всего несколько часов до самоликвидации, нужно успеть выспаться.

15. Готовность

Будильник вырвал меня из фазы глубокого сна. С трудом поднявшись, сразу продолжил вчерашние приготовления. Завтрак решил отложить до возвращения, если, конечно, оно случится — ведь как поведет себя пицца внутри меня во время прыжка, я не знал.

Под опорой высоковольтки, опорожнив свой мочевого пузырь, я постоял какое-то время на свежем ветерке под грязно-серым ковром из туч, плотно закрывших небо. Будет дождь. Что-то держало меня на месте; я поймал себя на мысли, что прощаюсь со всем, на что падает мой взгляд: с торчащей через дорогу родной двенадцатиэтажкой, будкой охраны, сонными проездами между гаражами, лопухами и единственным деревом рядом, растущим, казалось, прямо из-под стены. И хмурым небом над головой. Прощайте.

* * *

В это же примерно время у себя дома Стас очнулся от беспокойного, мучившего его сна. Пробудившись с большой головой и с сушняком, он внезапно осознал, к чему вели вчерашние разговоры и почему его друг не пил. Это должно было произойти сегодня. А может, уже случилось!

Стас, оставшись в одиночестве в клубе, хорошо приложился к спиртному и теперь чувствовал себя крайне прескверно. Очень неподходящее время для беспокойств и раннего подъема.

Не вставая с постели, дрожащей рукой он нащупал телефон на тумбочке, схватил его и лихорадочно стал набирать номер Макса.

* * *

Смартфон неожиданно зазвонил, напугав меня: «Странно, кто бы это мог быть так рано в воскресенье?» На экране красовался пузатый Стас — в профиль, выгнувшийся, как морской конек, с каким-то пакетом в одной руке и бутылкой пива в другой, радостный.

В самый последний момент я отдернул руку от гаджета: «Нет! Стоп. Он меня отговорит» Я оставил на столе звонящий аппарат и отошел от него, продолжив приготовления. Смартфон замер на пару минут, а затем снова завибрировал и заиграл, действуя на нервы.

* * *

И в очередной раз трубку на том конце никто не взял. Стаса, сидящего на кровати и напяливавшего носок, очень злило такое неоправданно жестокое отношение к себе: «Вот гаденыш, специально же не берет!» Он снова и снова набирал номер.

* * *

Я отключил звук и убрал телефон в карман, закрыл дверь на ключ и вынул его: предосторожность, чтобы можно было открыть снаружи в случае чего. Надел на руку увесистый браслет и надежно закрепил его с помощью ремней, положил паспорт (хм, зачем?) в небольшую поясную сумку — рядом с другой мелочевкой, которая могла пригодиться, и включил обратный таймер в программе.

Все было готово.

Волнение росло внутри меня, пульс прыгал, как сумасшедший, воздуха не хватало. Я взял дрожащими руками приготовленную повязку и надел на голову.

* * *

Стас, не позавтракав, выбежал из квартиры. Взъерошенный и растерянный, он направился напрямиком в гараж, уверенный что его друг там.

Я лежал на мате, приняв нужную мне позу — так, чтобы все конечности попали в поле действия излучателя. Пульс лихорадочно молотил, ладони вспотели и пересохло во рту. Дыхательная гимнастика не помогала, чувство паники рвалось из меня наружу. «Быстрее бы это все закончилось!» Я был в шаге от того, чтобы вскочить на ноги и броситься прочь. Мозг истерично отдавал команды: «Вставай! Беги! Не делай этого!» Я дышал, как взбесившиеся меха кузнеца, промок от холодного пота, струйками стекающего по мне, но не двигался. Дисциплина и сила воли! Дрожащими руками я опустил повязку на глаза и зажмурился, что было мочи.

Оставались секунды до отправления, билет вернуть невозможно!

16. Прыжок

Пять секунд до прыжка! Я напряг каждый мускул, пытаюсь защититься, как при падении в темноте, отовсюду ожидая внезапный удар. Тело — будто сжатая пружина. Секунды превратились в минуты. Воображение рисует ужасные сцены. Страх вместо крови течет по венам. Ожидание неизвестности — боли, огня, вакуума, всего, что только можно было вообразить в этот миг: я готовился ко всему сразу. Набрал полную грудь воздуха и замер. «Нужно перевести дыхание, успею ли? Сколько же еще ждать? Три? Две секунды? Сколько осталось?..»

То, что Земля за десять лет улетела на триллионы километров от того места, где была сделана фотография и я рискую очутиться в открытом космосе, буквально не сходя с этого места, меня не волновало. К тому же, эта мысль пришла слишком поздно. Мною полностью завладел пофигизм и слепая вера в удачу. А если это и так, все произойдет очень быстро. Все очень далеко зашло и повернуть назад я уже не мог. Еще, я никогда не был в космосе. А еще, атомы кислорода атмосферы могут оказаться внутри меня, что тоже не сулит ничего хорошего, ну и вишенкой может стать линейная скорость вращения планеты, равная на этой широте приблизительно семистам пятидесяти километров в час, благодаря которой меня размажет тонким слоем по поверхности словно деликатесный паштет, как только я появлюсь. Мда. Слишком поздно думать об этом.

«Когда же?..»

Вопрос повис в пространстве. Тепло вспышки прошило меня насквозь. Через складки плотно сжатых век и повязки я увидел ее, ярко-красную волну света, без проблем преодолевшую все преграды и добравшуюся до сетчатки глаз. Физически же меня словно вывернуло, подбросило и вдавило, я обмяк и потерял сознание.

17. Пробуждение

Придя в себя, я все еще видел удивительный сон, в котором я переместился во времени в прошлое. Еще какие-то фрагменты ночного клуба и чего-то еще; попытался удержать все в памяти, но не смог: сон быстро утекал от меня, словно вода в песок. В итоге растворился полностью, оставив меня совсем без каких-либо мыслей, с вакуумом внутри.

Непроницаемый мрак. Ни о чем не думая, я лежал с пустой головой, как брошенная кем-то кукла. Перед глазами плыли белесые круги, напоминающие полет семян одуванчика. Я не мог издать ни звука; двинуть рукой или ногой тоже не мог — не понимал или не умел; не знал, где верх и низ, был полностью дезориентирован в пространстве. Ничего не чувствовал: ни запахов, ни температуры. Мой мозг был будто отформатирован и перезагружен, и утратил связь с органами и мышцами.

Я лежал на боку в кромешной темноте.

Сколько прошло времени? Часы, а может, дни? Теперь, пытаясь получить контроль над временем, я не ощущал его вовсе. Я нахожусь здесь всегда: в прошлом, настоящем и будущем — одновременно.

Постепенно из однородной пустоты стали возникать отдельные фрагменты мыслей и всплывать образы, формироваться странные связи, словно звенья цепи: так восстанавливалась память. Мышечная память тоже возвращалась: я начал неуверенно двигать пальцами и дергать конечностями. Стало прохладно, я почувствовал дощатый пол под собой: это он оказывал давление на меня. Появилось обоняние: знакомый запах свежести. «Хмм... Откуда я помню его?» Затем звон в ушах — первый звук, который я услышал.

Последними вернулись воспоминания, перезагрузка процессора завершалась: «То был не сон».

18. Боль

Следом за чувствами пришла боль. Накатила словно волна, постепенно набирая силу. Началось со спазм. Сначала — напряженные, словно камень, затем — расслабленные, как шарик с водой, и вновь набирающие силу мышцы заломило и затрясло. Все тело, от головы до пальцев ног, пронзила одна сплошная судорога. Боль была бесконечной и невыносимой и, если бы я мог, — я бы кричал, зовя на помощь. Малейшее движение вызывало мучительный зуд, как при сильном солнечном ожоге. Казалось, кожа трескается и слезит, оголяя мясо. Мне оставалось только терпеть, стонать и хрипеть, пуская слюни.

Одновременно с этим конвульсии брюшных мышц вызвали сильную рвоту. Меня стало мутить и выворачивать наизнанку. Кашель и сопровождающая его отрывка терзали горло, из которого словно тащили колючую проволоку — со всеми внутренностями, намотанными на нее. Вены на шее вздулись и готовы были лопнуть от напряжения, как и глаза. Я с трудом успевал набирать воздух в легкие в коротких промежутках между приступами, рискуя задохнуться или подавиться желчью.

Адские муки длились вечность. Ах, если бы мне предложили покончить с ними, выбрав суицид, — я бы, не думая, сделал это.

Периодически я терял сознание, а когда приходил в себя, то все круги пыток повторялись. Каждый раз сила приступов уменьшалась, пока в очередное пробуждение я не почувствовал себя свободно лежащим, расслабленным и ровно дышащим — человеком в здравом рассудке, только смертельно уставшим.

Моргать, как и шевелить глазами, все еще было очень больно, словно насыпали песка под веки. Губы растрескались. В горле сильно першило и кололо, будто я съел тарелку репейника. Вся кожа горела и чесалась.

В страхе ожидания рецидива и в полном как физическом, так и психологическом изнеможении я провалился в лихорадочный сон, в котором я бесконечно строил крепость из пластмассовых кирпичиков конструктора. Она постоянно рушилась, а я не в силах бросить это занятие, шел и восстанавливал место крушения, отдавая приказы маленьким человечкам-рабочим. Затем все повторялось. Я понимал весь абсурд того, что делаю, но мысли все равно возвращались, будто притянутые магнитом, к рушившимся стенам крепости и я принимался возводить их заново.

19. Потеря

Проснулся я, дрожа от холода и мучавшей меня жажды. Вся правая сторона онемела и задервенела, воздух проходил с трудом через приоткрытый рот, нос не дышал. Я осторожно пошевелил головой, сжал и разжал пальцы, мелкая моторика в норме, подвигал левой ногой, правая все еще лежала неподвижно и не откликнулась на команду. Все телодвижения сопровождалось болями в суставах.

Я замерз. И я очень хотел пить! Прохлада окружала со всех сторон, а ледяной пол обжигал. «Должно быть, низкая температура тела...».

Вокруг была абсолютная чернота.

«Наверное, ночь... А вдруг...» — меня охватил ужас, по спине пробежал болезненный озноб. Я вспомнил. — А если я ослеп? — хриплый стон вырвался из груди.

Я поднес руку к лицу и помахал. Только легкий ветерок указывал на присутствие конечности у моего носа.

— Нет, этого не может быть. Я же защитил глаза...

Очень осторожно я дотронулся пальцами до переносицы и век, растер глаза, но кроме прозрачных, еле заметных белесых разводов ничего не увидел.

— Не вижу! — все пережитое мной до этого моментально забылось. Я приподнялся, оперевшись на локоть, и стал крутить головой, выпучив глаза, пытаюсь разглядеть хоть что-то. — Я ослеп... Боже мой!

Внутри меня оборвалась нить, и я начал паниковать. Значит, ничто не защитит в эпицентре от вспышки. Вспомнились мои подопытные крысы — несчастные. Они все... Я стал бить себя по щекам: звонкие шлепки вызывали только искры в бесполезных теперь глазах, вокруг по-прежнему была непроницаемая тьма.

«А если не было и прыжка?» — я стал осторожно прощупывать пространство рядом с собой. На расстоянии вытянутой руки должны были стоять стойки с излучателями — их нет, и с другой стороны — пусто. Тогда я начал водить рукой по полу, надеясь найти провода — ничего, и матов нет — подо мной были только холодные доски пола.

— Был!

Радоваться теперь этому или плакать?

«Нужно включить свет, еще не все потеряно. Возможно, на улице глубокая ночь, — продолжая озираться по сторонам, думал я о чуде.

Еще одна неприятная новость подоспела сразу за кратковременным приступом надежды: обняв себя, дабы немного согреться, я не ощутил под своими руками одежду — я был совершенно голый, и МУВ исчезло тоже!

Что было страшнее: ослепнуть дома или ослепнуть в незнакомом месте и остаться без возможности вернуться домой? Конечно, второе. Я повалился обратно на пол и в отчаянии стал биться головой о доски. Даже думать о таком не было сил и желания. «Нужно заснуть. А проснуться сидя в гараже за ноутбуком, за просмотром фотографий. Будильник не сработал так удачно, что я проспал время прыжка! Вернуть все назад. Пожалуйста...»

«Нужно все-таки включить свет... Попробовать. — сам выключатель находился не так уж и далеко, пара-тройка шагов, — Я доползу. — Будучи до сих пор не уверенным в слепоте на сто процентов, нужно исключить все другие варианты, будь то темная ночь или порча зрения, отместить в сторону ненужное. — Если нет электричества, то рядом дверь на улицу, а там уже все равно, что будет. Просто упаду и буду лежать, пока что-нибудь не произойдет».

«Как хочется пить...»

Набравшись духу, я отжался от пола и подтянул левую ногу, чтобы встать на четвереньки, и столкнулся с еще одной проблемой — правая нога была обездвижена, чем-то зажата. Что-то пригвоздило ее к полу намертво, в районе голени.

— Что за черт?..

20. Капкан

В центре гаража стояла тяжелая конструкция из металла. Это был подкат под машину, я сразу узнал его на ощупь: сваренный из стальных уголков и арматуры, этот очень массивный и громоздкий предмет с какого-то хрена встал на моем пути. На фотографии его точно не было. Или был, только теперь это уже неважно.

Дотронувшись до него, я медленно повел рукой по конструкции, продвигаясь все ближе к месту контакта с ногой, и отдернул ее, добравшись. Я испугался. Холодный металл просто исчезал в голени и выходил с противоположной стороны, такой же прохладный и прочный. Меня стало подташнивать.

«Да как так-то? Сколько еще я должен открыть нового для себя, не сходя с одного места?» — я горько всхлипнул и в тысячный раз заплакал бы, если бы были слезы. Мое лицо исказила гримаса злобы и отчаяния, и я заорал от обиды — беззвучно, в пустоту.

В итоге я очутился в патовой ситуации. Слепой, голый, с дикой жаждой — и в капкане, словно пойманный дикий зверь. Полный крах всех надежд, страшный сон любого путешественника во времени — если есть еще такие дураки, кроме меня.

«Я сожалею, друг, что не послушался тебя! Вытащи меня отсюда, мне плохо, Стас...» — как же я хотел увидеть его.

* * *

Никакой боли, только небольшое онемение, будто это было всегда частью меня. Железка в сорок килограмм весом лишь холодила плоть в месте проникновения и наковальней удерживала конечность, пригвоздив ее к полу. Нестерпимо хотелось подвигать ногой — и это был единственный дискомфорт.

Кое-как взяв себя в руки, поняв, что больше мне пока ничто не угрожает, я сосредоточился на зрении — это на первом месте. Сейчас это стало еще большей проблемой. Изможденному физически, теперь мне предстоит еще и тащить за собой неподъемную конструкцию.

С ориентацией проблем не возникало: если меня не крутануло в момент прыжка, то я остался на том же месте и в той же позе, — даже без глаз я знал, в какую сторону надо ползти.

Набравшись смелости, я руками толкнул подкат в нужную сторону, одновременно двигая ногой — немного, всего на пару-тройку сантиметров. Подождал, ощупывая место спайки металла и плоти. Если повредить артерию, то я просто-напросто истеку кровью не в силах как-то помочь себе. Затем, переведя дыхание, я отполз еще и повторил процесс, осторожно перемещая подкат и ногу следом за телом.

Потеряв уйму времени и сил, двигаясь со скоростью улитки, я таки добрался до стены. Полдела сделано. Немного отдохнув, я, вывернутый, как гимнаст, продолжил путь вдоль стены, таща за собой груз. Каждый раз кожа в месте контакта с металлом противно тянулась, нога шла на излом, расшатывалась, казалось, что в любой момент из нее вырвется кусок мяса. Если бы я видел, было бы намного неприятнее, это точно.

Пыхтя и проклиная все на свете, боясь своим шумом привлечь внимание, я поминутно делал остановки, прислушиваясь и заодно набираясь сил. Нога в том месте, как будто совсем расшаталась и люфтила все больше и больше.

В очередную такую передышку мое внимание привлекла еле заметная горизонтальная линия, бледно-серая размытая полоса. Так как я частично смирился со слепотой, для меня это стало полной неожиданностью. Сначала я принял ее за очередной глюк бесполезных глаз, но полоса всегда оставалась на одном месте в пространстве, независимо от того куда я смотрел; сфокусировавшись на видении, я убедился в его реальности: это был свет, исходящий из-под гаражных ворот!

Начинался рассвет!

* * *

Я не поверил и боялся моргнуть. Тусклый лучик ласкал взор, глаза увлажнились и защипали. Зрение вернулось, а может, скорей всего, и не уходило. Хотелось прыгать и махать руками, еле сдерживаемый крик счастья вырывался из груди! Какой же он желанный и прекрасный — свет! Проведя рукой перед лицом на фоне пробивающегося проблеска и пересчитав пальцы, я широко улыбнулся сухими губами.

Нужно было закончить начатое — добыть свет, чтобы разобраться со второй проблемой. Надо мной, в полтора метра, находился рубильник.

Потянувшись к заветной клавише, я не достал. Электроцит висел прямо над головой, очертания его проступили во мраке. Мне не хватало каких-то нескольких сантиметров. Снова и снова я рвался вверх: нога в месте соединения с подкатом сильно шла на излом, давление в этом месте неприятно росло, но я не обращал внимания и продолжал попытки.

При очередном рывке нога неожиданно высвободилась из капкана, и я по инерции достал до выключателя. Клац! Яркий свет ослепил меня. Я рухнул обратно на пол, хватаясь за ногу и жмурясь, радуясь и впадая в ужас одновременно. Теперь я видел, но смотреть было страшно! Я стал медленно открывать глаза, по-прежнему с силой сжимая место излома.

Не ослабевая хвата, в ожидании потоков крови и боли, я просто сидел и смотрел. Крови не было. Тогда я медленно ослабил хват, все еще ожидая обнаружить кровавое месиво под пальцами, а затем неспеша полностью убрал руки и увидел всего лишь сочные розовые отметины в виде буквы Г — на месте, откуда недавно торчал металлический уголок с обеих сторон голени. Только пара капель крови скатилась по ноге, гладкие следы медленно заполнялись еле сочившейся прозрачной жидкостью.

Удивлению моему не было границ.

Внутри голени, между «входом» и «выходом», было уплотнение — хорошо ощутимое, но рыхлое и разваливающееся при достаточном нажатии, а по коже вокруг этого места разбежалась паутинка синих вен. Получившиеся шрамы потеряли чувствительность.

Сам подкат пострадал намного больше. Изогнутый плавный срез — с одной и другой стороны, будто кто-то откусил кусок, немного шершавый на торцах.

Я не понимал: как плоть оказалась сильнее стали? И почему в ноге не ощущается твердый металл? Нужно будет проверить магнитом.

«Возможно, — думал я, — кристаллические решетки материалов при мгновенном проникновении друг в друга были изменены, и, в теории, получили уникальные свойства друг друга: металл ослаб, а плоть, наоборот, получила часть свойств стали». Лучшего я не придумал ничего, да и незачем. Пусть будет очередной загадкой «на потом».

Тем не менее мне крупно повезло, что это произошло с ногой, а, скажем, не с головой или легкими или сердцем, тогда все закончилось бы намного-намного печальней и быстрее.

Свобода окрыляла и придавала сил. Я словно начал дышать полной грудью. А радость от обретенного вновь зрения воодушевляла на подвиги.

Но торжествовал я недолго: как только вспомнил, где я, меня моментально приземлило с небес на землю. Встав на неокрепшие ноги, при свете ламп я внимательно изучил помещение: это был мой гараж — без сомнений, как на фото. Шатаясь и держась за стены, я обошел его, разглядывая и боясь прикоснуться к чему-либо, словно в музее. Чем больше меня убеждала реальность — тем меньше верил в нее: «Неужели перемещение во времени все-таки возможно?» Как будто находишься внутри сна или спроектированной симуляции — пахло обманом, воздух казался другим.

Осмотревшись, я не нашел ни своей одежды, ни тем более браслета.

21. Выход наружу

Главное, не впадать в отчаяние.

Перво-наперво я оделся. На вешалке, среди сменной одежды, я выбрал более или менее чистую красную толстовку и единственные штаны, джинсы — засаленные и в дырах. На полке же, среди вороха тряпья, лежали купальные шорты — сойдут за нижнее белье. Старые кроссовки и черная потертая кепка довершили мой изысканный туалет. Вроде неплохо.

Немного приободрившись, я набрался храбрости выглянуть из гаража и осмотреться. Мне было очень любопытно, вдруг снаружи ничего нет — а может, просто захотелось на воздух. В створке ворот находилась дверь, которая была закрыта на навесной замок, — с другой стороны, конечно, но сами створки запирались изнутри на задвижки; убрав их, я без труда приоткрыл ворота и вышел на улицу.

Раннее утро, туман и только гул высоковольтных проводов над головой. Сырая прохлада обволакивала меня, словно на дворе поздняя осень. Город еще спал, но вот-вот начнет пробуждаться. Я стал жадно вдыхать влагу, наполнявшую воздух. Вокруг все было, как обычно: припаркованные машины, опора ЛЭП, поросшая вокруг кустами; дерево, растущее будто прямо из-под гаража, но совсем небольшое, в пять раз меньше того, с которым я прощался совсем недавно; будка охраны и мусорные баки — все на своих местах. Только асфальт еще не положили. А на что я, собственно, рассчитывал — ах да, космическая бездна, компьютерный код, апокалипсис. Ха-ха!

Надышавшись, я вернулся в гараж, теперь казавшийся таким теплым и уютным. Ноги подкашивались от усталости, жутко захотелось спать.

Мысли об утере прибора — единственной возможности добраться до дома — вернулись и терзали меня. Я еще раз изучил все вокруг, хотя и так было понятно, что его здесь нет, никогда не было. Не просто где-то здесь, а вообще — не существует в природе, во вселенной, как теперь и пути обратно.

Я разобрал белый в зеленую полоску шезлонг и устроился на нем.

Вспоминая пережитое за последние несколько часов, а может, и пару дней, я думал, что перемещение во времени оказалось-таки довольно опасной штукой для здоровья, и не каждый смельчак сможет пережить такое. «Это не кино. — рассуждал я. — Всего лишь один прыжок чуть не прикончил меня физически. А какая психологическая нагрузка! Да-а-а, мне повезло — тут либо помешательство, либо на тот свет, выбор невелик. Травма останется навсегда: это как собак бояться всю жизнь, будучи раз укушенным. С меня точно хватит, еще разок бы только — и пойду устраиваться на нормальную работу»

Я зевнул.

«Как же хочется пить...» — успел я подумать перед тем, как провалился в сон.

22. Вода

Мне снилось бушующее море. Черные воды десятибалльного шторма, поднимавшиеся к ночному небу без звезд и отделимые от него только бурлящими полосками пены на гребнях, грозно нависали надо мной, словно стены, готовые в любой момент обрушиться. Мое худое суденышко било о волны и кидало из стороны в сторону в бескрайней пучине океана, оно грозило вот-вот развалиться при следующем резком порыве ветра, трещало и гнулось словно щепка в кипящем котле без краев. Ветер завывал. Меня швыряло и ударяло о борта еле живого кораблика; обрубок мачты, торчащий посередине, был единственным предметом на пустой палубе, за что можно было ухватиться. И я держался за него из последних сил и жадно ловил ртом морскую воду, обрушивающуюся на меня со всех сторон; я хотел пить, жадно глотал жидкость, но никак не мог напиться!

Проснувшись от зудящего першения в горле и головной боли, я почувствовал себя тысячелетней мумией, погребенной глубоко в песках пустыни. Язык намертво приклеился к небу, глотать было невозможно. Нужно было срочно решить проблему с жаждой, пока я мог еще соображать и нормально двигаться.

«Может, просто попросить в магазине, меня же там знают, в долг? Можно и у охраны. Хотя бы стакан воды... Да, лучше сначала там. Недалеко... Разбираться со всем другим — потом».

Суставы закрипели и зацеккали, тело с трудом подчинялось приказам: «Надо идти. Вставай»

Кое-как поднявшись на ноги, я неуверенно сделал шагок в сторону ворот и остановился. Едва слышный гул подъезжающей машины. Сюда? Тихо фыркающее тарактение мотора и перекачивание колес по щебню. Автомобиль припарковался совсем рядом. Двигатель заглох. Я стоял и ждал, решая, что мне теперь делать. Хлопнула дверца машины и кто-то, звонко брэнча ключами, бодро направился в мою сторону. Приблизившись к моей двери, шаги стали удаляться — неизвестный прошел мимо, и в дверях смежного гаража загромыхал замок.

Волна облегчения окатила меня. К таким поворотам нужно готовиться заранее. Я выдохнул и, дрожа, на ватных ногах доковылял до дверей.

«Это, должно быть, дядя Толя, и у него, возможно, есть вода» — я открыл ворота.

На улице стоял теплый летний день, солнце утюжило землю.

— Привет!.. Кхе-кхо-о... — скрежещущий и сиплый голос напугал меня самого и соседа, как раз выходящего из своего гаража мне навстречу.

Это был не дядя Толя, которого я хорошо знал, а предыдущий владелец его гаража. Я забыл, понятное дело, и эта неожиданность смутила меня: как школьник, я стал мямлить что-то про погоду и настроение. Конечно, я не помнил, как его зовут. Мы никогда особенно и не общались, только здоровались мимоходом.

— Здорово! — он крепко, до боли, пожал мою руку, и я не мог не заметить, с каким интересом он разглядывает меня.

— Как, кхе-кхе, у вас дела? — в сухой глотке словно росли колючки, царапали и щекотали.

— У меня-то нормально, а с тобой что? Выглядишь паршиво, мужик, правда.

Отрицать очевидное было глупо. И я сказал как есть:

— Сушняк жуткий... Ключи потерял, домой не попасть теперь, и денег нет... Кхо-кхо!.. Вот такая вот напасть, — я развел руками и цыкнул, указывая тем на свое плачевное положение.

Разговор дальше не шел. «Зря я, наверное, про деньги то, подумает теперь, что я ради них, вот дурак!..» — не зная, что еще добавить, я просто стоял и собирался с мыслями. Он смотрел на меня, вероятно, ожидая продолжения истории. Тогда я спросил прямо, скрывая как мог свое смущение:

— А можно, кхе-кхе, у вас воды попросить, если есть, конечно? — просипел я и жалобно улыбнулся покрывшимися сухими корками губами. — Я, как деньги раздобуду, заплачу вам.

Мужик взглянул на меня еще внимательнее и сочувственно улыбнулся, покачивая головой:

— Хреново тебе, видно. Сейчас, погоди... — он нырнул в салон машины и через секунду достал оттуда полуторалитровую бутылку воды, целую и запотевшую. — Держи. Забирай, и ничего не надо, поправляйся! Рад поболтать был, но мне пора — спешу, так что сорян.

Дрожащими руками я принял дар.

— Спасибо... Спасибо огромное! — чуть не плача, пролепетал я, крепко сжимая бутылку обеими руками. Я готов был броситься и обнять своего спасителя.

— На здоровье. Будь осторожнее в следующий раз, — он закрыл дверь гаража и сел в машину.

Я сразу вернулся к себе. Заперся. И, не сходя с места, стал пить воду небольшими плоточками, контролируя и сдерживая себя, физически ощущая, как с каждым новым глотком оживает тело, расправляется, словно цветок. Блаженство!

Оставшийся день я больше ничем не занимался: в основном спал, восстанавливал силы.

Так наступил вечер понедельника.

23. Ключи

«Скверное положение: еды нет и нет денег, чтобы купить ее. Нет смартфона — жаль, собственно, а кому я собрался звонить здесь? Хм, да и симка моя в этом времени не работает еще. Хотя можно было бы воспользоваться бесплатным вай-фаем в каком-нибудь торговом центре. Эх! Все равно жаль — книга еще недочитанная осталась и игры какие-то были закачаны. Теперь, будто пещерный человек без гаджета, даже время не знаю».

Гараж был в моем распоряжении до субботы. «А сегодня какой день? — я начал перебирать в памяти события. — Предположим, сутки меня штырило, тогда ладно, пусть будет понедельник, значит, осталось целых четыре дня. А потом что?» Думать не хотелось совсем, перспективы не радовали, и я отложил это занятие на завтра.

«Перво-наперво нужно раздобыть денег, купить еды. Черт, как я голоден! Последний раз я ел, дайте-ка подумать, в субботу утром. Сегодня, снова предположительно, уже вечер понедельника — неплохо-неплохо, я на диете. Ладно, поздно что-то предпринимать, завтра продам что-нибудь, — я оценивающе посмотрел на полки и стеллажи, на весь рабочий скарб, разложенный на них, — точно, продам на рынке. А сегодня главное — о жрачке больше не думать».

— Ключи от хаты!.. — вырвалось у меня вслух. Иногда, уезжая куда-нибудь, я оставлял ключи от дома в гараже, клал в какую-нибудь банку с болтами или на гвоздик вешал. — А вдруг?..

Меня как током шибануло в макушку, так внезапно пришла мысль про них! Я вскочил на неокрепшие ноги и заметался по гаражу, обшарил все возможные места: в ящики, банки и коробки. Нашел каждый гвоздь, вбитый в стену, — ничего. Видимо, с собою в путешествие взял все-таки. Э-э-эх.

Обыскав все очевидные и неочевидные места по три раза и даже посмотрев в сапогах, ключи я так и не отыскал. Надежда растаяла, как дым, — так же быстро, как и появилась.

Расстроенный, я снова плюхнулся на лежанку (просто кинул туристический мат, валявшийся на антресолях, а подушку скрутил из тряпок) и еще долго ворочался: «Надо было слушать Стаса. Ведь предупреждал же, всезнайка»

Наступила тихая летняя ночь. Кузнечики не спят и мне не дают, стрекочут всюю, общаются.

24. Гроза

В этот раз что-то пугающее преследовало меня. По пустынным улицам ночного города, по знакомым с детства местам я бежал сломя голову. Быстрее никак. Ноги весят по полтонны каждая, не поднять, иногда приходится грести руками воздух, помогая им, словно плывешь под водой. Перманентный ужас; не остановиться и не передохнуть, а тело ломит уже от немоготы; звенящее в голове напряжение и давящее ожидание подстегивают преодолевать сопротивление через не хочу; таинственная сущность тянется к моему плечу сзади: вот-вот, сейчас вцепится. Или стоит за углом, я знаю это, поджидает: тогда, забегая за угол, я закрываю глаза, прищуриваюсь и медленно затем открываю, чтобы не врезаться во что-нибудь, и несусь дальше; ускоряюсь медленно, прижимаюсь к земле под острым углом, руками хватаюсь за землю, почти ползу. Сюрпризы не люблю. Боюсь темноты. А вокруг тёмная ночь, тусклые фонари мигают, не разобрать дороги. Метро! Свет! Поворачиваю туда, забегая через тяжелые стеклянные двери в вестибюль, прыгаю через старинные турникеты, всегда почему-то открытые (странная задумка инженеров, никогда не понимал — почему не наоборот?), но неожиданно закрывающиеся вдруг, если что-то не так с оплатой, калеча при этом тебя и нервную систему. Уф, пронесло! Дальше — вниз, через несколько ступеней за раз, по эскалатору, в зловещее чрево, в полумрак слабо светящих ламп. Зачем я здесь? Спаситесь. Здесь нет людей! Спрятаться в лабиринте. Вперед.

Спрыгнув с перрона на пути, я нырнул в кишку круглого туннеля. Не сбавляя хода, путаясь и спотыкаясь на шпалах, я не останавливался, пока не оказался в огромной пещере. Наверное, подземное депо. Рельсы блестели как паутина во все стороны. Необъятное пространство. Прижимаясь к холодной и мокрой стене из бетона, оборачиваясь, я ощущал присутствие его в этом месте — совсем рядом. Боюсь протянуть руку, чтоб случайно не коснуться чего-то мягкого и теплого в этом сыром подземном царстве. Чувствую затылком дыхание, меня бросает в дрожь. Хоть и не вижу, но знаю — это он. Забиться в узкую щель, скорее, как можно глубже и сидеть, как мышь, или бежать дальше? Охотник навис надо мной, он просчитывал каждый мой шаг, куда бы я ни свернул. Его взгляд неотрывно следовал за мной, его шаги отдавались эхом от каменных стен — все громче и ближе. Кто это, я не знал: человек, безобразное чудовище или же сама смерть?

Я завернул в какой-то пыльный и узкий коридор в ответвлении от основной пещеры: он был завален старой мебелью и каким-то разным хламом, затем — еще поворот, и еще. Хорошо, можно запутать следы. За очередным поворотом я наткнулся на дверь в маленькую комнатку, подсобку со швабрами и ведрами, забитую доверху инвентарем. Тупик. Я ударил по клавише выключателя, гася тусклую лампочку, одиноко свисавшую с потолка, и закрыл дверь кладовки изнутри — запер на щеколду (зачем она внутри?), зарылся поглубже в грязные тряпки и затаился. Шаги приблизились и остановились. В просвете под дверью видна тень: там кто-то стоит. Нужно перестать дышать, совсем. Смотрю на тень. Время остановилось. Он ждет когда я ошибусь...

БАМ-М! Удар в дверь, затем снова — БАХ! БУМ! БУМ! Дверь дрожала и прогибалась. Черда ударов, словно молот, забивающий меня в землю. Я вжался в самый угол, холодея от ужаса.

* * *

Проснулся от того, что неистово тряслась дверь. Но услышав завывания бушевавшего ветра снаружи, успокоился. перевел дух. Уф-ф, все равно жутковато. Горький привкус сна остался, где-то на подкорке скребет по нервам. Навесной замок, сопротивляющийся стихии, глухо постукивал по двери: тук-тук, тук... Отчетливо был слышен звук ливня, хлещущего по земле и крыше.

Можно просто лежать и слушать шум. Душно. Всмотриваясь в непроницаемую тьму, я вспомнил случай в пещерах: проводник группы тогда решил всех удивить. Когда мы были уже достаточно далеко, в глубоких недрах, он попросил всех одновременно отключить фонарики. Все исчезло. «Хоть глаза выколи» — это про тот случай как раз. А сейчас — уже не страшно.

Под воротами ярко вспыхнуло холодным светом и тут же погасло. Молния.

БА-БААХ-ТАДАДАБУМ! ТЫДЫБУДУ-У-М-М-М-м-м-м!

Сверху, прямо над гаражом, раздались раскаты грома. Очень низко. Стены вздрогнули. А я невольно сжался и ошарашенно стал озираться по сторонам, боясь быть раздавленным железобетонной плитой, лежащей надо мной.

Через минуту снова бахнуло.

ТАДА-АМ-м-м-м, БДУУМ-м-м, БАМ-ТРАХ-БЫМБАМБУ-У-У-УМ-м-м-м!

В ящике зазвенели гаечные ключи и болты с гайками. Это было совсем рядом. Не пора ли подползти к стене (поближе к «треугольнику жизни») — так, на всякий случай? Или — наружу, но там — вода и молнии, электричество — опасно. В соседнем гараже сработала сигнализация автомобиля.

ПИУ-ПИУ-ПИУ-ПИУ!

— Твою ж мать!.. — теперь не перестанет орать, так всегда.

ПИУ-ПИУ-ПИУ-ПИ, пи! Сигнализация смолкла так же неожиданно.

Я приготовился и ждал следующего раската, но его не было. Шли минуты, но ничего. Ветер резко прекратился и наступило затишье. Конец?

Я встал и на ощупь добрался до ворот, приоткрыл их и выглянул наружу. Влажный порыв ветра, с каплями дождя, ворвался внутрь, обдав меня свежестью и прохладой: как приятно. Беззвучно, как в немом кино, молния в глубине черного неба озарила голубовато-фиолетовым светом контуры огромных, исполинского размера, туч. И через секунду все исчезло. Через минуту-другую боги снова бросили шар, выбив все кегли, — но где-то там, дальше, поэтому тише и уже совершенно не страшно.

Пошел ливень.

Проигнорировав здравый смысл, я воспользовался удачным моментом и принял прохладный душ, смыв с себя липкий пот и пыль. Затем, пока меня не заметили, такого первобытного, голого и довольного, уже посвежевшим я вернулся внутрь, выпил остатки воды и стал ждать рассвета. Спать перехотелось.

25. Сделка

Когда рассвело, в моей голове уже созрел план: сейчас беру болгарку и топаю на рынок, там быстренько меняю ее на деньги и сразу — в магазин за едой. Все просто. Если местные торгаши не отпинают меня, то проблем быть не должно. Сосущий вакуум в животе и начинающаяся жажда придают мне уверенности. В общем, чем раньше это сделать, тем лучше. Нужно поторапливаться.

Кинул в мешок инструмент и, резко выдохнув и приготовившись, ударил себя по щекам, прогоняя бледность, несколько раз подряд. Я все так же походил на голодного попрошайку или наркомана — в такой-то одежде и в полуобморочном виде, это и понятно... Для большей убедительности я прихватил с собой паспорт с чеком на инструмент. Это увеличит мои шансы. Теперь — все. Придав себе кажущейся бодрости и презентабельности, я решил во что бы то ни стало раздобыть сегодня пропитание. Любым способом. Думать о чем-то другом я все равно не мог. Подперев ворота камнем, чтобы их не открыло ветром, я направился к выходу с территории.

Бодрящий утренний ветерок после ночной грозы хорошо приводит в чувство, дышится легко, вся пылица прибита дождем. Лужи уже впитались. Быстрой походкой, надвинув кепку на глаза, я уже хотел было проскочить сторожку, как вдруг меня окликнули:

— Вы из двадцать седьмого?

Небритое лицо почти уже деда с усищами в виде велосипедного руля выглядывало из тени небольшого окошечка на свет божий.

— Уважаемый, погодите минуточку!.. — лицо исчезло.

— Что случилось? Здравсьте... — я напрягся, всматриваясь в пустой черный квадрат: «Зачем я ему понадобился?»

Через несколько секунд застучали засовы металлической двери, и из недр сторожки вышел покрытый, казалось, пылью времен, помятый седой охранник.

— Вы же из двадцать седьмого, правильно?

Я кивнул.

— Хм, замечательно. Я чего хотел-то, наблюдали вас ночью-то этой, в грозу... Хм-м, купающегося или гуляющего просто...

Краска залила мою удивленную физиономию. К этому я не был готов. Дед продолжал:

— Вы же порядок помните, правила-то есть: ночевать в гаражах не положено, да.

Я молча слушал и краснел, как нашкодивший сопляк. Аргумент, однако: «закон есть закон». Правил я, конечно, никогда и в глаза не видывал, но знал, что такие имеются, да и врать ему было незачем. Самое неприятное, естественно, было слушать про мои водные процедуры: черт, ведь я был нагишом. Мне стало не по себе, и как-то грязно. На меня смотрели. Представляю, как он или они потешались... А не шантажировать ли он меня собрался?

— На этот раз, хм, это будет предупреждение, понимаете?..

Я все понимал. И уже сочинял историю, почему мне непременно нужно остаться в гараже. У меня просто нет другого выхода. Тактично обойдя стороной мой ночной душ, я заговорил:

— Да, правила, конечно, знаю. И более того, я полностью одобряю и поддерживаю их. Если бы все придерживались установленных правил и законов, то и в стране порядок был! Я как раз хотел на обратном пути зайти к вам — и все рассказать, и обговорить, совет может спросить: у меня сложилось крайне скверное положение. Просто непредвиденные обстоятельства. А душа неспокойна, нервничаю, сплю плохо, понимаю, как вас подставить могу. Стыдно.

Дед задержал рулем, поворачивая им из стороны в сторону.

— Понимаете, у меня дома жуть, что творится: тараканы и клопы повсюду. От соседей ползут. Там сейчас дезинфекция проводится. Невозможно находиться: дышать нечем. Запечатано все. На неделю минимум. Если я пломбу сниму и войду, то с гарантии снимут, понимаете?

— Хм-м... Но правила-то...

— Знаю, конечно! Мне просто больше некуда пойти, — я отвел смущенный взгляд.

— Но нельзя...

Я надавил еще:

— Простите меня! Я обещаю сидеть ночью внутри и не выходить: вы меня больше не увидите и не услышите. Пожалуйста, войдите в мое положение. Давайте я с начальством вашим переговорю, чтобы вас не трогали в случае чего.

— Хм, хм... Как же ваши друзья, родственники-то — не примут? — в его глазах, я заметил, затеплился огонек сочувствия.

— Не-е-е. Я бы и сам даже в гостиницу рад, только все деньги внутри квартиры заперты, а она запечатана теперь: в ловушку попал, дурак... Понимаете? Самые близкие по разным причинам отказали, да и сам я, не люблю навязываться... — тут меня осенило. — А не хотите болгарку?

— Кого? — кустистые брови деда дернулись вверх, он встрепенулся.

— Инструмент, конечно же! Вот, взгляните, — я достал машинку из пакета и протянул ему, — почти новая, паспорт и чек при мне.

Охранник нахмурился, но товар молча взял и стал вертеть в руках, подозрительно осматривая и хмыкая:

— Хм. Ну, неплохая вещь, вроде. Нужная в хозяйстве.

— Конечно, как новая. Берите — не пожалеете. Хотел на рынке сбавить, туда и шел. А вам дешевле отдам. — улыбнулся я и для жалости добавил, — хоть еды куплю, а то, сами знаете, деньги в квартире.

— Угм. Хм-м. Ну а сколько?

— Три рубля и она ваша.

Дед почесал подбородок, задумавшись, затем обернулся ко входу в сторожку и громко гаркнул:

— Лех! Леха! Поди сюда!..

Внутри послышались возня и шаги; через секунд десять на пороге показался молодой Леха — сменщик, так как был в той же форме что и дед. Может, сын? Я так подумал из-за растущих под носом жиденьких усов уже известной формы.

Выходя, он задел ногой что-то у проема двери, и это «что-то» со звоном покатило по полу: пустая бутылка «Столичной»... Мы втроем уставились на нее. Этикетка гордо демонстрировала название продукта, что недавно был внутри. Немая пантомима двух охранников, включающая нахмуренный взгляд старшего и извиняющийся — младшего, могла получить Оскар, если бы меня взяли в жюри, но я учтиво отвел глаза, предоставив им самим разрешить этот казус.

Леха ногой задвинул тару за дверной косяк. На все действие секунд пять ушло, не больше. И как ни в чем не бывало спросил:

— Чего тебе?

— На, посмотри вот, — дед насупив кустистые брови протянул ему инструмент, — предлагают за треху брать. Хмм. Так-то дороговато вроде?

Я не вмешивался, молча наблюдая за процессом.

— А что, неплохо. — Леха скрылся в сторожке и тут же вернулся с удлинителем, я даже и моргнуть не успел: шустрый парнишка. Воткнул штепсель, включил болгарку... — Работает! — сквозь мощное жужжание прокричал он.

Старый попался — упертый, еще какое-то время сомневался, но Леха его быстро убедил, сказав, что купит сам, если он не захочет. Я скинул еще рублей двести — только как хорошему человеку, издавек намекая на закрытие вопроса с ночевками, пообещав сидеть тихо и не высовываться по ночам. Принимать водные процедуры, походу, все-таки можно, про это в правилах — ни слова. На том и разошлись. Сделка состоялась, деньги в кармане.

Я, радостный, что не пришлось тащиться на рынок, а это километра три топать, побежал в магазин и накупил продуктов. Взял пару бутылок пива холодного, отпраздновать сделку. Решил заодно выпить и за завершение моего эксперимента на машине времени, пусть и неудачного частично, но главное здесь — я жив остался, за это и опрокину бокальчик. А дальше видно будет.

26. Встреча

Вернувшись из магазина, я подкрепился сухомяткой с газировкой и отправился, как и планировал, в район. Интересно было посмотреть, что изменилось за десять лет. Ха. Даже не знаю, как правильнее будет: наверное, как БЫЛО десять лет назад. Искать различия в общем эмпирическом способом решил.

После довольно-таки любопытной прогулки, с улыбкой, не сходящей с моего лица от увиденного (благоустройство дворов, вывески магазинов, дороги и транспорт — я подмечал и сравнивал, было интересно: везде какой-то хаос, примитив, недоделанность и древность), я двинулся в сторону своего дома. По дороге рассматривал автомобили во дворах — после привычных дерзких и агрессивных форм и острых граней двадцатых здесь они выглядят, как мыльницы, плавные и устаревшие. Как на суперинтерактивной экскурсии с голограммами.

В завершении, я оказался возле родной многоэтажки, сел на скамейку у подъезда: а куда еще идти? Это была последняя на сегодня экспозиция. Ноги сами принесли меня сюда. Еще бы, дорогие сердцу пенаты все-таки. Деревья — метров на десять ниже, еще совсем прутики — как будто нахожусь в оживших воспоминаниях, во сне! Ущипните меня.

Я пренебрег киношным общепринятым правилом путешествующего во времени: будь осторожен, не наследи в прошлом! Существовал большой риск встретиться со знакомыми, некоторые знали, что я в путешествии — колесил по Европе в этот момент и находиться здесь не должен. В этот прекрасный нежаркий летний день, пребывая в душевном равновесии после всех перипетий, случившихся со мной за последние пару суток, сытый, я сидел в тенишке, неспешно смакуя захваченную с собою бутылочку пенного, погруженный в мысли.

— Здорова, Макс! — с ходу плюхнувшись рядом и обняв меня за плечо, пробасило на ухо грузное тело. — А я и не узнал тебя сначала. Думаю, что за чучело сидит с пивом! Ах-ха-ха! Ну и вид у тебя, бухал, что ли, чего такой мятый?

— Здорово, Сань... — я растерялся от внезапности и количества льющихся на меня слов. Саня, собственной персоной. Живой. Очень давно его не видел. В последний раз мы встречались при очень скверных обстоятельствах. — Рад видеть тебя!

— И я тебя! Ты как сам? Выглядишь ты... Ну-у-у, так себе! Ах-ха-ха! Будто постарел лет на десять! Старик! Ты завязывай с этим: лучше пей водку — выглядеть будешь прииз... проземь... презен-нтабельнее, чем от этого пойла! Эй, а ты же уехал вроде? — он хорошенько хлопнул меня по плечу своей пухлой ладошкой, устроив встряску моему внутреннему миру.

— Да-а, должен был, не сложилось, — я потер плечо, — машина в ремонте, поездку перенесли. На попозже. А ты как сам?

— У-у, я норм, гуляю! А что с тачкой-то? — он весело подмигнул мне и достал из-за пазухи чекушку водки. — Серьезное что-то?

Он открутил пробку и торжественно произнес: «Будем!», далее, чокнувшись со мной, отхлебнул прямо из горла, поморщился, затем из второго кармана достал лимонад и запил. Как друг, предложил и мне:

— На. Жахни.

— Не-е-е, премного благодарен, мне хватит... Да масло там чего-то подтекает, в сервис отогнал... Ты чего не на работе-то?

— Ну, как знаешь. Ясно. Дык я в отпуске! Е-э-э! Ты чего, забыл, что ли, как неделю назад бухали? Я же говорил тогда! Слушай, а поехали к Лохматому! У него батя в рейсе — хата свободная! Кристина будет с Олей. Пое-э-эхали! Бухнем. — Саня умоляюще смотрел на меня. — Харэ ломаться, чел!

Саня страдал избыточным весом и при этом много пил. А может, оттого, что пил, и жирел. Всегда пил. Сколько помню. Каждый день по пол-литра, это для него норма. Его девушка бросила или что-то там было несколько лет назад, мутная история короче, с тех пор не просыхает и не следит за собой, на отношения с женским полом похоже забил, больше даже и не пытался на сколько мне известно, только пьет и тусит. Жалко его по-человечески. Хороший, надежный, неунывающий, мухи не обидит — таких мало добряков. Одно плохое событие и сошел с рельс и полетел под откос, уж я-то знаю его будущее.

— У-у-у, нет, Санек! Без меня. Дел много, в норму прийти надо, тачку забирать из сервиса, за руль завтра-послезавтра, — а перед глазами наши куражи и пьянки, вот же время было бесшабашное. Мы все способствовали его алкоголизму, все вместе бухали, редко кто тогда отказывался от спиртного.

— Я-я-ясно. Ну ла-а-адно... О! Дай трубу позвонить. У меня нет денег на своем.

— Эмм... А я ее потерял, — соврал я, — так что пока сам без связи, сорян Сань.

— Ого! Дела-а-а, брат, не повезло, ага. Лохматый, вон, каждую неделю с новым телефоном! Откуда у него только деньги? Барыга блин! Ах-ха-ха!

Саня закурил и протянул пачку:

— На, угощайся.

— Я не курю, спасибо.

— Да ладно? Чувак, одни сюрпризы! Когда успел бросить-то? — он пристально посмотрел на меня. — Неделю назад еще курил!

— Ну-у-у... Так вот уже несколько дней, как бросил, — черт, нужно следить за языком.

— Понятно, это фигня, маленький срок, закуришь на следующей пьянке. Ах-ха! Уважуха за попытку... Я тоже всегда бросаю, как докуриваю.

«Нет, Саня, не бросишь», — я сидел и слушал друга, а разные мысли между тем в голову лезли, грустные в основном: у него смех и шутки, а у меня по спине мурашки. В последний раз мы встречались на похоронах, почти десять лет спустя — да, впереди, так правильнее. Только то похороны его были. В гробу лежал он: тональником обмазанный и как восковая кукла. В парадном костюме, никогда не видел его в костюме до этого...

Он так и будет всю оставшуюся жизнь курить и бухать. Под конец только скинет свои килограммы, за полгода где-то до финиша (перед смертью), но пить не бросит все-равно; пытаться будет — подшиваться, например, но это все временно, а вот общаться будем реже намного: у всех своя жизнь взрослая начинается, разбредемся кто куда. Семьи, дети. А он один останется. Безработный подолгу. Черт, еще и брат помрет вроде через пару лет. И сказать то нельзя, предупредить. Не повезло. Я чувствовал себя шаманом или злым колдуном, заглядывающим в будущее, и знал правила игры: менять прошлое нельзя.

Тяжело. А он все говорил, смеялся и хлопал меня по плечу. Я отвернулся и по возможности больше не смотрел на воскресшего друга. Сердце бомбит от недосказанности, от груза бесполезных знаний в голове, от плохого предчувствия.

С меня хватит! Грустные мысли наполнили меня до краев, их было не остановить; злость росла от бессилия и готова была перелиться через край. Пора валить.

— Сань, я, пожалуй, пойду. Нужно дела порешать.

— Да, Макс, конечно!

Мы встали со скамейки и пожали руки — я притянул его и обнял. Спонтанно получилось, не планировал. Это все сентиментальность моя. Точно, мне пора.

— Ого! Ах-ха-ха! Макс, чего это тебя на нежности потянуло? — засмеялся друг, но тоже приобнял в ответ. — А то поехали, предложение в силе. Ах-ха-ха-ха! Лохматый будет рад! На обнимаешься там вдоволь.

— Рад был очень видеть тебя. Ты давай, береги себя, ладно? — и я взял под козырек, уходя прочь.

Больше я его не видел.

27. В парк

Проснувшись в душном каменном мешке, я еще какое-то время просто лежал и смотрел в потолок. Обдумывал вчерашнее. И вообще всякое разное, например: «Перемещение во времени, казалось бы, феноменально, непостижимо, гениально и все такое — беги, кричи, славу пожинай, а я лежу тут, почему так? Интересно. Наверное, не знаю с чего начинать. Да и машины нет уже, — я перевернулся на бок. — Реальность с фильмом путать: как было бы складно и просто в картине, а в жизни — бардак полный, всем плевать, нужных людей не встретишь на улице, к кому подойти? Как в лотерею выиграть: шанс на миллион. Кому рассказать про машину? Пойди, приведи доказательства: да вот же, мой клон, смотрите... Не поверят один фиг — это развод, скажут светочи науки в институтах. Хых! Однойцевых близнецов подсовывают. Машина времени — невозможно! Или вот еще факты: знаю много о будущем, аргументы, казалось бы, но сошлутся на везение или мистику (в это охотнее поверят), а пока думать будут, обсуждать на конференциях и все равно сомневаться, это ж сколько времени я взаперти проведу, кто же меня на свободе держать будет? Лет десять — в лабораториях, как крыса. А потом дадут-таки создать машину под присмотром — и что дальше? Кто меня отпустит?.. *Шале* в горах — ага, ну-ну... Да, это не кино...»

Надо вставать.

Что же, у меня оставалось три дня до момента, когда случится что-то, что изменит мою жизнь окончательно и бесповоротно — интересно, как это будет.

Свет, плоскими лучами пробираясь сквозь щели гаражных ворот, сканировал внутренности моего склепа.

Пыль покрывала мое влажное тело, залетала в легкие и вылетала обратно. «Ученые говорят, что пыль в атмосфере нашей планеты до сих пор содержит частички самых первозданных времен — самого начала, чуть ли не старше самой планеты. Пыль, из которой формировалась наша Земля. Уму непостижимо. Снова британские ученые, наверное. Как это возможно вообще? — мысли в черепе ворочались не спеша. Я сфокусировался на медленно проплывающей пылинке надо мной, попавшей в отраженный луч света. — А может, эта и есть самая древняя, — я легонько дунул на нее, пылинка резко дернулась в сторону прописав зигзаг в воздухе, пересекла терминатор и исчезла навсегда. — Как же все сложно устроено».

Пора было подумать и обо мне. Все эти дни было некогда. Но теперь время не ждет: три дня на все, и нужно успеть разобраться, придумать какой-то план действий. Остаться в этом времени насовсем меня не прельщало.

«Почему же все вещи исчезли?» — я почесал свежий шрам на ноге.

Летнее солнце нещадно утюжило крышу гаража. Духота, как в печке. Я встал и открыл ворота. Ощутил порыв свежего ветерка, прохладный поток, за ним пахнуло жаром. Устроившись в глубине гаража на шезлонге, я перекусил растаявшей шоколадкой и сдобными булочками, запил все теплым лимонадом.

Находиться здесь в такое время, будучи окруженным бетоном, было совершенно невозможно, даже смертельно опасно.

* * *

После завтрака я взял тетрадь и набросал схему. «Первое: перемещение во времени прошло успешно. Ура-а-а. Это нужно признать — успех. Мда уж. Прыжок осуществлен точно в указанное время. Факт перемещения — есть. Как-то не радостно только. Второе: все предметы снаряжения и одежда пропали. Вывода два: либо остались в моем времени, как в случае с опытами на крысах, либо испарились в моменте самого прыжка», — я внимательно посмотрел на предплечье, где был прибор, в поисках каких-либо следов — ничего.

«Если бы вещи испарились прямо на мне, остались бы признаки этого, ожоги, например. Все равно, можно гадать до потери пульса, и все будет впустую, их не вернуть, — мне совсем не хотелось забивать голову этим сейчас, — значит, этот пункт помечаем, как второстепенный, первый тоже малозначим в данном контексте. Это все — не то!».

«Третье — и главное: можно ли вернуться обратно?»

Я обвел этот пункт несколько раз — вот цель! И как это сделать?

Дорисовав глупую схему, я скомкал ее и швырнул в ведро: смысла в ней — ноль, я и так знаю, что главное. Задача предстоит проще некуда — вернуться домой... Но как?

Тучи сгустились надо мной. Я как дурак, ищу брод в океане.

Так-то не существовало ни одного способа. По части ответов последний пункт был самым простым: машины времени больше нет, как и нет пути обратно. Невозможно и точка! До ближайшего изобретения машины — каких-то девять с половиной лет. Я нервно сглотнул. Ком в груди, не хватает воздуха.

«Дыши глубже, успокойся... — взгляд заскользил по пыльной зелени единственного деревца, когда-то пробившего себе путь сквозь бетон и утрамбованный щебень и до сих пор упрямо стремившегося дотянуться до неба, по которому, как по океану, оставляя кильватерный след, плыл крошечный белый самолет. Я отдышался. — Панической атаки не хватало. Уф-ф».

«Работают ли правила, эти временные «парадоксы»? Что будет, если я встречу себя? Что будет со мною, если я изменю прошлое? Построю ли я тогда машину?» — вопросы, вопросы. Вопросы и ни одного ответа.

* * *

«Конечно, я бы смог воссоздать машину, все необходимые знания есть в моей голове, но основная загвоздка была в наличии деталей: в этом времени они отсутствовали полностью или же были очень труднодоступны и, конечно, баснословно дороги»

«Ресурсы. Ммм. Деньги. Всегда их не хватает».

«Значит, нужно их раздобыть: я должен буду найти работу. Только без документов меня возьмут разве что на стройку или грузчиком — высокооплачиваемая должность мне не светит, а на мизер, хватающий только на хлеб и съём угла, ничего не изобретешь. Так можно прозябать годами, похоронив в итоге всяческие потуги вернуться... Стоп!.. — слона-то я и не заметил».

Из-за нестерпимой жары и духоты я совершенно упустил из виду свои возможности. Ведь у меня был самый бесценный ресурс в мире — информация. Я, черт возьми, пришел из гребаного будущего! Да во мне кладезь всевозможной информации о грядущем. Надо лишь правильно этим воспользоваться.

Настроение поползло вверх, как кривая на графике после затяжного пике.

«Нужны средства только на старт» — от возбуждения я щелкнул пальцами и с ходу вспомнил пару событий, на которых можно было бы неплохо заработать.

— Ладно, уже что-то. — духота усилилась, находиться в гараже стало невыносимо, а тем более о чем-то думать. — Нужно валить на воздух.

Выбор пал на ближайший парк Яблоновка: открытое пространство, много воздуха, легко укрыться от палящих лучей в тени деревьев — хорошее место.

* * *

Снова, как во сне: чувство дежавю и эта дебильная улыбка, я не в силах сдержать ее — как смотреть на старое фото. Так я и добрался до Яблоновки. Натянув кепку на самые глаза, я неспешно прошелся по гравийным дорожкам парка и присмотрел одинокую скамейку у небольшого пруда, под раскидистой кроной дерева — названия его я не знал. Я впадал в нирвану от умиротворенности этого прелестного уголка природы, легкого шума листвы и ветерка, мой дух парил и впитывал волшебство, происходящее вокруг меня всемоментно. Каждый миг — и даже между ними — столько всего в миру случается, и все так или иначе влияет друг на друга, все взаимосвязано. «Интересно, я вписался в гармонию порядка вселенной или своим появлением я создал хаос в этом времени? Привнес лишнее и опасно качнул чашу весов... Ах, эта магия завораживающей водной глади и облаков, неспешно скользящих по небу. Я слишком много думаю...»

Линия горизонта — на открытой местности, я обратил на нее внимание, она была другой — без торчащих высоток-человейников, коих во множестве наплодят в последующие годы горе-строители, каждый клочок земли будет изнасилован. Они станут торчать словно уцелевшие кривые зубы будущих гетто. Интересна психология людей, покупающих там жилье. Хм. Что ими движет?

Меня не покидало чувство, похожее на то, что возникает, когда рассматриваешь свои старые фотографии, те, что снимали еще на пленку: подмечаешь, в чем одет, что окружает, внимательно разглядываешь все мелочи... Уютно на душе становится. Но отправиться туда без веской причины не хочешь, особенно как представишь, сколько всего произошло с тех пор. Как армейские фото. Мама дорогая. Сама мысль о возвращении в те времена — тяготит невероятно. Да, одно дело вспоминать, и совершенно другое — оказаться там без возможности вернуться или что-то поменять.

Из груди выкачивают воздух, и я вот-вот схлопнусь, как металлическая пустая бочка. Снова паника. Вдох — выдох, вдо-о-ох — вы-ы-ыдох... Да уж, когда все идет прахом — философствуй.

В кармане нет смартфона, ничто не отвлекает, а так хочется, чтобы отвлекло. Некуда деть руки, нечем себя занять. «Наверное, надо было семечек взять... Хе-хе» — нужные мысли, за которыми я шел сюда отсутствовали.

Уже вторая половина дня, судя по солнцу.

Я постарался сосредоточиться на одной, очень важной теме: что будет в субботу?

«В субботу вернется мой двойник. Черт бы его побрал, абсолютно не представляю, что мне делать. Придется съезжать. А куда?»

До случая, побудившего задуматься о машине времени, оставалось еще более трех лет. Моя жизнь в то время шла обычным путем среднестатистического паренька в не очень перспективной стране, с обычными делами, присущими многим в тридцатилетнем возрасте: выпивка, шумные посиделки, барагозы и все в таком духе. По трезвости — прохваты по ночному городу на байке; конечно, кино и романтические встречи с девушками. Я только-только начинал взрослеть. Знаменательный инцидент произошел как раз на границе перехода моего взросления и сильно ускорил его. Тот эпизод существенно повлиял на меня, и в итоге я углубился в серьезные вещи, в науку. Математику и физику я со школы еще хорошо тащил; парадокс — чем сложнее было, тем легче понимал. Память у меня феноменальная, так любили повторять учителя. Серым веществом я не обделен: вот и задумался, формулы всякие стал сочинять. В научные теории полез. Время мое пришло.

К чему это я... Ах да, рассказать все себе самому — не получится — рано! Суббота — день икс, развязка. В любом случае в этот день мне предстоит сделать что-то судьбоносное. И даже если ничего не делать, все случится само, но так я смогу что-то подправить в нужную мне сторону. Следующий вариант — начать жить новой жизнью где-нибудь в другом месте, подальше от сюда, с нуля. Раздобыть документы, новое имя, и пока — работать неофициально, пусть и за гроши; главное, скопить сумму, затем вложиться и пожинать плоды своих драгоценных знаний — трудно, долго, но возможно. Страшно. Одного раза попасться в лапы ППСников будет достаточно, и все обломится. Риск огромен! Но сбрасывать со счетов не будем. Еще проблемка: как мы вдвоем уживемся в этом временном потоке? Не возникнут ли какие-нибудь аномалии? Я упоминал уже про хаос кажется. И потом, моя ли это временная ветка или, попав сюда, я создал новую? — я вспомнил одну из моих вымученных теорий. — Если то, где сейчас я, является вновь созданным мною миром, то, в принципе, ничего не случится, если занять Его место, — я не нарушу ход истории и не повлияю никоим образом на будущее.

Последний был самый простой вариант, но нужно знать наверняка, как работает время и все его противоречивые законы. Не нужно будет договариваться с самим собою, и не нужно скрываться: просто отличный вариант. Можно рискнуть.

Интересно, а испаряться — это больно? Если я окажусь неправ и изменю последовательность событий? Я же могу сделать так, что машина никогда не будет изобретена, и тогда я никогда не прыгну в прошлое... И как быть? — я смотрел на уток. — Как это, черт возьми, проверить?

Ох. Как же тяжело мне... Похоже на гадание на кофейной гуще, — я массировал виски, пытаюсь увеличить объем черепной коробки, мысли не влезали, а ее разрывало, — риск пятьдесят на пятьдесят, черное либо красное. Но куш, он огромен. Избавиться от Него и, если не растаю, словно облачко, — заживу, как король!

В мою сторону неторопливой походкой по той же дорожке, где стояла одинокая лавочка, на которой сидел я, шли три девушки. И почему по моей дорожке? Их так много вокруг. И еще так медленно. Они что-то весело обсуждали, хихикая, — надеюсь, не меня. Когда кто-то смеется, часто кажется, что причиной тому являешься именно ты, возникает дискомфорт и начинаешь нервничать, перебирать возможные косяки в себе. Особенно теперь, когда сижу один в парке в таком стремном прикиде. Я стараюсь не всматриваться в прохожих, не люблю устанавливать визуальную связь, это привлекает внимание. Бросив всего лишь мимолетный суровый взгляд в сторону источника шума, я безразлично продолжил заниматься своим делом. Поравнявшись со мной, девушки остановились. Я сижу, глаза в землю, игнорирую. Не до них. Хорошо знакомый и забытый голос выдернул меня из этого состояния:

— Привет, Максим.

Я поднял голову. Это была Таня, когда-то давно — моя девушка.

— П-привет, Таня.

Она была сногшибательна. Короткое светлое платье свободного кроя на загорелой коже, открытые плечи и стройные ножки, обутые в белоснежные кроссовки. Она затмевала своих подруг.

Внутри что-то щемануло. Черт, я ее десять лет не видел!

Я с любопытством стал рассматривать ее, пока не опомнился и не отвел взгляд. Напустил на себя безразличие.

Короткое каре растрепанных черных волос с рваными краями, прядь, вечно спадающая на лоб, средний рост в идеальной фигуре «песочных часов» и ровные белые зубки. Превосходство во всем. Вся эта красота записана в идеальном человеке. Хватило бы на пятерых. Где справедливость, боги? Поделилась бы с подругами, им явно чего-то не доставало. Хотя нет, не нужно. Я почувствовал себя заморышем рядом, горбуном из сказки. Когда-то я решил бросить ее, сейчас настал момент пожалеть о содеянном.

Подробностей расставания я забыл. Знаю, что в это время. А может, сейчас как раз были в процессе. Порвать мог после возвращения из поездки, да, логично — я бы так поступил. И как мы там закончили, миром или нет?

Отличительной чертой и так запоминающейся внешности, ее визитной карточкой, если можно так выразиться, были разноцветные радужки глаз: одна — темно-коричневая, другая — зеленая.

Бриллиант, таких как она мало — одна на миллион.

— Максим, — Таня удивленно морщила лоб, — с тобой все нормально?

Все трое уставились на меня. Таня изучала меня с головы до ног. А я — ее. Причем одежда на ней нисколько не мешала моему рентгеновскому взгляду. Да чего говорить, я уже глаз не мог оторвать от ее форм.

— Амм... Что говоришь? Ах да-а, все путем, сижу тут.

— Ты чего так смотришь? — Таня повела бровью.

— Да ничего. Говорю, рад видеть просто. Ты классно выглядишь... — тут же ущипнул себя, мысленно, конечно, и сразу поправился. — Встреча супер! Неожиданно. В таком месте... — я обвел руками вокруг, указывая на парк, деревья и озеро, и вдобавок еще улыбнулся, как идиот.

Подружки ее переглянулись. Обиделись, их я не упомянул. Нес какую-то пургу. Таня повеселела.

Теперь думать о своих делах я перестал окончательно: о том, что пару дней назад чудом остался в живых, совершил научный прорыв, что за секунду стал на десять лет старше и вообще являюсь другим человеком в этом мире. Все стало вдруг неважно, когда появилась рядом.

— Да уж... Спасибо. Приятно. Место обычное вроде. А вот ты какой-то странный. Что случилось?

Танюша беспокоилась. Или простое любопытство? В любом случае моя самооценка росла прямо пропорционально ее вниманию.

— Ты чего как воды в рот набрал, скажи уже хоть что-нибудь?

Подружки, почувствовав важность разговора, тактично решили свалить, оставив нас наедине.

— Тань, мы пойдем. Подождем тебя там... — и синхронно, как пловчихи, махнули руками куда-то в сторону.

Таня кивнула им в ответ и под села ко мне, совсем рядом. Ее голые волнующие коленки оказались так близко.

— Давай, Максим, рассказывай, ну же! Что случилось? Хоть это и не мое дело.

— Танюша, все окей, правда, — «Не наследил в этом времени!» — флюоресцентная надпись ярко мигала в голове.

— Мрачный ты какой-то. Начудил что-то или снова бухал со Стасом своим? Да, угадала? Ты постарел лет на десять и похудел, плохо спишь?

Ну что ей рассказать? Правду? То, что сплю в гараже на полу и не мылся уже дня три? Так она и так поняла по амбре источающемуся от меня. Я незаметно стал принохиваться. Фу.

Танюша сложила ножки одну на другую, достала из сумочки пачку сигарет и закурила.

— Ну чего молчишь? Макс. У тебя курить-то есть? Нет наверняка, выглядишь как бомж. На, возьми... Ты правда, такие не любишь, — и протянула мне пачку сигарет, с ментолом.

Ласково улыбнулась, когда мы встретились взглядом.

— Спасибо, Тань, я не курю, — я резко заткнулся. Снова — на том же, черт.

— Да ну-у, врать-то зачем? Недавно курил по пачке! — она ткнула мне под ребра, игриво шурясь, — н-а-а, держи, не стесняйся чебурашка! (из-за моих немного оттопыренных ушей, она иногда называла меня так)

— Ну хватит!.. — толчок по ребрам развеселил меня, щекотка — мое слабое место, она это знает. — Ах-ха! Ну вот, бросил. — еще тычок — Прекрати же! Ах-ха-ха!..

— Ладно, как хочешь, тяжело, наверное, в первое время-то. Я вот тоже бросить хочу, — она убрала пачку и затаилась, затем выпустила струйку дыма в голубое небо. — Смотришь на уток, значит, извращенец? Ну и как? Как у них дела?

При других обстоятельствах я бы уже хохотал и шутил вместе с ней. Обычно мы этим и занимались, дурачились. Сейчас же обстояло все иначе, я должен сдерживать себя, быть скалой. Но я словно нашел что-то давно потерянное и осознал истинную ценность этому кладу! Было желание кричать от радости. К тому же ее интерес ко мне явно не угас и указывал на неостывшие чувства, по крайней мере, я так полагал. Я хотел так думать. Нужно не поддаваться на ее провокации: как себя вести, чтобы не наломать дров?

— А ты как поживаешь? — осторожно поинтересовался я, проигнорировав уток. — Чего не на работе?

— Так я еще не устроилась, догуливаю последние денечки.

— А куда?

— Ты забыл уже? В ювелирный... Ты должен помнить, мы же обсуждали! — она пристально посмотрела на меня.

— А-а, то-очно! Вылетело из башки, — постучал себя по лбу.

Таня пронзила меня взглядом широко раскрытых драгоценных глаз — таким, что пробирает до мурашек. Она умела так смотреть. Ткнула снова пальцем под ребра, в одно из ее любимых пыточных мест на моем теле. Я подпрыгнул. А она продолжила как ни в чем не бывало весело вести допрос.

— Ты же должен был уехать путешествовать!.. Один, без меня. Подумать только.

Надутые губки и нахмуренный лоб провоцировали меня на смех. Она приобняла меня за торс, затем положила руку на мое плечо и сжала трапециевидную мышцу. Любит она помучить, палец в рот не клади.

— Без меня, Ма-а-акс! — надавила еще сильнее.

— Ай, больно! — Я строго взглянул на нее.

И она тут же сменила тон на прохладный:

— Ладно, проехали. Мне же нет дела до этого, так, Максим?

Она смотрела на меня, дерзко сощурившись и наклонив голову вбок. Наморщила носик, как какой-нибудь маленький зверек. Руку не убирала. Так и сидели вдвоем на лавке под раскидистым деревом, названия которого я не знаю.

Я накрыл ее кисть своей ладонью. Ощутил ее бархатистую кожу, тепло и нежность, исходящее от нее.

— Небольшие непредвиденные обстоятельства возникли, ничего серьезного, ерунда.

— Ну что ты за зануда такой, слова не вытянешь. Ты таким не был, Макс! Хотя чего это я, ты мне все ясно дал понять. Не хочешь, ну и не говори. Бе-е! — она убрала руку. — Ладно, меня девочки ждут. Пойду я.

Я безумно захотел поцеловать ее, успокоить и не отпускать никуда. Никогда больше. Я не видел ее десять лет и даже не вспоминал, а теперь, только взглянув, влюбился, как мальчишка. Не понимаю, что со мной происходит.

Я бы подумал, что это второй шанс, ниспосланный небесами.

— Таня, да погоди. Не уходи! Просто день такой, дрянной. Машина сломалась, поездка отменилась, вот я и расстроен, — Таня внимательно слушала, а я продолжал. — Устал, постоянно в гараже торчу, переодеться лень, — я обратил ее внимание на свой прикид, — в запаре я, видишь? Пришел воздухом подышать. На уток посмотреть, — и еще добавил зачем-то, — очень рад тебя видеть. Правда.

Она молча выслушала мою правдивую ложь, сочувственно кивнула и положила руку мне на колено, сжав его, несильно. Это было, наверное, самое сексуальное, что со мной за последние десять лет случилось. А затем с проворством ласки другой рукой неожиданно сняла мою кепку и воскликнула:

— Боже! Зачем, Максим? — она ошарашенно уставилась на мою лысину с только-только начинающими отрастать волосами.

— Ну, захотелось, лысеть стал... — я забрал кепку и надел обратно. Отвернулся.

— И когда ты успел начать лысеть-то, дорогой? Охушки! У тебя такие волосы были месяц назад!

— Таня! Да ладно тебе, это мое дело. Мы же расстались. Какая тебе разница? — бросил я. И пожалел. Не нужно было так резко, да только сказанного не воротишь.

В глазах у нее потухло. Она по-прежнему улыбалась, но выглядело это уже странно — приторно,

неестественно. Уголки ее губ дрогнули, когда я произнес это. Задел, по-видимому, ее самолюбие.

— Ты прав. Забыла, что ты меня бросил..., понесло меня немного, прости. Ну-у, раз все у тебя нормально, тогда пойду. Береги себя для другой.

Сейчас иные заботы, и восстанавливать отношения — ну никак в планы не входит. Я продолжал упрямо молчать, стиснув зубы. «Не наследил!»

На прощание, Таня заявила:

— Выглядишь ты все равно странно, как будто ты и не ты. В тебе почти все изменилось. Хм. Не пойму, лучше или хуже... Ты другим стал, — она пристально смотрела на меня.

Я только и пожал плечами.

Уже года три, как я был заядлым холостяком, привык. Долгие отношения мне были неинтересны, они меня угнетали, сковывали. Я жил в рутине: работа — дом, остальное время отдавал проекту, а мог и этого лишиться женившись. Вся эта мишура мне до лампочки. Не верю в любовь. Это всего лишь химия в наших телах. Инстинкты. Все эти цветы, заискивания, бесконечные ухаживания, угадывание настроения. Бррр. Хуже всего потом — постоянный самоконтроль, даже во сне. Следить за тем, что говоришь и как это делаешь. Вести себя подобающе мужчине (собирательному образу некоего героя из романа), быть классным, чутким и внимательным. Строить из себя кого-то, быть бараном. Да пошло оно! А дальше совсем уж болото: знакомство с предками и ее крестинами-друзьями, совместный быт и бесконечные ссоры по мелочам, никакой личной жизни. Шантаж одним местом и манипуляции с помощью детей. На выходе — остается привычка и обязательства, никакой любви.

Пахнет жутким эгоизмом, ну и что с того? Я знаю, что мне надо. «Жить ради самого себя» — так я стал дауншифтером. Не изолировав себя, и не сбежав от социума я по-прежнему открыт для отношений, вот только связывать себя не стану. Свобода — возможности, а девяносто процентов девушек стремятся лишиться ее, спят и видят, как посадить на поводок, приручить. Жить ради кого-то. У них это само собой выходит. Главное — накинуть ошейник. Теперь я — за встречи, без обязательств. Так можно долго жить вместе, а как надоест — разбежаться, главное, все сразу обговорить: без претензий и посягательств на личное пространство. Без обид и последствий.

Сегодня в мой мир упертого холостяка впорхнула прелестная фурия и разнесла к такой-то матери все вдребезги, не оставив камня на камне. Мои устои рухнули.

Мне не хотелось обижать ее.

— Танюш, подожди! — я подошел к ней и взял за руку. — Послушай, давай сходим куда-нибудь? В кино или на карусели, куда захочешь. Только разберусь с одним важным делом.

— Хорошо, до встречи, Макс. — Таня мило улыбнулась. — Позвони, как закончишь!

— Обещаю, — я отпустил ее руку. — До встречи.

«Пусть я и не ее Максим, но я им могу стать. Мы снова будем вместе», — я окончательно уверовал в выборе задуманного. Это был красивый аргумент, чтобы поменяться местами с этим олухом. Оправданно.

Таня весело обернулась и помахала мне. Я помахал в ответ.

29. Погоня

В приподнятом настроении я смотрел на неторопливое течение вечера, знаменитые белые ночи; но сегодня как-то слишком темно, или мне кажется.

Я сидел, накинув капюшон и уперев подбородок в кулаки, в позе мыслителя. Сидел долго, думал, мечтал; время шло, ночь — все ближе. В гараж не хочу. Как представляю — так не хочу. Опустившись на большой город, ночь принесла густой полумрак. Темно там, где тени — во дворах, на открытых пространствах довольно светло. Я бы долго так просидел, размышляя о ерунде, если бы меня не привлек отблеск синих огней, бегущих по фасадам многоэтажек, выстроившихся вдоль проспектов, опоясывающих парк. Любопытно, это должно быть полиция. Я обернулся и, проведя взглядом в направлении источника света, увидел белый с синей полосой внедорожник; на его крыше — та самая люстра — источник синего цвета. Автомобиль припарковался у входа в парк на обочине, в километре от меня.

Две темные фигуры двигались в мою сторону.

Не имея на то оснований, я занервничал. Нехорошо это. Плохое предчувствие — лучше не связываться с ними: что-то подсказывало, что мне пора. Я, получается, сидел почти спиной к темным фигурам и следил за ними искоса. Они шагали быстро, целенаправленно. Ну все-е, точно ко мне. Неспешно поднявшись и потянувшись, разминая конечности, как легкоатлет-школьник, я пошел в ту же сторону что и полицейские, опережая преследователей метров на триста.

Я припустил трусцой, изображая ночного бегуна в парке. Свернул, медленно пробежал метров сто и оглянулся. И как вовремя! Оба полицейских уже значительно сократили расстояние — стремительно приближаясь ко мне бегом почти в полную силу. Это погоня. Полицейский УАЗ исчез, проблесковые маячки — тоже. Но я обнаружил его мгновение спустя на перекрестке, он ехал наперерез, дабы отсечь меня — поймать в «клещи». У меня все упало внутри. Настоящая облава. Не шутка. Никогда в жизни у меня не было такого опыта. Что делать? Сдаваться?

Попасться в руки полиции из-за банальной проверки документов — катастрофа, последствия будут непоправимыми. Это ни в какие ворота — столько пережить, чтобы вот так опростоволоситься? Ну уж нет! Ни в коем случае нельзя было допустить такого.

И я рванул.

Я побежал, как спринтер. В сторону жилого массива, в тень, в дворы: родные и хорошо знакомые, уже впитавшие в себя всю темноту. По пружинистому газону, как газель, я перепрыгивал через кусты и клумбы, лихо поглощая расстояние. Внедорожник, почуяв неладное, снова включил маяк и с воем ринулся наперерез, вырывая на прямую широкого проспекта, отсекая меня от моих дворов.

Бежать было легко сначала: оказалось, нужно практиковаться, чтобы было легко. Я рано устал. Появилась отдышка. Преследователи догоняли — хорошая, видимо, физподготовка там у них. Оба полицейских, продолжали сокращать дистанцию. Метр за метром. Приближались! Все ближе, уже отчетливо слышен их мягкий топот по дерну. Редкие прохожие шарахались в стороны, помогать никто не решался — ни мне, ни им. Страх придавал какие-то силы, впрыскивая адреналин в кровь, легкие всасывали с шумом воздух. Сдаваться я не планировал. Не теперь.

Не сбавляя скорости, я выбежал на проезжую часть. Под машины. За три шага преодолев три полосы, пугая водителей, словно олень, я с ходу перемахнул через заборчик, разделяющий потоки, чудом успел проскочить перед ничего не подозревающим водителем, болтающим мирно по телефону (извините): какие-то считанные сантиметры были между мной и бампером его автомобиля. Не придав значения, я бежал дальше. Завывание сирены, синие огни, визг тормозов и гудки со всех сторон — все везде и сразу, какая-то вакханалия звуков и действий. Раз полоса, два, три; запрыгиваю на обочину и вижу боковым зрением внедорожник: он догнал меня. Не сбавляя, перепрыгиваю через трамвайные пути, проложенные параллельно проезжей части, и слышу визг тормозов за спиной, в паре метров.

Кажется, траектории всех полицейских пересеклись. Раздались характерные возгласы и крики, брань и глухие удары. Вот бы головами. Отлично, если так — это приостановит их. Оборачиваться и проверять я не стал.

Густая слюна наполняла рот, мешая мне; сплевывать ее — значит сбить дыхание, которое и так на пределе. Легкие разрываются от резко увеличившегося объема поступающего в них воздуха, икры и ступни горят от напряжения; колени подламываются, а пятки болят от ударов по асфальту — старые кроссовки со сплюсненной подошвой явно не предназначены для бега. «Нужно, нужно потерпеть еще. Еще немного, тут уже не далеко» — силы были на исходе, и сколько терпеть точно, я не знал.

Если они будут рядом, закоулки мне не помогут. Скоро я просто упаду.

Неожиданно слышу сбитое: «Стоять!.. Стоять, сука!» Совсем рядом. Двадцать, тридцать метров? Не видать

мне родного дома. Шансов ноль, спастись во дворах теперь не выйдет. Отбиваться? Да я так же дерусь, как и бегаю! Сейчас сдохну. Без форы мне не уйти. Паника и отчаяние. Делаю рывок, выскребая последние крохи сил. Горло, высушенное литрами гоняемого туда-сюда газа, вот-вот надорвется. Вены на нем — толщиной со шланги. Я хочу просто лечь на мягкую траву.

Ноги несли меня не слушая мозг.

— Стой!.. А ну... Стрелять... Буду! — запыханный голос звучал уже почти за моей спиной; грубый, хриплый, злой. — Ст-стоять!.. С-сука-а! Тьфу!

Через пелену, застилающую глаза, я увидел, как какой-то мужчина вышел из ближайшего ко мне подъезда, и дверь, толкаемая доводчиком, медленно закрывается. Не думая, моментально приняв решение и резко изменив направление, я проскользнул в узкий проем и захлопнул дверь прямо перед самым носом полицейского. Бум!

«А-а-а!.. Чтоб тебя! Сука-а!» — заорал он и громко забарабанил по двери.

Не соображая, я ввалился в тамбур и упал на ступеньки, больно ударившись ногой. Не останавливаясь, перебирая руками и ногами, словно черепаха, я вскарабкался на лестничный пролет. В подъезде стоял страшный грохот, разлетающийся снизу вверх по всему стояку, — от первого до девятого этажа; от ударов и попыток преследователя открыть железную дверь сжималось сердце. Это была не победа, а всего лишь временная передышка. Погоня продолжалась. Я должен сделать следующий ход, как в кино, что-то придумать. Лифт. Я доплелся на согнутых ногах до кнопки лифта и стал лихорадочно долбить по ней, вызывая кабину; бежать по ступеням вверх было невозможно — земное притяжение работало против меня, оно усилилось. Оставался только лифт.

* * *

Свист вырывался из легких, сердце молотило, ломая ребра. Прижавшись к створкам дверей лифта, я молил его двигаться быстрее и отдыхал, пока он спускался по шахте. Работает ли он вообще? Кнопка горит. Из-за шума было не слышно двигателей, на каком этаже сейчас кабина не понятно. Этому лифту было лет сорок, не меньше — совсем новый, на обкатке, наверное. Неуместный сарказм. Я взглянул на лестницу рядом: где будет быстрее? Пока одинаково. Решил ждать. Если полиция ворвется раньше, то просто лягу на грязный пол. Попасть на последний этаж — это полдела, нужно, чтобы еще дверь на крышу оказалась открытой. А там можно уйти в любой другой подъезд или прыгнуть на верхние балконы, где и спрятаться.

Лифт спускался предательски медленно и не хотел ехать быстрее, а суета за дверью продолжалась, разносясь по подъезду. Где-то на этажах жильцы стали выходить на лестницу, захлопали дверьми, загалдели — нос свой суют, интересуются.

Долбежка и возня разом прекратились, раздался звук вызова по домофону: звонят по квартирам. Кто-то им обязательно откроет. Полиция все-таки. Времени ждать совсем не оставалось.

«Бежать по лестнице? Нет... Не смогу...» — вид ступенек уходящих вверх подавлял меня.

Я застучал кулаком по дверям лифта, заклиная бездушную кабину спускаться быстрее: там, в недрах шахты, чем-то позвякивая, ползла вредная кабина; я уже слышал ее — совсем рядом. Вот она. Двигатели стихли, кнопка потухла и двери расползлись в стороны, приглашая войти в вонючий подъемник, освещенный тусклым желтоватым светом.

Слишком поздно.

Пищалка возвестила об отключении магнитов замка, входная дверь махом распахнулась, и в тамбур ввалились, толкаясь и пыхтя, сразу два разгоряченных полицейских. Увидев меня — бросились внутрь. Они тоже передохнули немного. Так что, ехать на лифте, загнать себя в тупик? Нет! Все происходило очень быстро. Время ожидания треклятой кабины дало мне то необходимое количество энергии, которого хватило взметнуться вверх на еще один лестничный пролет — и все, а заботливо предоставленным лифтом воспользовался один из преследователей: они решили взять меня с двух сторон. Я бы тоже так сделал. Отрезать меня от чердака.

Их впустила поздно возвращающаяся с прогулки женщина с детской коляской.

Между первым и вторым этажом, была нараспашку открыта фрамуга — для проветривания подъезда. Обычная вентиляция в подобном месте в летнее время. Не думая, а скорее инстинктивно, я запрыгнул на перила и что есть мочи оттолкнулся, ныряя в спасительный проем. Щучкой, выставив перед собою руки, словно в речку, я красиво вылетел в окно, но только наполовину, и повис на бедрах, зацепившись карманом толстовки за раму. Большая часть меня все-таки была уже на улице, перевешивая меньшую. В ногу вцепился оставшийся из преследователей, кому не повезло ехать на лифте; однако удержать меня он не смог — я наотмашь двинул свободной ногой и куда-то попал: угодив по чему-то твердому и упругому, отчего полицейский вскрикнул, а моя конечность высвободилась из его хвата. Я перевалился через раму и рухнул на козырек над входной дверью, по пути разбив

стекло ногой.

Осколки брызнули во все стороны, осыпая меня и полицейского, заставив того отпрянуть от окна. Звон стоял оглушительный. Многие уже спали в это время. Ночь же. Плохо соображая, где верх и низ, я перекатился к краю козырька, хрустя стеклом, свесился на руках и спрыгнул на землю. Это было круто. Эпично. Полицейский внутри что-то кричал мне или напарнику — я не разобрал.

Женщина с коляской как раз скрылась в подъезде, удачно забаррикадировав собою узкий проход. Она впустила, а теперь задержит их на какое-то время. Не на долго. А свобода близко — за углом.

Осмотревшись, я увидел знакомый белый УАЗ. Моргая фарами, он скакал по ямам дворового проезда в какой-то паре сотен метров от меня. Синий свет проблескового маячка забавно кружил по стенам, отбрасывая тени в стороны. Мне повезло еще раз: небольшой фургон медленно выруливал навстречу преследовавшему меня внедорожнику, а среди плотно припаркованных автомобилей на узкой дороге разъехаться двум машинам будет практически невозможно.

У меня появился реальный шанс.

* * *

Забегал за угол, вспоминая на ходу, где есть укромные места поблизости. Я обогнул дом. Спрятаться, когда за тобою гонятся и висят на хвосте, буквально дыша в затылок, не так-то просто — даже в хорошо знакомом дворе. Совсем нет времени на сомнения и выбор. Укрытия не такие незаметные, когда подходишь ближе: тень — недостаточно непроглядная, а кусты — не такие уж и густые, каждый потаенный закуток вблизи становится элементарным и предсказуемым. В парадное — больше не ногой.

Так и двигаясь у стены, пригнувшись, заслоняемый кустами, я добегал до выемки в фасаде под лоджией второго этажа и забился в самый темный угол. Передумал и, припав к земле, заполз под кусты рядом, в густую траву, и затаился.

На гравийной дорожке возле дома, раздались быстрые шаги. Две темные фигуры выбежали из-за угла и направились спешной походкой в мою сторону. У одного был фонарь. Ярко подсвечивая лучом все тайники по пути, каждый закоулок, не пропуская ни одного секретного места, они приближались. Я зажмурился и замер, вжавшись в сырую землю: сейчас, вот-вот луч коснется меня. Трава щекотала. Что-то ползало по лицу. Я терпел.

Вдруг затрещала рация, и плохо разборчивый голос из динамика спросил: «Что у вас? Как обстановка? Прием...» Оба полицейских остановились совсем рядом, метрах в двадцати от меня; тот, что был без фонаря, снял рацию с пояса и ответил: «Потеряли... Ушел, во дворы... Прием...» Через секунду послышался ответ: «Принял. Преследуем дальше?» «Да, со стороны детского сада, во дворе смотрим... Прием...» Второй в это время фонарем обследовал скрытые от глаз закутки и ниши: он направил луч вдоль стены в моем направлении, выхватил из тени угол, куда я хотел спрятаться сначала, дальше луч опустился и осветил кусты рядом, где лежал я, скользнул по кофте и, не задержавшись, ушел дальше. Только тогда способность дышать вернулась ко мне.

— Куда?.. Прием!.. — спросила рация.

Полицейский обменялся непонятными жестами с напарником и ответил:

— В сторону школы, покружи там. Только без маяков. Прием?..

— ...Понял! — рация смолкла.

Вокруг воцарилась тишина — лишь хруст камешков под подошвами ботинок и стрекот кузнечиков в траве.

— Я думаю, он где-то здесь, — сказал тот, что с фонариком. Оба полицейских были изрядно измотаны и помняты, с расстегнутыми воротниками и без кепок; один, что покрупнее, тер скулу.

— Сильно тебя? Дай посмотрю... — и посветил прямо в лицо напарнику.

— Ну тебя! — отдернул тот руку товарища. — Слепишь на хрен... Жить буду. Хана ему, суке!

Луч от фонаря снова заскользило по кустам и стенам.

— Он подышал уже. Далеко не ушел бы... — и оба продолжили поиски, приближаясь и тщательно обследуя каждое местечко, куда можно было бы залезть.

Дом, под стеной которого я «отдыхал», построен буквой «П» — получилась длинная девятиэтажка из трех одинаковых частей, по типовому плану еще прошлой эпохи. Таких тысячи по всюду. Внутренний большой двор занят детским садом, обнесенным сеткой-рабицей по периметру. Подъезды начинались дальше, со следующей секции, но там, где был я, они располагались с другой стороны дома. Правый угол «П» — сквозной, там есть арка, узкая, машина не проедет. Я же нахожусь во дворе, посередине левой вертикальной черточки. С одной стороны меня блокировали преследователи, медленно подступающие к моему логову, загоняли как зверя, с другой — арка, но до нее — бежать и бежать. Слишком далеко. Я оценил расстояние, прикинул варианты: не нашуметь — я не смогу, заметят. Встать не успею. Оставалось только надеяться на рассеянность полицейских и на то, что красный

цвет толстовки в густых сумерках — не красный. Один раз луч проскочил, обжег только нервы. Я еще глубже вжался в землю. Пять метров. По лицу все так же кто-то ползал. Я терпел. Я — камень.

Вдруг впереди, у центральной части дома, что-то ухнуло сверху; растормошив листву деревьев и ломая сухие сучья, с глухим ударом это что-то упало на газон, а затем звонко разбилось — и вновь стихло.

Полицейские уставились в ту сторону.

— Там. Давай туда, за мной! — вполголоса приказал полицейский. — Свети давай!..

— Да, понял!..

Бросив свои поиски тут, они побежали к источнику шума. Берцы прошаркали в метре от моего лица, поднимая клубы пыли. Сквозь листву я видел, удаляющихся преследователей и, пока шум их шагов заглушал все другие звуки во дворе, я рискнул сменить свое укрытие на более надежное.

Выбравшись из кустов, я пересек гравийную дорожку; будто призрак-ниндзя, бесшумно перемахнул через полуметровый забор и добежал до стены детского сада. Все — одним плавным движением. Не знал, что умею так. Дальше, закрытый кустами, я добрался до пожарной лестницы, ведущей на крышу (в детстве мы лазили туда много раз). Шустро перебирая ногами и руками, я вскарабкался на крышу второго этажа и, как змея, забился в самый темный угол, под невысокий оградительный парапет.

Только сейчас я понял, что загнал себя в ловушку.

* * *

Раздались голоса.

«Если они полезут сюда, то мне придется прыгать» — я прикинул высоту, длительность полета и последствия. В темноте удачно приземлиться — нереально.

Мои «знакомые» остановились где-то рядом, совсем близко. Затем рация оповестила на весь двор: «Ну, что там у вас?.. Прием!» На что был дан лаконичный ответ: «Ничего, отбой. Потеряли!» Говорившие стояли прямо подо мной.

— Вот с-сука! — прошипел мужчина; ярость, прозвучавшая в его голосе, напугала меня. Это был тот, что не поехал на лифте. Уж лучше бы он поехал, чем другой, помягче.

— Говорю же, в арку между домами убежал. — затараторил второй.

— Да ну, не мог он. Он не супермен, здесь в кустах сидит, обосравшись, в себя приходит.

Я напрягся: он, словно хищник, чуял меня. Может, по запаху? Не-э-э, быть не может. Я собрался и морально приготовился к тактическому отступлению. Взглядом выбрал направление — дальняя от лестницы сторона крыши; как только они полезут — я прыгну. Решил окончательно. «Лучше шею сверну».

— А я уверен, свалил. Я тут все осмотрел — никого. Может, в парадное, кстати, снова забежал, а там на крышу. Ну его, пойдем... — продолжал второй.

Тишина. Что они там делают?

— У меня личные счеты! Я его чую...

Моя челюсть отвисла: «Чует. Я же говорил. Как зверя, по запаху... Хорошо же я его разозлил, значит».

Мне стало страшно: что он сделает со мной, когда поймает?

По рации что-то невнятно спросили. Затем — снова томительное ожидание; казалось, они стоят и пристально смотрят на крышу детского сада, прямо в ту точку, где нахожусь я. Играют со мной. Знают, что я их слышу. Опять затаились: что они там придумали? Только не молчите!

Озверевший, тот, что хочет устроить личную вендетту, сказал:

— А может, на крыше? Вот лестница. Я проверю.

Широко раскрыв глаза и беззвучно выругавшись, я замер и только сильнее вжался в парапет. «Это конец! — на меня словно упала наковальня. — Попался»

Тем временем патрульные уже копошились у лестницы.

— Хочешь, я полезу? — предложил полицейский, тот, что помягче.

— Нет, давай фонарь лучше!

Он быстрой поступью, перебирая ногами и руками по перекладинам лестницы стал подниматься, будто играя на струнах моих натянутых нервов. Брынь-Брынь-Брынь... Я оцепенел. Тело не двигается — парализовало страхом, я читал о таком. «Нужно прыгать. Но не могу».

Я врос корнями, вцепился, словно клещ в мягкое место. Все кончено. Везенье не может длиться бесконечно. Сдаюсь. «Жалкий слабак и неудачник. Беги же!» Мозг осыпал ругательствами упрямые мышцы, но они не слушались его приказов. У меня столбняк. Могу только смотреть на лестницу.

Первой высунулась рука с фонариком (он был не нужен, разглядеть меня можно было уже и так, светало),

ухватились за широкий парапет, следом показалась голова. Я «спрятался», закрыв глаза, и лег плашмя, заранее сцепив руки в замок на затылке. Видел много раз в кино, как нужно. Готов — забирайте. Только не бейте...

Но что-то пошло не так, какая-то заминка. Все случилось за секунду: раздался шум и непонятная возня, я открыл глаза: только что появившаяся макушка исчезла. Затем сразу последовал глухой удар чего-то мягкого обо что-то твердое, металлическое, еще удар и еще. Руки с фонариком уже не было; быстро, словно пьяный звонарь на колокольне, кто-то сыграл по ступенькам вниз. Самоуверенность подвела полицейского. А может утренняя роса на металле. Нужно все-таки было ему на лифте ехать. Чередуя октавы и пересчитывая перекладыны — а от лестницы было не отлететь, она была с защитным ограждением, и он грузно прогрохотал по шахте до самого низу, притягиваемый землей-матушкой; все прекратилось гулким ударом об асфальт и хриплым «Кхе-е-е-ех» на выдохе, затем криком «Ай!» и потоком ругательств.

Снова возня под лестницей, со стонами и мычанием.

— Боже. Ты жив? Не двигайся, дай посмотрю! — суетился напарник.

— Больно-о-о... Ай. Не трогай! Ммм...

— Успел рассмотреть? Есть там кто? Давай я проверю... — заспешил полицейский. — Черт, угораздило тебя, брат...

— Не надо!.. Ммммм!.. Не надо лезть, помоги лучше... Ай! Нога-а, похоже, сломана... Нет там никого-о-о...

— Ну и досталось же тебе.

— Ох!.. Хрен с ним, пошли... В травмпункт мне нужно. Где наши?.. — дальше я не вслушивался. Бормотание становилось нечленораздельным, а смысл и так понятен: они ретировались ни с чем.

Шарканье, крик и стоны стали удаляться, голоса медленно стихали. А я ликовал. Сегодня меня хорошо потрепало, встряхнуло, но фортуна была все же на моей стороне. Как же я вымотался, черт. Я разлегся под сереющим небом, расставив широко руки и ноги, и свободно вздохнул.

На четвертом или пятом этаже нависающей надо мной панельки, в прямоугольном черном проеме открытого окна дрожала плохо заметная красная точка. Время от времени она становилась ярче, затем снова тускнела; алый огонек танцевал и отстреливал маленькими искорками, привлекая мое внимание. Сигарета. Присмотревшись, я разглядел силуэт человека, с любопытством наблюдающего за мной.

«И давно он там?»

* * *

— Они уехали, — тихо сказал человек в окне, — расслабься.

— Б-большое спасибо, — я поднял большой палец вверх, — ...за то, что не выдали. Я просто в парке на скамейке сидел. Прицепились ни с того ни с сего.

Кузнечики давно перестали стрекотать, так что ничто не мешало нам переговариваться шепотом.

Во всем мирно стоящем доме горело только пара окон. Небо на западе приобрело светло-сиреневый оттенок с золотым отливом, на востоке — все еще темно-серо-синее; сумерки быстро таяли. Часа в четыре наступит рассвет.

Тень в окне чиркнула зажигалкой, пламя на миг выхватило лицо человека, и красный огонек, снова, заплясал в темноте. «Много курит». Тишина необыкновенная, было слышно, как затягивается мой визави. Где-то далеко, за пределами жилого района, бесконечно лаяла собака.

— Ерунда, не за что. А зачем убегал тогда? — спросил курильщик.

— Не знаю... Не хотелось связываться. Документов с собою нет.

Человек закашлялся.

— Интересно... — сдерживая приступ кашля, прошептал незнакомец. — Ты нормальный? Тебе нужна помощь, скорая там?

— В норме. Благодарю. — помощь нужна была не мне, я довольно улыбнулся.

Вдруг где-то внизу в темноте заорали коты! Затем все так же быстро стихло.

— Мой спиногрыз в этот садик ходит. Ты же не останешься тут?

Это был намек. Да и правда, нужно было уходить: скоро станет совсем светло, и я окажусь на виду у всех. К тому же я очень устал. На сегодня хватит приключений.

— Ухожу. А сколько времени?

— Без пятнадцати три, — и створка оконной рамы, вспыхнув отраженным небом, закрылась.

* * *

По пустынным сумеречным дворам вдоль стен я крался, словно преступник, избегая открытых участков и обходя стороной бесполезные уличные фонари.

Перебегая свободную проезжую часть — я заметил на горизонте далекие вспышки зарницы, и память вернула меня в прошлое. Когда-то давным-давно в моей деревне бушевала гроза. Часто при этом вырубался свет и, когда такое происходило, гонимый страхом темноты, я выходил на крыльцо. Там-то я и увидел, как молния ударила в старое дерево неподалеку (сидя в доме я бы все пропустил). Сноп искр и треск расщепленного надвое, многолетнего дуба оглушил округу. Именно это событие тогда посеяло во мне зернышко, идею — мысль, со временем переросшую в цель всей моей жизни. Не сама молния, а то, что она преподнесла. На месте удара, рядом с треснувшим и дымящимся стволом старого и могучего дерева валялась мокрая рыба (хотя сама гроза, прошедшая над этим местом, не проронила ни капли). Спустя какое-то время я нашел ее в интернете (из-за запоминающейся оливково-зеленоватой расцветки и формы), она была очень похожа на серебристую форель, и ареал ее обитания очень далеко отсюда, где-то в Северной Америке. Но больше всего меня поразило то, что эта рыба, судя по информации источника, вымерший вид — или считалась таковой, и уже давно. Лежащая же в траве передо мной была еще жива. Дышала. Испуганная, она таращилась на меня. Тридцать сантиметров ужина. Я зажарил ее. Я же не знал! А что мне было еще с ней делать? Даже не сфотографировал. Позже я и предположил, что молния, ее заряд, несет не только смертельную опасность, но и в определенных условиях работает как портал в пространстве, а возможно, даже во времени. Звучит фантастически бредово. Но зерно пустило таки росток.

И к молниям с того случая я относился уже по-другому. Каждая — это потенциальная машина времени, нужно только уметь обуздать ее.

Незамеченным я пробрался на закрытую территорию гаражей. Нарушил правила. Тихонько прошмыгнул мимо сторожки, подлез под шлагбаумом и, пробежав еще сто метров, оказался в безопасности, дома. Заперся и, не включая свет, рухнул на кровать.

Это был просто безумный день.

30. Четверг. Варианты

Снова меня окружал душный и пыльный склеп. Невыносимые часы, предстоявшие в духоте гаража, обитого вагонкой, шесть на шесть метров. Проведу здесь все время, идти куда-то я не хотел. Потерплю. На кону — мое будущее. Больше рисковать я не намерен.

Мышцы жутко болят. Словно натянутые канаты, икры трещат при каждом шаге.

На негнущихся ногах, как на ходулях, я доковылял до магазина и скорей вернулся — провести день спокойно, в лабиринте гаражного анклава из бетона, окруженного стенами. Безопасность. Хватит с меня, сходил в парк, посидел в тенишке.

«А все-таки, как хорошо я ему с ноги двинул, — довольная улыбка скользнула по моему лицу при воспоминании прыжка в стиле Джеки Чана. — И Таню встретил. Она секси. — Трепетно вздохнул я. Это свидание затмило собой погоню и оправдывало все вчерашние злоключения: что-то судьбоносное было в этом, сродни мистическому предзнаменованию. — Возможно, это не последняя встреча, — думал я. — Так или иначе, но мне очень повезло, и рисковать я больше не стану, даже ради нее, — качал я головой, — а вот только, чем рисковать? Какое будущее мне уготовано?.. Может, вообще стоило сдать? Я же — никто, призрак. Ну, помуржили бы в камере пару суток. У них на меня ничего нет, я — чист, ни в одной базе данных меня нету. Ничего плохого не сделал, кроме как по морде дал при попытке бегства, но не специально же. Ерунда. А за разбитое стекло отработаю на общественных работах. Пффф, делов-то. А там, может, и отпустят, документы восстановят, — размышлял я, — может, и правда зря удирал? Только вот доверия к органам нет. Патологически боюсь их. Закроют. Повесят что-нибудь. Полиции раскрываемость нужна. И в армии я дактилоскопию делал — пальчики мои есть все же в базе. Конфуз может выйти с моим двойником. Его притянут, обязательно. А там уже — не до изобретений. Изменю его будущее и сам исчезну без толку в итоге, отстрадав тут за зря. Все в пустую будет. А столько рассказать Стасу хочется. Э-э-эх... Может, еще в дурку отправят, если повезет. Оставлю это».

Каким же большим геморроем оказалась так воспеваемая всеми в мечтах машина времени...

* * *

Я следил за муравьями, ползающими туда-сюда у самых ворот, по кромке. Занимаются каждый своим делом. Какой порядок и строгая иерархия: у них есть охранники, разведчики и работяги — все на своих местах, во главе с королевой. Где-то она есть. Пожинает плоды царствования. Еще должен быть общий план, и никто никуда без него не лезет: родился и умер за свой муравейник, все время на страже интересов колонии. Поразительно. И глупо.

Что сделают с муравьем, пытающимся найти другой путь, отщепенцем? То же самое, что и с любой белой вороной, — изгонят, убьют? Мне надо было продолжать жить обычной жизнью и ходить на работу. Как все. Я же заварил кашу, черт меня дернул.

Существует феномен у муравьев, называемый «муравьиный круг смерти» или «карусель смерти»: бесконечный бег по окружности, до смерти, бег бессмысленный и беспощадный. Это сойдет за метафору незаметной жизни маленького человечка в огромном социуме. Его никто не видит, и он ничего не оставит после себя: всю жизнь работает, чтобы комфортно жить и мочь платить налоги; если повезет, то проживет еще недолго на пенсии и все равно умрет, ничего не привнеся и не достигнув в своей жизни. Не многим удается что-то оставить. Как пришел — так и ушел. Так живет абсолютное большинство.

У меня появилась возможность прервать это, вырваться — начать жить по-другому. Я это сделал. И что теперь? А теперь я в полной заднице. Ну и что, нельзя было упускать такой шанс, вы скажете! Посмотрите, что я наделал. Я на дне, глубже, чем я — никого. Уж лучше — обратно ко всем, в стадо, в комфорт, и заработать денег другим способом. К друзьям и родным.

* * *

«Интересно, как там, дома? Или я уже БОМЖ официально? И вообще, к какому времени отнести меня? Существует ли оно — мое время; или, может и нет его, без меня там: в будущем?»

Философская загадка: слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет? Может, все это — игра моего разума? А я лежу в коме, пораженный электричеством. А может, это чистилище, и мне предстоит вечность бегать и пытаться вернуться — за то, что стал играть в бога?

Итак, если изобретать заново мой «транспорт», то уйдет на это несколько лет — факт. Взять самые благоприятные условия. С деньгами проблем быть не должно, это ускорит дело — тоже факт. Ненавистная работа — в прошлом, следовательно, я смогу все свое время посвятить машине. Года два в плюсе, только вот отсутствие компонентов сильно затормозит процесс. Нужно все подготовить и ждать недостающих элементов, а с деньгами и кучей свободного времени ждать — не проблема! Я вообразил далекие страны и теплые бирюзовые воды морей, живописные лагуны и тени пальм на белом песке. Увидел в грезах себя — с бокалом прохладного напитка, в гавайской рубашке с ярким рисунком и в соломенной широкополой шляпе: вот я сижу на корме своей яхты, укрытый от жгучего солнца навесом, и читаю новости, а волны ласкают белоснежные борта.

Моя фантазия могла легко стать реальностью, нужно только немножко потерпеть. Вначале. Будет нелегко. Год или два, но все равно сейчас я был ближе всего к этому раю на земле, чем когда-либо в жизни до этого. Мешал только один человек: он будет костью в горле, маячить на горизонте, и я буду всегда в его тени. Жить в страхе, боясь потерять все: люди из воздуха не появляются, и кто-нибудь когда-нибудь возьмется за меня, за мое прошлое.

И стоит ли возвращаться в таком случае? Зачем нужна вся эта волокита с машиной, которая работает только в один конец, и применять ее опасно для жизни? Я проверил. Кто рискнет пользоваться ею? У меня достаточно знаний, чтобы стать очень и очень обеспеченным человеком здесь. Я, как пророк, могу предсказывать будущее если захочу. Стать суперзнаменитым. По щелчку пальцев. Свобода и богатства лежат передо мной на блюде, стоит только протянуть руку. А вот смогу ли я сохранить их, вернувшись в родной мир? Гарантий никаких. Может, ну его. Лучше прожить еще раз эти десять лет? Но — как в сказке, так, как я хочу!

Это был соблазн. О да! Исчезнуть и начать все с нуля. С чистого листа, где-нибудь в другой стране, с новым именем. Можно стать космополитом и жить все время на яхте, бороздя моря и океаны. Посещать страны и исследовать континенты. Меня так и распирало. Красивые картинки лезли в голову.

Но как мне все-таки поступить со своей «тенью»? С опасностью, нависшей надо мной. И где мне взять документы и первые деньги? Да, будет не легко, согласен, это не кино и не игра, поблажек не жди — жизнь одна, умирать нельзя. А за мной — уже след, полиция разыскивает вчерашнего беглеца. Стоит мне попасться им — и все, фантазиям конец. Мне нужно есть и где-то спать. С приездом «моего друга» я должен буду тотчас исчезнуть и разорвать все связи с этим местом.

А что, если я должен сам подкинуть ему идею про машину? Вдруг и я создал ее с подсказки?» — мысли сталкивались и кружились в голове, словно рой пчел. Вопросы порождали вопросы. Что делать?

Я вспомнил нашего первого подопытного, Чака. Незавидная участь которого помогла родить еще одну гипотезу, предполагавшую автоматическое создание ответвления (новую реальность) в моменте появления в прошлом: «Если оно так, то, следуя логике, новая ветка не обладает будущим. И тогда я застрял здесь навсегда. Соответственно, переместиться вперед я не смогу — некуда. Финита ля комедия. Проверить эту теорию можно, только попытавшись прыгнуть в будущее».

Другой вариант — классическая фирменная петля, о которой все знают, и из которой я смог бы вернуться. Но тогда мне ни в коем случае нельзя вмешиваться в ход истории моего двойника, менять цепь последовательности событий, связанных с постройкой машины времени. Эффект бабочки, который приведет к тому, что машину не создадут, и я никогда не окажусь здесь! Первым и последним признаком этой ошибки послужит мое испарение.

Сплошные замкнутые круги. Бред!

Но пока — я цел, а это значит, действуют все варианты. Какой же выбрать?

Боже всемогущий. Что бы сделал Марти Макфлай будь он на моем месте?

Жить и строить машину, скрываясь, потратив несколько лет; собрав ее, попытаться прыгнуть домой — если не получится, тогда бросить это, успокоиться и найти свое место здесь. Но как здесь обосноваться? Нужно будет отнять существующее место, конечно, и заодно избавиться от возможной угрозы в будущем. Хмм.

День медленно проплывал, приближая меня к неизбежному: пойти влево или пойти вправо, дилемма, взять таблетку красную или синюю — попытка одна. Нужно решаться.

Как же мне не хватало Стаса и его советов. Как он там, мой друг? Обыскался меня, наверное. Я по-крупному подставил его и бросил, взвалив на него проблему с моим исчезновением. Ему придется как-то объясняться со всеми. Не представляю, как он выкрутится. У полиции он будет первым подозреваемым. Мне так жаль, братишка.

Прогуливаясь по аллеям из бетона, я окончательно запутался и постоянно терял нить, отвлекаясь на разную

ерунду. Мысли буксовали. О чем думать в первую очередь? За что ухватиться? Много ускользнуло, оставшись без ответа. Казалось, уже все, что только можно, обсосано по десять раз. Нужно-таки сделать выбор и успокоиться уже.

Время шло, все больше раскаленных и пыльных автомобилей стало встречаться на моем пути: люди возвращались с работы. Пора и мне в мою коробочку.

* * *

Чтобы получить ответы на многие вопросы, нужна машина времени, без нее ничто не имеет смысла, одни предположения. Можно бесконечно долго строить теории и размышлять, ни к чему в итоге это не приведет — только потратишь время и нервы.

Мысль об убийстве, словно корабль-призрак, всплыла из глубин «темной» области мозга. — «Занять его место. Хм... Как оказывается просто».

Больше не нужно будет бегать и скрываться. Бояться лап правосудия. Не нужно ломать голову, где раздобыть необходимые документы, придумывать легенду, контролировать каждый свой шаг.

Да, заманчиво, это избавит от многих проблем. И плевать на риск. Только «игра в рулетку» помогла мне убедиться в работоспособности машины времени. Покончить со всеми проблемами разом — очень хорошо, даже такой ценой. Я хочу проще, как можно проще и быстрее. В конце концов, я не знаю, в каком из предполагаемых мной миров нахожусь. И не узнаю. В одном случае со мной ничего не произойдет; в другом, возможно, я и не смогу его лишить жизни — само «время» не даст мне: раз я уже здесь, значит, что-то спасло его, и он таки построил машину. Ну-у, или третий вариант — я исчезну, как только он испустит дух.

Значит, решено — прикончить гада.

31. Окончательное решение

Мозг, находя ответ, радуется хозяина порцией эндорфинов. Вот и я, казалось, решив проблему, облегченно вздохнул и расслабился. Я просто перестал думать об этом. Когда знаешь, что и как, становится на порядок легче. Настроение улучшилось. Видимо, для меня другого выхода не существовало. Судьба стать убийцей — мне, человеку, не обидевшему и мухи за всю жизнь, не умеющему даже драться.

Стало интересно, как я это проверну? Каким образом?

Смогу ли я лишить жизни человека? — взгляд сам дернулся на разложенные по полкам инструменты: пилы, топор, лопату. — Разнообразие выбора. Все необходимое имеется. С этой стороны порядок. И у меня тактическое превосходство: внезапность. Вопрос в другом: смогу ли я убить живое существо? — я задумался.

Мысли снова переключились на техническую сторону дела, выбор инструмента; к морали я вернусь позже, когда все будет готово.

Итак, это отвратительно. Мне нужно будет нанести смертельный удар и затем избавиться от тела: предположительно расчленив и вынести частями, где-то закопать. Мерзость. Господи, какая гадость: возиться с остывающим трупом, с внутренностями и запахами, и всем прочим — меня вырвет, наверняка, и не раз. Нужны мешки. Прочные. Пила есть. Боже всемогущий, о чем только приходится беспокоиться. Но до всего этого он будет живым. В нем бьется сердце и течет кровь. Он все чувствует. И мне надо будет лишить его всего этого? — возражал я сам себе. — Он же мыслит и строит планы на жизнь, мечтает и ничего не сделал такого, за что его можно было бы вот так кончить. Бесславно. Как стереть ластиком. Он даже не подозревает о моем существовании и что я ему готовлю. Это жестоко... и нечестно.

Я искал оправданий в свою защиту, пытаюсь обосновать кровавое жертвоприношение во имя себя.

Людей убивают каждый день. А он такой же, как и все. Для меня он — обычный человек, и почему я не имею права его убить, если могу? Убивают и за меньшее. А здесь решается судьба человека. Я проявлю милосердие и сделаю все быстро, он не почувствует боли, просто выключу его — как повернуть рубильник. Проще некуда. А если с первого раза не получится? — я содрогнулся от этих мыслей. Лучше этого не допускать. — У меня преимущество: он ничего не подозревает и не сможет оказать сопротивление, а я воспользуюсь неожиданностью и нанесу удар сзади, хорошенько размахнувшись. Вышибу дух с одного удара, обещаю, — так я себе это представлял, — расчленив труп, самая неприятная и грязная работа. Затем упакую и вывезу подальше в лес, в разные места. И все, я свободен.

На улице заметно посвежело, но внутри гаража было достаточно душно. Я сидел за столом, что-то шкрябая ножом по столешнице. Острие царапало послание моему другу. Зачем? Не знаю.

Наступил поздний вечер, а может, уже и ночь.

Кто-то из нас двоих — всего лишь избыточный набор атомов в этой бесконечной вселенной. Двоим здесь не место.

«Скучаю дружище 30.06.2011», — гласила надпись, я сдул опилки и отправился на боковую.

32. Пятница. Тренировка

Принятие необходимости неминуемого и концентрация на этом упростили мне задачу до минимума, сократив уравнение всего до пары слагаемых, но, вопреки ожиданию, стало только хуже. От рьяного воодушевления бравада плавно переросла в душевное расстройство, сопровождаемое неуверенностью и раздражением. Близость акта пугала. То, что предстояло совершить, потрясло.

Все утро я не находил себе места.

Дождавшись, когда все свалили на работу, и снаружи стало тихо, я вышел из гаража в дурном настроении, не зная, чем заняться. Бродил и пинал камни среди серых стен. Намечался томительный день, нужно было подготовиться морально и смириться с мыслью о грядущем безумии. Шутки в сторону. Мне необходимо убить человека. Скажите, где этому учат?

Вдоль стены одного из бесчисленных гаражей, в огромных лопухах, покрытых дорожной пылью, играл лохматый котенок: неуклюже пытаюсь поймать собственный хвост с белой кисточкой на кончике, он кувыркался, как сумасшедший.

Я взял в руку хрупкое создание, внимательно посмотрел в кошачьи глаза. Затем поискал взглядом его мамашу. Ее не было. «Где же твоя мама, дурында?» Моя любовь к кошкам сыграла со мною злую шутку подбросив его мне. Я забрал его. Масла в огонь подливало скверное настроение. «Как же ты здесь оказался, малыш? Совсем ты тут нестати». Но было поздно, он в моих руках, а в голове созрел кровавый план: принести жертву. Для кровавого бога войны. Аресу, который должен будет послать мне сил и уверенности в ответ. «Должен не иначе — после того, что я сделаю».

Я отнес котенка к себе, поставил табурет в самый дальний угол гаража и снова посмотрел в кошачьи лучистые глаза. Таращится, не наигрался еще, палец покусывает. Я сел и положил его на колени. Маленький дрожащий пушистый комочек. Погладил, приласкал. Зачем? Урчит, зараза, и так слаб, что дрожит. Зачем нежности, они ни к чему, будет только труднее. Шерстка серого цвета — в пыли и торчит, как одуванчик, в разные стороны. Котенок — непоседа, выкручивается, кусается. Мяукает тонко и жалобно, и никак не уймется. Уши треугольниками, каждое — с полголовы. Жметя. Ищет мамку, ждет ее. Наверное, хочет есть. Прости, у меня ничего нет для тебя.

Я был решительно настроен это сделать. Это необходимо. Глубоко продышавшись, я усмирил растущее волнение, отвел глаза в сторону, приготовился.

Затем широкой ладонью я накрыл его тельце и прижал к ногам, лишая возможности двигаться, а второй в это же самое время обхватил его головку и большим пальцем придавил горло. Ну, зачем ласкал?

«Дави! Сильнее!» — ожил голос в моей голове. Неужели это мой?

Давлю, глядя при этом в глаза. Хрипит. Задыхается. Сопротивляется.

«Дави! Или сломай шею! Не тяни!» — снова он, кровожадный я, пробудился стоило призвать. У меня была веская причина слушать его.

Пальцы — словно тиски. Котенок сжался, уперся всеми лапами. Пытается высвободиться, крутит головой. Беспольные коготки слабо царапают мою кожу. Глаза полны страха, влажные, блестят. Куда ему со мной тягаться? Слабый и беспомощный. Никому не нужный. Где твоя мама, ну? Нет ее, бросила тебя! Не понимает — за что? Продолжаю медленно сдавливать горло...

«Убей его, сделай это, чего тянешь! — почувствовал мою неуверенность голос. — Ты должен. Будь мужчиной, ты же не тряпка! Завтра ты должен быть готовым убить человека! Ну же, закончи начатое: посмотри, ты заставляешь его страдать!»

«Не могу. При чем тут он?..»

«Это всего лишь безликая жертва, но она послужит во благо. Ты станешь сильнее!»

Моя уверенность падала.

«Ты еще совсем крохотный, — мысленно обратился я к коту, — и совсем недавно пришел в этот жестокий мир. Ты глуп, все равно сдохнешь — от голода или в пасти собаки, а может, будешь раздавлен колесами автомобиля! Какая тебе разница, как? И лучше сейчас, чем когда подрастешь. Сдайся и скоро ты будешь на радуге. Может, это лучшее, чем то, что ждет тебя дальше? Что тебе светит, подумай? Впереди — одни страдания».

«Давай же! Прикончи. Хватит болтать, слабак!»

«Но кошки: я всегда любил их. Почему именно котенок? Мне трудно, я... Я не могу!..»

Я замер. Испугался. Котенок больше не шевелился...

«Посмотри, проверь он жив? Убедись!» — злорадно приказывал голос.

«Не знаю...»

Котенок затих и не сопротивлялся. Глаза прикрыты. Жалкие его потуги выбраться из огромных ручищ прекратились. Какой он маленький и хрупкий. Никто не заступился за него. Не нужный никому котенок в пыльной

шкурке. Никто даже не догадывается, что он здесь и что с ним делают. Само его существование эфемерно. Как будто его и не было.

«Я должен был, прости. Прости меня...» — слезы жгли мне глаза и скатывались по щекам горячими каплями. Зачем я извиняюсь?

Мы продолжали, я и голос внутри: еще немного сдавил тоненькую шею, еще на миллиметр, не отводя безумного взгляда, все время смотрю на мордочку животного. Голос меня не покидал, подбадривал. «Я молодец!» — говорил он.

Во мне шла борьба.

«Почему я просто не свернул ему шею? Раз — и все... Только все хуже сделал. Прости меня. Завтра благодаря тебе, мне будет проще убить человека, а сегодня это будешь ты».

«Хватит извиняться! Перед кем? Это всего лишь глупый кот, не будь ты слизняком. Возьми себя в руки».

* * *

Но руки больше не слушались приказов: пальцы разжались, и меховой комочек обмяк на моих коленях, лежал без движения. Глаза так и остались приоткрытыми. Блестящими. Ком подступил к горлу, я сжал челюсти и, шумно дыша, пытался сдержать внутреннюю плотину, чтобы не разреветься как девчонка: «Лучше бы ты играл в другом месте! Зачем ты попался мне на глаза?»

Голос в голове ликовал: «Мужик! Ты сделал это, ты прошел испытание! Это твой первый...»

Котенок дернул лапкой — одной, другой, затем еще и еще; дернулся всем тельцем, слабо задышал. Открыл влажные глаза.

Я приник к нему, массируя и легонько тормоша: «Ты жив. Жив, паршивец. Чудо...»

Голос вернулся с большей силой: «Черт! Вытри сопли. Добей его, пока он не пришел в себя, ну же! Сломай ему хребет! Втопчи в пол!»

Но было поздно, момент упущен. Я сдался. А котенок — нет. Он победил меня и выиграл жизнь.

Но на завтра был запланирован бой-реванш, и в том сражении у меня грозный противник. Не жалкий кот. Я должен буду добивать в любом случае. Буквально бороться за то, чтобы прикончить. Никто меня не простит в случае неудачи. Демон, запертый внутри меня, пытается помочь мне: надо быть честным перед самим собой и признать это; он — строгий тренер, хочет научить меня побеждать, стать сильным — все ради победы! Идти на любые жертвы. Сегодня я выполнил урок. Фактически котенок был мертв какое-то время; так что да — я сделал это. Только сильная тяга к жизни вернула мохнатого обратно. Что же, ты использовал одну свою жизнь, дружок.

Пока котенок приходил в себя, мило шевеля своим маленьким розовым носом-сопелкой, я молча смотрел на него и тихо плакал, устав сдерживаться и уступив душевному порыву; слезы свободно стекали по щекам, и вся обида и боль от потрясений за последнее время выплеснулись наружу: «Как хорошо...»

«Приятель, ты только что был на волоске. Вернулся с того света. Ты мог задержаться на радуге, но, видимо, твое время еще не пришло, малыш. И не от моей руки, не я буду причиной твоей гибели. Ты должен прожить долгую жизнь!»

Я улыбнулся и погладил его.

«Извини меня, слышишь? Я больше никогда не обижу тебя».

Я отнес его обратно, оставив одного рядом с лопухами. Как будто ничего не было. Играй с хвостом, жди маму. Она придет.

Я отвернулся и зашагал прочь.

Меня потряхивало, перед глазами стоял тускнеющий блеск зеленых глаз, приоткрытая розовая пасть с маленькими белыми зубками. Всюду мерещились кошки, мяукающие и следящие за мной.

33. Суббота. Бой

Мощный мотор довольно урчал, поглощая остатки топлива. Впереди показалась АЗС. «Ура, наконец-то. Заодно кофейку выпьем. Да?» Я размял затекшую шею.

Минивэн плавно перестроился в нужную полосу и ушел в карман, к бензоколонке.

Через минут пять мы уже пили крепкий кофе — те, кто не спал в машине; вдвоем стояли на прилегающей к заправке парковке и молча наслаждались горячим бодрящим напитком с булочкой, попутно любуясь соснами и большими валунами из гранита, в изобилии оставленными в этих живописных местах ледником много тысяч лет назад.

Погода портилась — из соседней страны мы везли за собою дождь. Возникнув из ниоткуда над границей, он теперь преследовал нас всю дорогу: то нагонял, то отставал. Мелкие холодные капли вызывали сильный дискомфорт, и после уютного теплого салона мы жались под небольшим грибком-навесом, дрожа от холода.

— Как обычно!.. — сказал Артем, поглядывая на низко проплывающие тучи, поеживаясь в одной футболке и шортах.

— Что как обычно? — вопрос вывел меня из задумчивости. — Ты про погоду?

— Ага. Отстой.

— Ну, вообще полный.

— Ой, да ладно вам! — бойко вступила в разговор Аня, дочь подруги моей мамы — они обе сейчас спали в машине, — отдохнули же норм, и хватит ныть, зануды!

Она мне нравилась, но, по-моему, разница в десять лет слишком велика, у нее еще куклы в голове; к тому же ее мама рядом, так что стремно было что-то мутить. Не сейчас. Вдобавок еще свежа рана от разрыва с Танюхой. Да, может быть, позже.

— Как тебе, лучше не стало? А то давай порулю, — предложил Артем.

— Не-е-е, я сам, осталось часа три ехать, ерунда, потерплю, — я нервно тербил заусениц.

Лучше мне не стало — наоборот, нервозность усиливалась. По правде, если бы не упрямство, то уже давно передал бы руль Артему.

— Может, все-таки заболел? — Анька переживала, и все путешествие бегала за мной с таблетками. — Ну выпей ты успокоительного, зачем мучиться-то?

— Не-е, не ха-чу и не бу-ду! Домой приеду и отдохну — само пройдет. — подмигнул ей. Мне льстило ее внимание.

— Как хочешь, зануда, тогда не бухти.

Надо признаться, ощущение тревоги испортило мне всю поездку. Какая-то неведомая фигня. Начавшись буквально на следующее утро после отъезда, необъяснимое нервозное состояние только усиливалось; ни пиво, ни прогулки не помогали, и сейчас, похоже, оно достигло своего апогея, будто приближалось что-то. Беспричинная паническая атака; то чувство, когда думаешь, что забыл выключить утюг, — оно не отпускало меня, как только уехал в путешествие. Странная хрень. Я сломал голову в поиске возможной причины. Не в расставании ли все дело? Не-е-ет. Точно нет. А может, права Аня: заболеваю я? Восемьдесят процентов всех людей — шизофреники: может, у меня тоже проблемы? Черт.

* * *

Ночью я не спал. Крутился и вертелся, как на сковороде, не находил себе места. Снова бродил по гаражам, словно приведение, избегал охранников. Нарушал их правила. А что еще я мог? Сидеть в гараже в таком состоянии — настоящая мука. Думал отыскать котенка, поиграть с ним. Специально взял корм, но того нигде не было. Тогда я просто оставил корм у лопухов. А рассвет встретил с раскалывающейся головой, будучи совершенно разбитым и выжатым.

Вот тебе и «Будь готов».

С раннего утра я начал наводить порядок и зачищать следы своего пребывания. Главное — не выдать себя раньше времени. Надо, чтобы он абсолютно ничего не подозревал, тогда все пройдет гладко. Еще вчера я приглядел место, где спрячусь и буду поджидать его, разработал какой-никакой план по утилизации. Подготовил инструмент и полиэтиленовую пленку. Необходимо будет проверить все быстро, знать, где что лежит, а не искать в нужный момент. Боже, кем я стал. Нервозность отвлекала, и я боялся что-нибудь упустить и напутать, и важно не забыть что-то сделать с предохранителем освещения. Света быть не должно! И, конечно, само оружие — держать рядом.

Мой выбор пал на молоток с черно-желтой рукояткой, тот самый — мой любимый, идеально лежащий в руке, с как раз подходящим весом. У меня были и другие, но этот я заметил сразу. Я подойду и ударю сзади по макушке — как можно сильнее, всего один решающий удар. Всего. Важно, чтобы он не притащил кого-нибудь с собою. По моему, все произойдет у двери: после того, как он покинет салон тачки, закроет створки ворот и повернется спиной, я нападу. Времени будет в обрез. Но должно хватить на удар. Всю ночь я мысленно рисовал эту сцену и репетировал: прятался и выбегал из-за укрытия, укладываясь в нормативы. Тренировался, ударяя молотком по импровизированной груше; мне казалось, я уже готов, в том числе и к виду изувеченного тела, пробитого черепа и мозгам, плавающим в черной крови. Нужно постараться. Как проглотить что-то невкусное: не жуя, раз — и все.

* * *

Дорога, мокрая серая лента, плавно извиваясь, скрывалась за бесконечными поворотами. Вокруг — сплошной лес, утыканный, будто частокол, высокими мачтами-соснами: чистый, просматриваемый далеко вглубь. Иногда пробегают незначительные населенные пункты, перекрестки и съезды. Автомобили с включенными фарами в облаках брызг плывут над полотном, словно без колес. Тучи все ниже и гуще, скрывают над собою еще светлое северное небо. В салоне тихо, темно, музыка из динамиков почти не слышна; все наговорилось и каждый занят своим делом — Аня читает, Артем сидит в смартфоне, играет, мама и Анжела Викторовна все еще спят.

Я был рад, что через час-два избавлюсь от всех. Устал. Даже от Аньки. Гложущее, гнетущее и вконец изматывающее чувство беспомощности, предостерегающее от чего-то неотвратимого, необъяснимого. От чего же? Как это утомительно... Так запортировать себе всю поездку. Надо взять пива. Да-а-а. Наконец-то выходной без руля: дома и никуда не нужно. Залезть в постель и посмотреть комедию. Алкоголь должен помочь.

На горизонте серые тучи подсвечивались огнями большого города — уже близко. Предстояло еще развести всех по адресам, высадить маму у дома и только затем — в гараж; успею и в магазин, если нигде не задерживаться.

Я прибавил газу.

* * *

Погода совсем испортилась. Стемнело так, как будто и в помине не было белых ночей. Тучи заволокли все небо от горизонта до горизонта, заморосил дождь, похолодало. В гараже стояла непроглядная темнота. То, что нужно.

Я уже очень долго сидел в углу гаража за мотоциклом, самом дальнем и темном, изредка выползая размяться. Отсюда хорошо просматривалось все помещение, и можно быстро, а главное, незаметно, выбраться. Гараж заперт, следы моего присутствия по максимуму зачищены, освещение испорчено.

Вот уже несколько часов ожидания, сильнейшего волнения. Постоянная готовность, сердце замирало от каждого шороха снаружи, от мимо проезжающей машины. Двери гаража больше открывать нельзя. Свет включать тоже нельзя. Осталось полагаться только на уши. Голова болела от духоты и напряжения. В крошечной мгле что-то мерещилось. Галлюцинации.

Наверное, я чувствовал Его, буквально каждый километр, разделявший нас сейчас. Ощущение сближения и неотвратимости встречи все усиливается. Скоро — я убью его. Я нащупал молоток, лежащий рядом, и погладил его, словно это был рыцарский меч, заколдованный, дающий мне силу и превосходство над противником: мой верный друг — без него у меня ничего не получится.

* * *

Минивэн плавно свернул с дороги и остановился возле шлагбаума. Активированный магнитной картой, заслон послушно убрался в сторону, освобождая проезд.

Покрытый пленкой влажной пыли и утомленный тысячами пройденных километров, автомобиль, грузно качнувшись, подкатил и замер у нужных ворот. Конец пути. Двигатель продолжал работать. Водитель внимательно смотрел на закрытые створки перед собою, словно ожидая чего-то.

* * *

Кажется, я задремал, когда услышал подъезжающую машину. Лучи от фар просочились внутрь, причудливо подсветив внутренности гаража. Началось. Момента́льно придя в себя, я сел поудобнее. Размял шею, плечи. Весь собрался и взял молоток в руку. «Это он...» Я облизал пересохшие губы и уставился на свет. Но ничего не происходило, двигатель продолжал ровно работать. Я ждал.

«Если он заметит меня, то нужно будет нападать несмотря ни на что. Я тренировался. Пока он в ступоре, подбежать и ударить. И бить, по голове, без остановки. Нужно быть готовым и к побегу, — я поплотнее натянул кепку и проверил шнурки, завязаны. — Раньше времени тоже не нужно, а то выбежит в открытые ворота, и лови его. Ждать нужного момента. Терпеть, — проговаривал я мысленно детали, пристально следя за воротами. — Ну же, давай, урод, я жду тебя!»

Раздались негромкие шаги и звон ключей.

* * *

Я сидел и смотрел на закрытые створки. Обычные. На своих местах. Замок висит, в порядке. Но сейчас, в этот пасмурный вечер, что-то с ними казалось не так. Хм. Понять бы что именно. Чувство мнимой опасности. Впрочем, снова наваждение. Как и всю неделю до этого. Всего лишь необоснованный страх, но выходить из машины совсем не было желания. Может, ну его, припаркую у дома, — захотелось скорее покинуть это место, — но ведь я уже здесь, всего лишь нужно открыть гараж... Ерунда, чего бояться?

Дернув ручку, я вышел из автомобиля и неуверенно направился к воротам. Чем быстрее покончу с этим, тем скорее выпью пива. Я достал ключи. Отворил замок и резким движением распахнул дверь. Думал напугать того, кто был за ней, — игра на опережение. Конечно, никого... Хм. «Ну я и трус!» Никогда не любил темноту. Есть что-то в ней первородное, древнее: липкий страх, накопленный тысячами, первобытный, вездесущий. Я чувствовал на себе глаза хищника, затаившегося и наблюдающего за мной... «Куда меня несет? О чем я вообще...» — гнал я глупые мысли. Не заходя внутрь, дотянулся до выключателя и щелкнул клавишей. Клац. Ничего. Клац-клац! «Что за фигня?.. — насторожился я. — Ну-у, да ладно, бывает, вырубает электричество. Это нормально».

— Надо будет узнать у охраны, — сказал я вслух.

Громко цыкнув и гоня тревожные мысли прочь, я вошел в темноту и передвинул шпингалеты, высвобождая створки. Оглядываясь все время, распахнул их настежь и быстро запрыгнул в машину. Сердце стучало, как паровой молот. «Да что со мной не так?» Впереди — вторая часть испытания.

Теперь гараж, ярко освещенный, выглядел совершенно как всегда: стеллажи, кресло, мотоцикл; все на своих местах — никого нет, только тени по углам. Я нажал на газ, и автомобиль медленно закатился в утробу. Остановился. Заглушил двигатель. Фары потухли, оставив меня одного, без защиты. Выходить не хотелось совсем.

* * *

Минивэн величественно, словно левиафан, вплыл в морскую пещеру, прокладывая себе путь мощными глазами-прожекторами. Он уперся в стену и замер. Лучи пытающиеся мощным потоком пробить преграду впереди, неожиданно иссякли; нахлынувшая темнота, не дав опомниться глазам, скрыла автомобиль, сохранив лишь нечеткий силуэт. Меня окатил жар, исходивший от уставшего сердца-мотора. Я всматривался, ослепленный, пытаюсь скорее вернуть способность видеть. Человек внутри монстра сидел неподвижно, как манекен.

Я вгляделся в профиль.

Во мне все закружилось... Будто провалился в глубокую яму и со дна взирал на своего двойника. Туннельное зрение, я слышал о таком. Мое душевное равновесие покачнулось. Слегка замутило. Я медленно сглотнул, не отрывая глаз, с отвратным любопытством наблюдая за ним, боясь проворонить нужный момент.

Водитель, наверное, сообразив, что всю ночь просидеть в машине не сможет, открыл дверь и ретиво покинул салон, с силой захлопнув ее за собой. Я не ожидал такой скорости. Моргнули поворотники, на мгновение залил все оранжевым светом. Он уже проворно обогнул автомобиль и взялся за створки ворот: не оборачиваясь и делая все слаженно, притянул сначала одну половину, опустил шпингалет и вот уже принялся за вторую. «Все время спиной ко мне. Чего же я жду?» Я стал выбираться из укрытия, медленно поднимаясь из тьмы, не сводя взгляд с жертвы.

Закрыв вторую. «Сейчас!..»

Голова мента́льно очистилась от шелухи и, словно поздно опомнившаяся тень, бросившаяся за хозяином, я мягкими и беззвучными шагами приблизился к человеку — встал за спиной, держа молоток!

Я воздел руку с молотком. Готовый убивать — мне осталось опустить лишь руку. «А-а-а!..» Боек вспыхнул отраженным светом и обрушился со всей мощью на ничего не подозревающую жертву!

«Здоров! Как жизнь?»

Молоток, разрезая воздух, прошел в паре сантиметров от макушки и скрылся в темноте, не причинив ей никакого вреда.

Я чуть было не умер от страха. Пораженный, я застыл на месте, оружие повисло во вспотевшей ладони, вот-вот выскользнет. Я так перепугался, что забыл, как дышать. Колени с трудом удержали тело. Край колышущейся белой футболки, выглядывающей из дверного проема, говорил о нашей близости. «Он рядом. Что мне делать? Кому он сказал привет?»

«Если он вдруг решит вернуться? Тогда я ударю его! Пусть там кто-то еще. Я все равно ударю!» — я поднял молоток и изготовился сызнова, сосредоточился. Футболка все еще выглядывала из-за двери. Затем исчезла, и дверь с грохотом закрылась. Забренчал замок.

В недрах разума всплыл фрагмент: будто что-то подобное уже было. Давно, точно не вспомнить. Наваждение. Но очень похожее: темная ночь, я один у гаража — и беспричинный животный страх, гонящий меня прочь... Больше ничего. «Что это? Петля? Или разыгравшееся воображение?» — рука опустилась. Молоток выскользнул и звонко ударил по полу. Кажется, я все понял.

* * *

Гонимый чувством самосохранения, я быстро закрыл ворота и поспешил выбраться из гаража. Я торопился что есть мочи: кто-то или что-то наблюдало за мной, я ощущал этот ненавистный взгляд на своей спине. Это невозможно. Но проверять не хотелось. Катившийся градом пот стекал ручейком по позвоночнику прямоком в трусы. За все деньги мира я не смог бы сейчас обернуться. Скорее, к выходу!

Перешагнул порог — почти спасен! Всполохи воздуха за спиной, сдерживаю себя. Всего-навсего паранойя. Там никого нет.

По центральной дороге в сторону выхода с территории шел человек — мой знакомый, я тут же окликнул его:
— Здоров! Как жизнь?

Головой почувствовал дуновение над макушкой. Еле заметное. Мне не показалось. Точно, было. Сквозняк. Я махнул приятелю, привлекая его внимание. Он заметил меня и махнул в ответ. Я закрыл дверь и навесил замок.

«Спасен!»

Только сейчас ко мне пришло облегчение. Волна накрыла меня с головой. Мне почудилось, что-то упало внутри гаража. Должно быть, сильно хлопнул дверью. Все в прошлом. Груз, давивший тяжестью всю неделю, сброшен, и я, вздохнув, поспешил за знакомым.

* * *

Я медленно сполз на пол.

— Что же?.. — полушепотом спросил я мрак, обступивший меня со всех сторон. — Я, выходит, был прав: само время помешало мне? И что теперь остается, что же мне делать теперь?..

«Означает ли все произошедшее тут, а точнее, не произошедшее, что я смогу вернуться в свое время? Нужно только построить машину времени, — я хмыкнул и натянул еле заметную улыбку скептика: нет, это еще ничего не значит. Последующая мысль, как обычно, опровергла предыдущую. — А что, если уже существует бесчисленное множество ответвлений, идущих рядом, почти одним путем? Вернее будет сказать так — идущих одно за другим. Уже интереснее. Что, если однажды в бесконечном, неизмеримо далеком прошлом другой я создал такую же машину и совершил свой прыжок, породив тем самым новый мир? Звено из непрерывно продолжающихся повторяющихся событий — а дальше все новые и новые звенья. Может быть, я и есть первый, может — сотый или сто тысяч миллиардный»

Я поразмыслил: «А все-таки, больше похоже на спираль, где на каждом витке, как в эстафете, я передаю палочку следующему участнику. Только что я передал ее ему, теперь он сделает все то же самое: построит машину, вернется в прошлое, создав новый мир; попытается, как и я, убить, но не сможет; и так далее по новой. Таково оно в теории».

Я сидел на прохладном полу, рассуждая то ли вслух, то ли про себя, жестикулируя в темноте под шум набирающего силу дождя. Беспольный молоток валялся рядом. Я ничего уже не боялся и не переживал. Казалось, теперь все в прошлом. Снова апатия.

Почему же я не вспомнил этого момента? Потому что человек забывает. Банально. Просто забыл. Каждый раз думать о чем-то сверхъестественном, когда страшно, — глупо. Что я мог вообразить — в темном углу сидит

пришелец из будущего, страстно жаждущий убить меня? Смешно-о. Заходя в незнакомый двор ночью, жутко бывает не меньше этого. Или в темный подъезд... Просто-напросто вылетело из башки, вот и все. Это было десять лет назад, — отвечал я на свои же вопросы. — И тем не менее это все-таки еще может оставаться классической петлей. Не так ли? Когда-то давно мы не смогли отправить крысу в будущее, так как, по моей логике, будущего могло еще не существовать; и теперь проверить, петля это или нет, можно только таким же эмпирическим способом. А по-другому — никак. Возможно, мое будущее впереди. И по-прежнему есть шанс растаять, попытавшись еще раз убить его. Как же, черт возьми, это сложно.

«Что же мне остается? Сдаться и уйти? — я сжал голову, чтобы та не лопнула. — Все к черту!»

Мне нужно было срочно проветрить мозг, сбежать из этого ненавистного саркофага, ставшего на время мне домом.

34. Финал. Мост

Мимо меня, оглушив, промчался байкер — на сверкающем мощном мотоцикле. Я взглянул ему вслед. Как жаль, что у меня не было ключей от моего, стоявшего в гараже без дела, — сейчас бы я оседлал его с удовольствием. Мужик в немецкой каске и с «цветами» какого-то клуба на спине, принадлежавшего к одной из многочисленных банд, словно сгусток энергии, шаровая молния, слился с флюоресцентными огнями витрин и растворился во влажном воздухе. Погода не рекомендовала ехать быстрее. Скользко. А он гнал, выбрасывая из-под себя снопы ярких брызг, разлетающиеся во все стороны. Вибрация огромного мотора передалась моим внутренностям, пустой желудок заурчал в ответ. Когда-то и я любил прохватить по ночному городу с ветерком, пугая автомобилистов. Это было давно и не увлекло меня; я продал мотоцикл с легкостью, когда пришла необходимость. Теперь, смотря на быстро удаляющееся красное водяное облако, я представил себя верхом. Свобода!

Я старался идти в тени, уклоняясь от сильно освещенных мест, и держался ближе к фасадам домов, стоящих сплошной стеной вдоль проспекта; обходил стороной встречных и все время смотрел себе под ноги, избегая зрительных контактов. У меня был вид грязного бездомного. Небритый, исхудавший, в непотребной одежде, бесцельно бредущий в никуда. Мне было все равно.

Впереди возвышался мост, он перекинулся над главной рекой нашего города. Широкий и длинный. В это позднее время, продолжая оставаться внутри мегаполиса, я мог побыть на нем в одиночестве, полюбоваться открывающейся оттуда панорамой. Успокойся. Моя точка притяжения.

— Сигареткой не угостите?

Неразборчивый гомон молодежи, столпившейся кучкой под навесом остановки, раздражал своей вычурной молодежностью и показушной бравадой. Сплошное хвастовство и претенциозность. Две трети из этих броских малолетних личностей так ничего и не достигнуто в жизни. Горячность остынет после серии неудач. Несчастливый брак, не любимая работа, посаженное здоровье. После тридцати начнутся суровые собачьи будни. Самое веселье.

Все что попадалось мне на глаза, меня дико бесило.

— Ау-у, извините, сигареткой не угостите?

— Что?

Передо мной стояла хрупкая девушка в мокрых джинсах, в белых кедах и потертом худи с надетым капюшоном, из-под которого торчал прямой козырек кепки — тоже белого цвета, как и кеды; девушка из компании вопросительно смотрела на меня. «Похожа на Таню», — я вспомнил встречу в парке и свое обещание перезвонить...

— Не курю...

Я направился дальше не договорив, обдумывая на ходу, почему она решила, что у меня вообще есть что-то, ведь по моему виду не скажешь этого. Если бы у меня были сигареты, я бы дымил безостановочно. Как печная труба. По-моему, можно начать, самое время, хуже уже мне не будет.

Я ускорил шаг, убегая прочь от счастливых малолеток. Неудачник! Быстрее, занять место и насладиться одиночеством, сидя на вершине, подумать, а если повезет — найти свой дзен над стремительным потоком, вымывающим весь негатив из большого города. Но перед этим нужно подготовиться к очищению, взять все необходимое в дорогу.

Я забежал в круглосуточный, ярко освещенный продуктовый магазинчик, на последнюю мелочь взял полторашку темного пива, какие-то сухарики. Готов. Довольно обнимая тугую пластиковую кеглю, я продолжил свой путь самурая.

* * *

Наконец-то мост оказался прямо передо мной — взмывающая вверх взлетная полоса, разделенная трамвайными путями. Проспект, залитый желтоватым светом блестящий и яркий, как желоб, тянулся прямо в небеса, главное теперь — преодолеть затяжной подъем. Мой же путь заканчивался на середине, где многополосная трасса упиралась в низкие тучи.

Переправа состоит из двух направлений, всего два — минимум вариантов при максимуме последствий. В моем случае — это метафора: либо я поверну обратно и закончу свой незакрытый гештальт, или же пойду дальше и больше не вернусь. Умно, молодец. Я улыбнулся прозорливости выбора конечной точки своей дороги. Там будет мой священный камень, распутье. Поднимаясь к нему, клянусь принять решение раз и на всегда и не сворачивать более. Аминь.

Под ногами — железобетон из напряженных балок и перекрытий, висящих на значительной высоте и стоящих на огромных обшитых гранитом опорах. Гулкое эхо, гуляющее от ударов колес по стыкам асфальтированного полотна. Больше десяти метров в самом высоком месте, и мощные жернова, бурлящего внизу течения. Щекочет нервы. Думать об этом еще страшнее, когда сидишь на широких и скользких от дождя перилах, свесив ножки над пропастью.

Плохая погода распугала всех порядочных, на улицах были одни фрики. Обычно в это время года по ночам полно восторженных туристов вперемешку с аборигенами. Сегодня — нет. Нормальные в такую погоду уже дома или компашками чилият в уютных кафе, курят кальян, ну, или играют в идиотского «крокодила» в гостях, или еще чего. А утырки на улицах, они здесь в любую погоду, поэтому в отсутствии порядочных неженков кажется, что хулиганов стало намного больше. Это не так. Сколько было — столько и осталось. Отморозков всегда полно, дома делать нечего им. Алкаши, эти тоже сила. Запивохи, совершая свой марафон по питейным заведениям города, начинают после безобразничать, дебоширить и пополнять криминальные сводки. В общем на улицах сейчас шатаются одни неудачники и маргиналы, словно зомби, без мозгов, праздно бредут куда глаза глядят, все время что-то ищут и обязательно бедокурат ради забавы.

Моя уважительная причина находится здесь и сейчас в том, что я пережил; никто в мире такого не испытывал, что испытал я за неделю. Всю гамму эмоций. И еще, я почти совершил убийство. Да, сегодня мне можно! Можно вести себя, как хочу, и даже распивать пиво в общественном месте. Сидя на мосту. Над рекой. Меня все равно как бы нет... Я помахал одинокому прохожему; тот, опустив взгляд, прошел быстрее мимо. — Ну вот, теперь меня никто не видит. Как и предполагал. Алкоголь постепенно добрался до черепной коробки. По всем существующим законам вселенной — меня тут быть не должно. Я — лишний пиксель в матрице, инородное тело, злокачественная клетка — и прожорливые макрофаги уже ищут меня, чтобы переварить и обезвредить. Молодец, так просрать свой единственный шанс вернуть себе законное место и хоть как-то втиснуться обратно. По правилам сильнейшего должен был остаться один. Но, видимо, природа-мать сама позаботилась о себе, о недопущении создания всепоглощающего коллапса, не дав нам соприкоснуться. А что, если это правда? — я почесал затылок. — Тогда и пытаться больше не имеет смысла, правда? И путь отсюда мне понятен.

Но призрак на мосту был видим и осязаем, и как минимум дышал тем же воздухом, что и все живые, а еще нарушал общественный порядок.

Снова белый УАЗ. Синяя полоса по борту. Полиция. Внедорожник проехал по противоположной стороне проезжей части моста и внизу, у основания, развернувшись там, где нельзя, направился в обратную сторону. Ко мне. Подъезжая, он включил проблесковые маячки и дал знать о себе, громко крикнув.

Пиво тем временем почти закончилось, а вот мыслей еще было навалом. Я поморщился от досады — дзен поймать я не успел, а вот штаны, наконец, сдались, и холодная влага добралась до меня. Брр! Я неспеша закрутил крышку и швырнул пустую бутылку в реку: «Валить. Снова. Под горку я смогу развить большую скорость...» Тьфу. Я передумал, прикинув расстояние. Ну на хрен. Надоело.

В каплях воды отражались синие огни, не сулившие ничего хорошего.

«Как они заметили меня? Я же невидимка-призрак! Чертовы охотники за приведениям»

Внедорожник «Патриот» стоял метрах в десяти, мигая, как новогодняя елка в реанимации.

Я посмотрел на неспешно выползающих под дождь полицейских. Уж очень им хотелось остаться внутри машины. Пара — нормальных, а один — толстый, пуговицы на брюхе трещат от напряжения. За какие такие заслуги он еще в органах? Эх-х. Я безразлично отвернулся. Чем, наверное, обидел служивых.

С тоской уставился я на далекие и такие недостижимые отсюда проулки и скверики, темными пятнами на ярко освещенной набережной уводящие вглубь старого города. Эх-х!

«Все-таки добрались до меня», — я сплюнул и проследил за полетом слюны, затем вновь перевел глаза на приближающихся стражей порядка.

Поправляя кепку, главный в отряде — тот, толстый, что неудивительно — поднял перед собой руку, призывая к спокойствию. Кому? Мне? Ха, смешно. Я сам искал здесь успокоения, специально пришел и уж точно не собирался делать ничего такого, чтобы привлечь внимание. Полицейский, перекивая шум от проезжающих машин, громко спросил:

— Гражданин, с вами все в порядке? — чересчур вежливо.

— Да.

— А что вы тут делаете, уважаемый?

— При обращении ко мне вы должны представиться вроде как, — дерзковато ответил я. Пиво уже распространилось по организму, заставляя говорить смелые вещи. Мне не нравились их заискивания. Пусть лучше сразу скажут, чего хотят.

Полицейские переглянулись. Двое — тот, что общался со мной и его напарник — держались рядом, третий же обходил меня по кругу. Медленно.

Толстый, словно пристыженный перед коллегами, смущенно и небрежно дотронулся до козырька кепки, невнятно что-то быстро пробухтел себе под нос:

— Младший лейтенант Прышшскн Антолий... — и более четко. — Вам удостоверение показывать?..

Я почти ничего не понял. Но мне как-то было все равно, кто он.

— Нет. Не нужно. Что случилось, товарищ лейтенант? — как можно непринужденнее произнес я.

Дум-дум, дум-дум... Редкие машины отбивали ритм на стыках моста: дум-дум, тада-дум; за каждой машиной неслось красное облачко из водных брызг. Из-за шума приходилось напрягать слух. Офицер кивнул, сделал еще пару шагов в мою сторону и продолжил:

— Уважаемый, странное место для распития вы выбрали. Небезопасное. И зачем же вы мусорите? — Он покосился на реку. — Не подобает так себя вести в общественном месте! Перелезайте-ка к нам.

— Да-а, виноват... плохой день, офицер — спорить с ними никакого смысла не было, как и желания, — простите меня. Признаю свою ошибку. Больше не буду, прямо сейчас уйду.

— Я лично вас прощаю, но протокол выписать надо будет. Прошу вас, пройдете к автомобилю для составления акта совершенного правонарушения. Документы можно ваши посмотреть?

Полицейские шаг за шагом подбирались все ближе, обступая меня с трех сторон.

— А у меня с собою нет документов... А вы, пробеите меня по базе, — предложил я.

«Что бы я ни сделал, все будет бесполезно», — пришло мне в голову.

— Товарищи полицейские, я же ничего такого ужасного не совершил, разрешите, я просто уйду. На первый раз, так сказать.

— Хорошо, действительно это незначительные проступки, только все равно нужно подойти к машине, компьютер — там; осторожней, позвольте помочь вам. Не нервничайте только, пожалуйста. Очень скользко.

— Зачем подходить, я и так скажу.

Полицейский занервничал — вероятно, и вправду не хотел, чтобы я упал с моста, не хотел писать отчеты и всего прочего, что нужно будет предпринять, если я все же сигану.

Я еще не был пьян. Но полтора литра крепкого расслабили мое тело до той степени, когда движения становятся плавными и легкими, — до состояния, когда теряешь осторожность.

— Давайте мы просто поговорим на тротуаре, хорошо? — продолжал тем временем полицейский. — Перебирайтесь к нам, на эту сторону! Наверное, неудобно там сидеть, правда? И мокро, — малюсенькими шашками, все ближе и ближе. — Давайте руку.

* * *

«Стоит мне отвернуться — и один из них схватит меня за капюшон, затем не церемонясь перетащит через перила и положит лицом в асфальт, — воображение, разбавленное алкоголем, рисовало реалистичные сцены задержания, — после навалятся на меня втроем, заломят руки и защелкнут наручники — красиво, как в кино». Мне очень не хотелось лицом в асфальт.

— Ла-а-адно... Хорошо! Неудачное место, согласен, — с обреченным видом сдался я, — перелезаю. Только не трогайте меня.

Повернувшись, я взялся за широкие перила обеими руками и небрежно спрыгнул на небольшой выступ с внешней стороны ограды, легко и просто. Дальше я собирался просто перекинуть ногу и перелезть, как обычно это делают, но случилось непредвиденное: тот патрульный, что обходил по кругу, неожиданно бросился вперед и схватил меня за рукав кофты. Своим резким маневром он до чертиков напугал меня, и я инстинктивно отшатнулся в противоположную сторону, правая нога соскочила с закругленного скользкого края. Мир качнулся и резко устремился вверх. К такому я не был готов, и руки не смогли вовремя напрячься, подломившись в локтях; в итоге я провалился вниз и встретился подбородком с массивным поручнем. Все происходило очень быстро. А после удара — замедлилось. С мощнейшего апперкота в челюсть реальность отключилась, и контроль был утерян: я разжал пальцы, все еще цеплявшиеся за поручень. И ощутил свободное падение. Недолго — полицейский каким-то невероятно могучим хватом смог удержать меня одной рукой. Я вытянул его за собою на половину, он свесился

через перила, но не отпустил, и, если бы не напарники, вцепившиеся в него — мы полетели бы с ним дружно вниз. Его перекошенное лицо свидетельствовало, что ему очень страшно. А я, кажется, улыбался.

— Де-ержи-и-ите ме-ня-я-я!.. — сквозь плотно стиснутые зубы громко кричал он прямо над моим ухом. Его глаза вылезли из орбит. Кепка сорвалась и была унесена ветром. — Тащи-и-и!..

Во рту металлический привкус. В голове туман. Мне все равно — я расслаблен. Мне легко. И не страшно. Пусть кричат.

— Ну же, парень. Возьми меня за руку! Давай, подтянись немного! Держись! — уговаривал меня полицейский. Крики раздавались со всех сторон. Людей на мосту прибавилось. Подмога? Но тело после нокдауна не слушалось, повисло, как мешок с мусором, голова запрокинулась, из носа и уголка приоткрытого рта текли струйки черной жидкости.

Еще секунду полицейский отчаянно пытается затянуть меня наверх; мокрый рукав растягивается все больше и больше, медленно выskalывая из его ослабевающего хвата; сделать он уже ничего не может — ткань наконец вырывается, оставляя в его ногтях пару красных волокон... Голоса затихают. Время замедляется. Я улетаю.

«Хорошо... Так легко и свободно. Похоже, я нашел свой дзен. Хмм... — я провел языком по неровной кромке передних резцов. — Как пила...»

Я смотрю на медленно удаляющиеся фигуры людей, торчащего с моста по пояс полицейского и маячащие головы на фоне желто-серых туч. Они то появляются, то исчезают. Машут руками. Суется.

* * *

Свободное падение продолжалось спиной вперед. Восторг. Томительное ожидание: вот-вот должна натянуться веревка, пристегнутая к моей страховочной обвязке. Радостно, с улюлюканьем, я буду качаться над бурным потоком, показывая неприличные жесты удивленным полицейским. А дальше приплывет катер и подберет меня...

ТРАХ!

Сильнейший удар в голову, раз в сто мощнее, чем предыдущий в челюсть; чувствую, как череп не выдержал и треснул, прервав полет фантазии... «Где веревка?.. Какая...»

Эта затрещина вышибла из меня остатки сознания, накрыв мысли непроницаемым колпаком, как гасильник пламя свечи. Огни города потухли. Звезды...

Сделав кувырок и большой всплеск, тело, как тряпичная кукла, упало в реку. Всплыло. И снова погрузилось в воду, где было подхвачено сильным течением и унесено...

35. Предчувствие

В одной только футболке... с растрепанными остатками волос, не успев позавтракать и взглянуть в окно, он выбежал из квартиры, громко хлопнув дверью. Не стал дожидаться лифта и как угорелый помчался вниз.

Поверхностный, легковесный и зачастую не способный на глубокий анализ, Стас всё-таки иногда приходил к удивительно верным умозаключениям, связывая различные факты и наблюдения где-то на подсознательном уровне, не специально, а, скорее, инстинктивно. Он был мастером силлогизмов, необыкновенно тонко чувствовал факты в событиях, и затем правильно сплетал их друг с другом, делая выводы. И теперь же, проснувшись от внезапного плохого предчувствия, посетившего его во сне, он в ужасе подскочил на кровати и схватился за телефон. На его вызов никто не ответил. В попытках дозвониться до абонента и попутно анализируя события вечера накануне, Стас спустя десять минут уже торопился к месту возможного преступления, предвидя беду: в гараж, где будет поставлена точка и где станет всё ясно, прав он или нет.

Лужи и пивное брюшко — что общего между ними? Несовместимые, казалось бы, вещи, но между тем в тандеме они мешали перейти на бег. Стас никогда не занимался спортом и имел соответствующую комплекцию человека, не предпринимающего ничего для поддержания своей формы, а любящего пить пиво с закусками перед телевизором. Теперь же, помимо похмелья и физических недостатков, сплошных луж и неудачных попыток на ходу дозвониться до товарища, у него окончательно сбивались пульс и дыхание.

Стас неожиданно остановился, открыл рот, будто собираясь что-то сказать; затем оглянулся по сторонам и так же внезапно, но осторожно, что-то обдумывая, продолжил свой утренний марафон.

Заминка же была связана с неожиданно посетившей его мыслью: «Что он будет делать, если самое плохое, о чем он думает, — произошло?» Никогда со своим другом он не говорил на эту тему, и не было никакого плана, стоп-слова или кнопки отмены: что делать, куда бежать, кому звонить, кого звать на помощь? Даже в мыслях не возникало, что такое может произойти, просто невероятно, — и вот, теперь это случилось, застало Стаса врасплох! Отсутствие плана «Б» — а он всегда должен быть!

* * *

Плотные серые тучи медленно ползли по небу, блокируя солнечное тепло, сыростью своей, словно вирусом, заражали дома, сползали с крыш на деревья, машины и кусали редких прохожих, таких же, как и Стас, вынужденных не спать в воскресное утро, мрачно спешащих по своим делам, — в такое утро, когда просто необходимо для здоровья продолжать лежать под одеялом, спасаясь от хмури.

Под сандалиями чавкало, футболка прилипала к телу, смартфон глючил от капель воды на экране. Определенно — не лучшее время для того, чтобы исчезнуть. Он набирал заветный номер снова и снова.

«Макс, алло, возьми трубку! Ма-акс! Чтоб тебя!..» — негодовал Стас.

«Макс, если ты это сделал, я тебя приблю! — громко предупреждал он безразличные гудки, — я сделаю это, ты слышишь меня?»

По пути следования, немного в стороне, в торце старой девятиэтажки был небольшой продуктовый магазинчик — так называемой шаговой доступности, очень удобно расположенный в самом центре жилого двора, куда частенько заходили жильцы за мелочевкой, сигаретами и пивом, выскочив на минутку из дома. Продавцы — два брата, уроженцы южных регионов нашей необъятной страны, всегда приветливые и внимательные к покупателям. Они хорошо знали и Стаса, и Макса, у них всегда можно взять что-то из продуктов в долг, если прижмет, или, что немаловажно, прикупить алкоголь ночью, когда уже действует запрет на продажу.

«Надо зайти и спросить, может, они видели Макса...» — Стас свернул с маршрута и спустился в полуподвальное помещение магазина. Динь-дзинь!.. Дверной колокольчик резко и громко, напугав Стаса (к внезапному звону невозможно привыкнуть и каждый раз от неожиданности ты вздрагиваешь), оповестил братьев о посетителе, и они, как по волшебству, одновременно вынырнули из подсобки навстречу, как всегда, приветливо улыбаясь, немного заспанные:

— Здравствуйте! Рады вас видеть, Стас, добро пожаловать! — с владением языка у них было все хорошо.

— Привет, привет!

Братья никогда не лезли первыми с разговорами, предпочитая тактично ожидать; очень милые и спокойные ребята, и местные их любили за это. Не было ни одного конфликта с за все то долгое время, что они содержат здесь продуктовую лавку.

— Мне бы пивка!

Могло показаться, что запыхавшийся и нетерпеливый вид Стаса — следствие острой потребности в алкоголе,

но это было не так, и знающие неплохо психологию покупателей братья это сразу поняли, как только увидели мокрого и сосредоточенного Стаса, ввалившегося в магазин за пивом в дождливое воскресное утро. Похоже, случилось что-то из ряда вон!

— Конечно, друг! Что пожелаешь, выбирай! — по-прежнему улыбаясь и умело скрывая любопытство, произнес один из братьев.

— А давай вон то, нефильтованное, темное!

Расплатившись и попрощавшись, уже на ступеньках Стас вспомнил, зачем приходил. Он задумчиво посмотрел на висящий колокольчик, затем обернулся: братья, провожавшие его взглядом, заулыбались пуще прежнего.

— А Макса, приятеля моего, не видали? Сегодня был у вас, или, может, ночью заходил?

— Максим? О нет, точно нет! Я бы запомнил! — быстро ответил один из продавцов, второй качал головой, подтверждая сказанное.

* * *

До места оставалось немного, только пересечь проезжую часть, парковку и там еще метров сто от шлагбаума.

Прохладно. Стас плотнул пива, присел на скамейку передохнуть и заодно набраться храбрости. Устроился он как раз напротив въезда в гаражи. Отсюда была прекрасно видна небольшая парковка шиномонтажа рядом с домиком охраны: взор привлек огромный черный внедорожник, точно обсидиан, переливающийся бликами на острых гранях. Стас обратил внимание и на то, что машина стоит одна на абсолютно пустой парковке в нерабочее время.

«Еще очень рано, — Стас перевел глаза на часы, — автосервис откроется только в одиннадцать. На дверях же есть график, хм, глупо, торчат тут столько времени». Безразлично пожав плечами, он присмотрелся внимательнее, но за глухо тонированными окнами невозможно было что-то различить.

Тем временем заметно потеплело, тучи таяли под напором солнца. Сквозь неровные дыры, будто проделанные разорвавшимися снарядами, проглядывало голубое небо. Проезжающие машины засверкали тысячами огней, словно покрытые драгоценными камнями. Солнечные пятна ползли по городу, разгоняя серость.

«Никогда бы не купил! — врал себе и продолжал ревностно наблюдать за машиной Стас. — Дорого и не практично!»

Он поболтал остатками напитка и вдруг, вспомнив о незавершенном деле, залпом опустошил бутылку, выкинул ее в помойку и достал телефон, снова набрал номер. «По-прежнему не отвечает. Ладно, поднимай жопу, пора! — Стас встал, отряхнулся и решительно двинулся вперед. — Попадет же ему от меня!» Чем ближе Стас был к цели, тем страшнее ему становилось.

Перебежав проезжую часть и пройдя парковку с безмолвно стоящим джипом, он оказался возле будки охраны, поприветствовал сторожа взмахом руки и направился дальше. Стас уже не спешил, но сердце колотилось, как при беге, появилось нервное напряжение, отдышка. Дело усугубилось, когда еще издали он заприметил соседей, копошащихся по обе стороны от нужных ворот: «Это неправильно, так быть не должно...» Они суетились возле своих автомобилей, перекрикиваясь и матерясь. Напрягшись, догадываясь о причине, Стас сбавил шаг, спокойно подошел к ним и как ни в чем не бывало поздоровался:

— Доброе утро!

— Ага, добрее не бывает, — хмуро ответил один, не вылезая из-под капота. — Привет.

— А, Стас, это ты, здоров! — владелец гаража справа, Анатолий, сразу же задал вопрос по делу: — Как у тебя со светом? Проверь, пожалуйста! Тут ерунда какая-то, все перегорело на хрен, все лампочки, бляха-муха!

— Ого! А давно вы здесь? — у Стаса сильно кольнуло в груди, его прошиб пот.

— Да недавно, только пришли, — включился в разговор второй, подходя и вытирая руки.

— Может, электричества просто нет? Как это вообще возможно? — наигранно удивился Стас, зная уже все ответы.

— Ток есть, — «Конечно есть, — не сомневался Стас, — и лампочки перегорели, это так оно и должно было быть, всё правильно!» — Анатолий продолжал возмущаться, — но, чёрт побери, с какого все лампочки то перегорели, даже в машинах, чёрт бы побрал их! Автоматы повыбивало — это нормально, но дурацкие лампочки!.. — он развёл в недоумении руками.

— А я думаю, скачок напряжения был! — сказал второй сосед, имени которого Стас не помнил.

— Ага, а машины тут как? Они же не подключены к сети, друг! Я уже с десятков проверил, и все лампы — перегоревшие! — парировал Толя.

— Тогда, может, это что-то типа вспышки на солнце? Я слышал, что электроприборам каюк из-за этого иногда, — предложил еще один вариант сосед без имени. — У него — то же самое, вот увидишь!

Обоим мужикам давно за сорок, типичные семейные дядьки. С Анатолием, более крупным и общительным, Стас знаком довольно хорошо; второй же намного реже появляется здесь, худощавый и молчаливый.

— Конечно, то же самое! Его гараж — между нашими! Станислав, дорогой, открывай же скорее, чего стоишь? — Толя бросил в ведро очередную бесполезную стекляшку и подошел ближе, вытирая ветошью руки. Безымянный тоже подтянулся. — Если у тебя нет света, значит, пусть будет вспышка, хрен с ней!

* * *

Неожиданная проблема в виде двух соседей сбила с толку Стаса окончательно. Они были совершенно некстати: он рассчитывал быстро прийти, осмотреться и так же быстро уйти, решив или не решив свой вопрос, а теперь попал в щекотливое положение. Простая с виду просьба — открыть дверь и проверить, горит ли свет — оказалась огромной дилеммой, труднопреодолимым препятствием.

— А Макс не было тут? — спросил осторожно Стас мужчин.

— Не. Я даже стучал к вам — никого. Не видел его сегодня. Давай же, открывай. — торопил Толя.

Нужно объяснить, почему Стас медлил: гараж в привычном понимании давно перестал быть таковым и превратился в лабораторию, причем секретную. Внутри находилось достаточно мощное оборудование, потребляющее много электроэнергии и способное перегружать сети, вызывая замыкания. Крайне нежелательно, чтобы кто-то знал о таком опасном соседстве. Стас понимал, что очутился в непростой ситуации. К тому же исчезнувший друг мог быть внутри (например, без сознания), а судя по отсутствующему навесному замку — он точно там или был там. Если сейчас Стас вставит ключ в замочную скважину и окажется, что дверь заперта изнутри на задвижку, это еще больше усугубит положение. А ведь он так не хотел привлекать внимание.

Мимо проходил знакомый кого-то из соседей и, увидев собравшихся вместе мужиков, весело подошел к собравшимся:

— Что дают? Мужики, за чем очередь?

— Здоро-о-ов! — дядя Толя поприветствовал. — Слушай, как у тебя со светом?

— Есть, а что?

«Черт, этого еще не хватало!» — совсем растерялся Стас.

— Что что? Да хрен его знает что. Пришел с утра — по делам надо было ехать, а тут лампочки все перегоревшие! — негодовал Анатолий.

— Кроме светодиодных. И у меня... Мистика какая-то. — прибавил второй.

— Ну, Стас, чего мешкаешь? — нервничал Толя.

Оттягивая момент, брэнча ключами в кармане, Стас пытался выудить их оттуда. Став к двери вплотную, чтобы отсечь любопытных соседей, он таки вставил ключ в замок.

«Я пропал!» — подумалось Стасу.

Ключ без труда сделал два оборота — первый, затем второй, и дверь, не сдерживаемая больше ничем поддалась, освободившись от оков. Бремя страха и ожидание неизбежности худшего разом опустились на поникшие плечи Стаса, подкосив слабые колени своей тяжестью. Он забыл про соседей за спиной, про то, что голоден, и про странный черный джип на стоянке. Он думал лишь о том, что внутри: там либо мертвецки спящий на диване друг, либо его нет, что было бы намного хуже!

Волосатая рука дяди Толи, просунувшись под мышкой Стаса, отворила дверь, но сам Стас все еще загораживал собой проход.

— Ну, что там? Включай же!

Все уставились в темноту дверного проема.

«Ну, Макс, и втянул же ты меня!» — негодовал Стас.

Выглянуло солнце и заставило всех дружно зажмуриться. Контраст света снаружи и непроницаемой черноты внутри не позволял рассмотреть что-либо в гараже. Не входя и не пропуская любопытных соседей, Стас дотянулся до рубильника и нажал на клавишу. Ничего! Переключил автомат и снова попробовал — света нет.

— Ну вот! Я же говорил! — радостно, сказал кто-то за спиной. — Я, похоже, был прав!

— А как же тогда у Васька? — спорил Толя, озадачено кивая на недавно подошедшего товарища. — Почему у него-то есть?

— А хрен знает... Может, крыша толще.

— Да ну, ерунда, все они одинаковые!..

Все трое, увлеченные обсуждением, потеряли интерес к Стасу и не заметили, как он, никого не слушая и находясь будто в состоянии транса, вошел внутрь черного проема, включил фонарик на телефоне и закрыл за собой дверь на задвижку.

36. Катастрофа

Оставшись в одиночестве, Стас сразу обратил внимание на тишину: отсутствует привычный гул трансформаторов, похожий на звук работающего холодильника. Это, в свою очередь, указывало на отключенную «установку», а красные, еле заметные контрольные огоньки, сообщали о пустых конденсаторах. В широком луче фонаря, словно призраки, вынырнули из мрака заставленные всякой всячиной стеллажи, ящики, разный нужный скарб, стены, обшитые желтой вагонкой и низкий потолок антресолей с бесконечным хламом на них, пыльные углы, которые годами никто не тревожил, накопители энергии и другое оборудование, чье название и применение Стас не помнил и даже не пытался запомнить: главное, все находится на своих местах. Тени разбегались от источника света, держась на безопасном расстоянии, причудливо удлинняясь и меняя формы, переползая с рельефа на рельеф: как только источник потухнет, они сейчас же набросятся!

Почти по центру гаража расположено их творение — что-то смахивающее на клетку Фарадея с кучей датчиков и проводов, извивающихся во все стороны, словно змеи, и исчезающих в темных углах. По кругу стоят излучатели с направленными в центр клетки острыми жалами. На полу, на электрическом мате внутри конструкции, лежат вещи: какие-то тряпки и что-то еще... На столе ноутбук: экран выключен, но светодиод горит, сообщая, что компьютер работает. Все — как обычно!

— Макс... Ты здесь? — полушепотом позвал Стас.

Тишина!.. Прерываемая шумом и возгласами снаружи.

Стас посветил на диван — в надежде найти там спящего Макса. Конечно, снова никого. Мятая подушка и откинутый плед явно свидетельствовали о том, что ими недавно пользовались. Медленно, словно ступая по тонкому льду, Стас подошел к ноутбуку и пошевелил мышкой. На экране вспыхнула программа — та самая, которую он видел не раз, программа активации со множеством показаний, цифр и диаграмм, в принципе, ничего ему не говорившими, кроме одного значения: графы с установленными датой и временем. Стас посмотрел на часы компьютера: девять часов шестнадцать минут. Это произошло немногим больше часа назад, пока он был в магазине. Дата в графе сегодняшняя, день и месяц — правильные, кроме года.

В тусклом свете экрана в центре столешницы Стас заметил странную выцарапанную надпись частично накрытую ноутбуком, затертую почти до основания и практически нечитаемую. Заметил потому, что никогда не видел её, будто она возникла недавно, хотя была на видном месте. Гравировка гласила: «Скучаю, дружище 30.06.2011». «Странно, Макс никогда ничего не говорил про нее. Хмм, забыл, наверное... Ерунда какая-то... — Стас подозрительно взглянул на дату еще раз и сравнил ее с датой, вбитой в программу. — Нет! Не может быть!..»

* * *

Стас похолодел. Мурашки побежали по телу. Он резко обернулся к установке, и только сейчас обратил пристальное внимание на тряпки внутри устройства, — это была одежда Макса!.. Вчера именно в ней тот приходил в клуб!

Ноги подкосились, и Стас плавно опустился на пол, не отводя глаз от шмоток.

Брошенные мятые вещи повторяли форму человека, лежащего на боку в позе эмбриона. Странно, что и поясная сумка была здесь, застегнутая и своим ремнем охватывающая исчезнувшую талию.

«Ты это сделал, дурень! Как и обещал!» — не веря до конца, Стас подполз на коленях ближе и увидел торчащее из-под кофты МУВ — громоздкий браслет-нарукавник размером с целое предплечье, с заряженным конденсатором: судя по зеленому свету контрольной лампы, его не использовали. Маска для сна также была тут.

Трудно описать состояние человека, ставшего свидетелем чего-то потрясающего до глубины души. События, вводящего в полный ступор. Стас просто сидел на полу возле места преступления и смотрел на то, что осталось от его товарища. Еще вчера, несколько часов назад, они были вместе! А теперь его нет. Совсем нет, он знал это, чуял нутром. Поиски можно было прекращать. Безмерная пустота образовалась внутри Стаса, которую невозможно ничем заполнить. Возникла острая потребность увидеть друга, поговорить, сейчас же. Желание все вернуть, переиграть заново! Возвратиться на несколько часов назад, в клуб, и сделать все по-другому: не допустить и переубедить, если надо — связать! Какая ирония, думать о таком рядом с машиной времени. Стас обвел презренным взглядом устройство и в который раз набрал заветный номер в смартфоне. В гнетущей тишине из кармана джинсов, лежащих в груди шмоток, раздался еле слышимый звук вибрации. Губы задрожали, на глазах выступили слезы; теперь точно все было кончено!

37. Что дальше

В дверь постучали и нетерпеливо подергали за ручку. Выйдя из оцепенения и смахнув слезы, Стас с трудом встал на ватные ноги, закрыл крышку ноутбука, всхлипнул, утер нос, в последний раз посмотрел на вещи оставленные товарищем и осторожно подошел к двери, ступая по своим же следам, чтобы не порвать незримую ниточку, связывающую теперь этот мир и тот, где находится его единственный друг, затем выключил фонарик и отодвинул задвижку.

За дверью поджидал сосед:

— Слышь, есть лампочки, а?..

Он был один, без Анатолия и Василия.

Как во сне, Стас закрыл гараж и ничего не отвечая, пошел прочь, оставив того в изумлении.

Покинутый всеми гараж превратился в мрачный склеп. Все, кроме мышки ноутбука, было нетронутым. Страшно было к чему-либо прикоснуться там и даже дышать, любая незначительность могла помешать возвращению друга, малейшему шансу на это.

«Пусть так все и остается, на своих местах, пока я не решу, что дальше, — думал Стас. — А может, это розыгрыш? Вдруг он дома и сейчас из окна квартиры посмеивается надо мной? — он мельком взглянул на окна друга в многоэтажке напротив через дорогу. — Да, такое возможно теоретически, при условии, что он тронулся умом: в противном случае он не смог бы так подло пошутить, уж это я точно знаю. Не такой он человек. Исключено! Всю жизнь его знаю... Знал... Или знаю... — Жив он или нет?»

Стас был уверен, что он последний, с кем общался его друг. С Максом они с самого детства, буквально с яслей, и все-таки, как оказалось, не настолько хорошо! Почему, видя товарища в баре таким возбужденным и расстроенным, Стас не догадался и не пошел за ним, не остановил? Это непростительно, и виноват в этом Стас безоговорочно — «нужно было слушать, а не заливаться пойлом, эх, дурачье!»

«А почему он не возвращается?» — это был скорее риторический вопрос. Стас прекрасно помнил и Чака, и последующих за ним испытуемых, всех без исключения — никто из них не вернулся.

За многие проведенные эксперименты не было ни одного удачного, законченного на все сто. Ни одного! Сколько Макс ни бился над настройками и вычислениями машины, все подопытные исчезали без следа. Он много говорил о каких-то «ветках» или о чем-то таком. Жаль, но Стас не улавливал сути или не хотел вникать в эти теории — ему казалось, они не относятся к делу. Теперь Стас думал по-другому: вполне вероятно, Макс что-то знал, и сейчас он в одном из этих миров-ответвлений, он там совсем один и не в состоянии вернуться, ведь устройство возвращения осталось здесь. Возможно, ослепший и беспомощный.

Но почему же он не взял одежду и МУВ? — На ум Стасу пришел знаменитый фильм о работе перемещавшемся во времени, он всегда был голым. Ответ напрашивался сам собой. — И, кажется, я начинаю понимать. Но что же сейчас делать? Как мне поступить, ведь только я один знаю правду. И какую! Правда — это же бред! Кто поверит мне? Больше ходит на очередную расчлененку в этом городе; меня будут пытаться, как основного подозреваемого, выяснять куда я дел останки тела!

Стало страшно. Стас, и так будучи в перенапряжении от взвалившейся на него ответственности за произошедшее, нервно сглотнул пересохшим горлом: перед взором рисовался голый кабинет со столом и парой стульев, зеркало, свисающая одинокая лампочка, видеокамера в углу — и он, скованный по рукам и ногам, на прикрученном к полу стуле, напротив — жаждущий крови дознаватель.

Может, имеет смысл заявить о пропаже сейчас, сразу, не тянуть?.. Хм. А как это все преподнести? Никто в здравом уме, повторю, не поверит в эти бредни, и я все равно остаюсь главным подозреваемым. В баре видели, как я с ним общался на повышенных тонах. Единственное, наверное, я смогу рассчитывать на психушку вместо тюрьмы. Но нужно будет постараться для этого, — Стас совсем раскис, углубляясь в рассуждения о своем безнадежном будущем. — Ведь я его лучший друг, об этом все знают и включить дурака, мол, я ничего не знаю — не выйдет, в полиции все-таки не дураки сидят.

38. Возвращение

Глядя только под ноги и не замечая ничего возле себя, Стас медленно ковылял обратно. Он решил напиться — а там будь что будет. «Может быть, завтра все образуется само собой, — надеялся он, — проснусь, а это всего лишь страшный сон был. Вот бы хорошо!»

Пройдя сторожку и очутившись на открытом пространстве парковки, Стас не сразу услышал, как кто-то его окликнул.

— Дружище!

Мир вокруг пошатнулся. Земля стала плавно уходить из-под ног... Этот голос!.. Стас поднял глаза на человека, преградившего ему путь, и остолбенел вконец. Это был пропавший — живой и невредимый. Расставив руки, Макс сделал шаг навстречу:

— Дружище! Я так рад видеть тебя, ты даже не представляешь насколько!

— Ма-а-акс?.. — еле слышно протянул потерявшийся Стас.

Макс — с широкой улыбкой, довольный, судя по всему, произведенным эффектом неожиданности — твердо стоял перед ним, светясь здоровьем и силой, готовый принять в объятия своего товарища. И Стас медленно, словно продумывая каждый свой шаг, приблизился к нему почти вплотную... А затем с размаху ударил его в живот!

— Кхе-э! — только и вырвалось у Макса.

Стас оттолкнул согнувшегося пополам друга от себя — так, что тот чуть не упал, и молча пошел дальше! Не оборачиваясь на окрики и просьбы, с гордо поднятой головой и одновременно с избавлением от груза ответственности, налегке, в хорошем настроении, Стас отправился в магазин, как и планировал ранее, приговаривая: «Такого я не прощу! Ну уж нет! Ну что за утро?»

Все было бы именно так, как описано, если бы Стас был чуточку вспыльчивее, а градус напряженности — чуточку выше. Отчасти этому помешала и наблюдательность, и расхождение в деталях, а точнее, явные нестыковки в них. Поэтому он стоял, разинув рот и вытаращив воспаленные глаза, не в силах что-либо сделать. Воздуха только и хватило на коротенькое:

— Это ты?

* * *

Тучи окончательно растаяли под натиском солнца, и теперь его лучи прошивали лишь пелену небесного пеньюара, заставляя жмуриться все сильнее и хмурить брови до боли в переносице. Закрывшись ладонью от лучей, Стас всматривался в стоящего перед ним человека.

Что-то было не так. Может быть голос? Акцент говорившего — слегка, но он отличается, и тембр... На вид он явно старше, хоть и незначительно. Веселые паучьи лапки в уголках глаз, манера держаться, стиль одежды, гордая осанка — не как у его друга. Но, черт возьми, как же он похож на него! А эта короткая стрижка выцветших волос (или, может, седых?) и неестественно белоснежная улыбка идеально ровных зубов, контрастирующая с южным загаром. В конце концов, это просто невозможно физически. Прошла одна ночь, всего одна! Такая метаморфоза нереальна, исключено. Это, очевидно, другой человек.

Стас стоял в растерянности, путаясь в догадках: «Может, это его родственник, про которого я не знал, тайно рожденный старший брат-близнец? Нет, что за чушь...»

— Аха-ха-ха! Дружище, конечно, я!

Стас не шелохнулся.

— Чувак! — седовласый сделал шаг навстречу, все еще протягивая руки, готовые к объятиям. — Как же я рад, ты и представить себе не можешь. Идем же, обнимемся!

«Похож, даже очень! Но переигрывает, Макс так не смог бы, выходит, все же родственник. Брат. Хмм... Странно это. — Продолжал всматривался в незнакомца. — Что-то неестественное, чужеродное в нем, как будто он пришел издалека. И все-таки не может этот... хм, клон... быть его другом! Чудес не бывает, так измениться за несколько часов — нереально. И что я, совсем дурак, что ли, друга не узнаю?»

— Ты!.. Вы... обманываете меня, что вы с ним сделали? — выпалил Стас, отступив на шаг.

Став в одночасье незнакомцем, загорелый мужик замешкался — видно было, как он растерялся, не находя, что возразить. Поднял руку, предлагая успокоиться и затем сразу сложил ладони перед собой в умоляющем жесте.

— Друг, погоди, послушай меня, я все постараюсь объяснить. Но тебе придется довериться мне. Это трудно будет вначале, но потом станет легко. Факты! У меня куча фактов, их нельзя игнорировать, ты поймешь. Мы с тобой с самого детства вместе, все время. И машину собрали вдвоем. Ту самую, да. — почти шепотом добавил

он. — И она работает. Только я тебя очень прошу: давай не у всех на виду, пойдем сядем в машину, а?

Он сжал кулак с вытянутым большим пальцем и махнул им в сторону, на затонированный черный внедорожник.

После этих слов у Стаса встали волосы на затылке: «Откуда он знает?»

Он повернул голову на угрожающе громадный внедорожник: не зря, не зря тот привлек его внимание. Будто бельмо на глазу, совершенно не к месту припаркован он там в одиночестве. Теперь пазл складывался. В салоне находился кто-то еще — Стас уловил еле заметное движение через лобовое стекло. Сколько их там, было непонятно. Наверное, это ФСБ. Одного уже повязали и теперь пришли за вторым. Они все знают, все-таки это — серьезная штука, то, чем мы занимались; стоит сесть в машину, как мне тут же накинут мешок на голову! — взгляд метался между человеком, назвавшимся его другом, и внедорожником. — Сейчас выскочат и схватят меня. Нужно валить!

* * *

Стас попятился, готовый рвануть в любую секунду. Шаг, два!..

— Да стой ты! Ты чего? — мужчина напрягся, будто намеривается броситься в погоню.

— Ты не Макс! Хватит мне пудрить мозги! Кто ты такой и кто там еще в тачке, спецназ?

— Да что ты?.. Какой еще спецназ? Успокойся!.. Бли-и-ин! Хорошо, ну, поприветствуй же тогда! — незнакомец взглянул на джип и жестом поманил кого-то, добавив: — Танюша, выходи! И уже совсем тихо, взмахнув бровями и покачав головой: — Вот упертый баран же!

Редкие прохожие оборачивались на крики, собирались группками и курили невдалеке, у мастерских, наблюдая с интересом за спектаклем.

Открылась пассажирская дверь, и кто-то легко выпорхнул из салона (тяжелый внедорожник даже не колыхнулся), небольшого роста и совсем невесомый. Это был не спецназ. Из-за распахнутой двери как ни в чем не бывало вышла Таня, жуя жвачку!

— Меня-то ты узнаешь хоть? — тихо, с улыбкой спросила она. Девушка сразу подошла и поцеловала Стаса в щеку.

— Бррр, Танюш, помогай давай, одному не справиться. — устало обратился к ней светловолосый с болтающимися, как у зомби, руками, безнадежно мотая головой.

— Т-Таня? — удивлению не было предела. «Что, что она тут делает?.. В последний раз я видел ее хренову тучу лет назад!» — Стас вконец потерял дар речи и, похоже, сдался.

— Хи-хи, дорогой, и это я! Сюрприз-и-из! А это Максим, разве так сложно узнать его? Давай уже уйдем с улицы, народ собирается, ну, пожалуйста! Пошли.

Мягко взяв друга под руки с двух сторон, они буквально затолкали оторопевшего товарища в недра джипа и залезли следом. Заперевшись внутри крепости на колесах, все облегченно выдохнули. Максим включил кондиционер и выключил радио. В салоне было тихо и удобно: кресло обволакивало Стаса, как будто было создано по его лекалам. Белая мягкая кожа, вставки из натурального дерева, полированный металл, белый бархатный потолок — стиль хай-тек с мониторами и приятными технологичными ништяками; все так и кричало о богатстве и роскоши. Его усадили спереди, на пассажирское сиденье; сзади, на диване, разместилась Таня; Макс, конечно, на месте водителя.

— Что у тебя на голове? — Стас указал пальцем на прическу мужчины.

Тот быстро дотронулся до макушки и усмехнулся:

— А-а... Понял! Это волосы, настоящие. Я объясню...

— Я вижу, что волосы, — не дал договорить ему Стас, — что они там делают? Вчера, как я помню, ты был еще лысым. Если это был ты, конечно. Для парика — слишком жиденько.

Таня весело хихикнула.

— Ну да... Отрасти они не успели бы, ты прав. — Максим явно не знал, с чего начать.

— Спокойно, я помогу тебе, милый! Это я его уговорила, — довольно улыбаясь, промурлыкала Таня. — Он так лысым и ходил бы, если бы не я! Правда ему хорошо? — она ласково потрепала его по голове и добавила, пожав плечами. — Дорогой, а ты был прав, он тебя не узнал!

— Спасибо, кэп!

Танюша выглядела под стать излучающему силу и здоровье мужику и даже намного лучше — и точно была моложе: еще более загорелая и подтянутая, с короткой мальчишеской прической и длинной челкой, спадающей на лоб, в легком сарафане, подчеркивающим ее фигуру. Стас заметил и ее разноцветные, особенные, радужки глаз. Одним словом, красавица.

— А я рада тебя видеть, Стасик! «Сколько лет и зим!» — весело произнесла она.

— Ну же, очнись! — Макс решительно взял друга за плечо. — Это правда я, и ты прав, волосы не могут отрасти за одну ночь!

Таня прыснула.

— Ах-ха-ха! А может, у тебя парик все-таки? Давай проверим! — и медленно, словно кошка, готовящаяся к прыжку, потянулась обеими руками с расставленными пальцами, изображавшими когти, к седой шевелюре смотрящего на нее мужчины.

— Ну хватит, Танюш! Давай шутки на потом, — строгим взглядом тот сейчас же усмирил развеселившуюся было девушку.

Таня же — не из робкого десятка — ответила гневным прищуром, смешно надув губки.

— Как давно вы вместе? — подал голос Стас, заставив парочку оторваться от игры в гляделки.

— Давно, лет девять, наверное, — пожал плечами незнакомец. — Ну, и до этого еще встречались, ты должен помнить.

— А-ах! Ты не по-о-омнишь? — Таня шлепнула Максима по плечу и продолжила. — Восемь лет и пять... н-нет, шесть месяцев! Могу и дни назвать! У меня память хорошая, между прочим. Он долго тянул и не решался позвонить мне, гаденьш.

— Эй! Я был занят вообще-то!

— Только вот не занудствуй! Я пошутила, милый. — девушка показала язык, словно ребенок.

— Но как? Я не понимаю, как ты... вы это скрывали от меня? Если ты — Макс. Мы же вместе все время...

— Безнадёжно. Похоже, он так и не верит... — выдохнул мужчина.

— Не-а. До сих пор не вкурил. Давай уже, дорогой, разложи все как есть, без всяких там экивоков, как ты умеешь, беспощадно и безжалостно! — и, обращаясь уже к Стасу, Таня добавила: — как он меня убеждал, это что-то с чем-то! Совершенно непонятную для меня ерунду нес про вашу дурацкую машину и хотел, чтобы я вот так просто взяла и поверила. Это вы все знаете, а я-то — нефига! Потом еще и обижался, дурачок, — она нежно положила руку на плечо Максима и сказала ему. — Но я тогда очень сильно переживала, милый, — она ласково смотрела на него, — правда, думала, ты снова кинул меня.

— Это твоя... ваша машина? — Стас окинул взглядом салон, одобрительно качая головой. — Что надо! — он будто и не слышал слов девушки. — Что еще ты скрывал? И что за ерунда творится в гараже? Вещи, перегоревшие лампочки — ты все подстроил? Зачем? И что за послание на столе?

— Бесплезно!.. — Таня всплеснула руками и отвалилась на спинку своего кресла, доставая смартфон.

— Танюш, погоди... — положил руку ей на колено Максим. — Я тоже не поверил бы, и ты не поверила, не предоставь я тебе доказательства. И вообще, это та еще дичь! Я понимаю его сомнения. — повернулся он к другу. — Рассказываю как есть, а потом сам решишь, что будешь делать. Никто тебя силком не заставит, это я знаю. Но ты должен включить свою способность к анализу.

* * *

Стас кивнул. Макс продолжил:

— В общем, так: прыжок был, чистая правда, ты наверняка и сам догадался уже. Для меня этот прыжок был ровно десять лет назад...

Повисла пауза, брови Стаса полезли вверх, Таня же безучастно залипла в смартфоне, не обращая на парней никакого внимания.

— И!.. Я не знаю до сих пор, что там в гараже — тоже правда... — Макс тяжело вздохнул, мудрые глаза, повидавшие мир, смотрели прямо, чувствовалась сила, исходившая от него, — но предполагаю, что там лежат мои вещи: одежда и прибор, прямо на полу, я прав?

Стас снова кивнул.

— Черт! Черт, черт, че-е-ерт! — неожиданно с отчаянием выругался Макс. — Как же они нужны были мне, господи!.. Как же я страдал... А что, что за послание, говоришь?

Таня, не отрываясь от экрана гаджета, дотянулась до затихшего Максима и заботливо погладила его по плечу, утешая.

— Неважно... Значит, у тебя получилось вернуться, ты разобрался с проблемой? — в глазах Стаса вспыхнул огонек надежды. — Ты пробыл там какое-то время, отрастил волосы, заработал денег и смог вернуться? У тебя получилось?..

— Нет же. Не совсем так, дослушай до конца, пожалуйста.

После этих отрезвляющих слов восторг испарился, брови снова сдвинулись, Стас приготовился слушать. Он

еще раз обвел взглядом шикарный салон внедорожника и спокойно сидевшую позади Таню, затем вопросительно уставился на Макса желая услышать ответ.

— Этот джип мой! Наш с Таней — неважно, в общем. Еще куча всего есть. Проблем с деньгами нет абсолютно: инвестиции, кое-какой бизнес... Это сейчас тоже неважно. — Он глубоко вдохнул и шумно выдохнул, весь внутренне напрягся и сосредоточенно посмотрел другу в глаза. — Я отправился в прошлое десять лет назад и никогда больше не возвращался в свое время.

Стас слушал, не произнося ни слова.

— Я вернулся, если так можно выразиться, не так, как ты думаешь, а намного сложнее и без помощи машины времени, — Макс облизнул губы, собираясь дальше с мыслями.

Стас перебил:

— Я не понимаю...

Макс иронично развел руками:

— Своим ходом, друг!

Таня словно прочла мысли, достала бутылку с водой и протянула ее Стасу. Макс же, глубоко вздохнув снова, продолжал:

— И ты прав, я не твой друг. Физически я — не он. Но я — его точная копия. Каждая моя клеточка идентична его клетке, количество их одинаково, и даже отпечатки пальцев совпадают до каждого завитка. Для меня твой друг являлся моим клоном, но для тебя получается, я — копия твоего друга, смотря с какой стороны подходить ко всему этому безобразию. Итак, твой настоящий товарищ сейчас в прошлом, и ему предстоит пройти все то, что свалилось на меня десять лет назад: тогда, в теории, прыгнув в прошлое, я создал вот эту новую реальность, оказавшись в ней непосредственно. Твой друг также уже создал новый параллельный мир и идет путем, скорей всего, идентичным моему. Через десять лет в его новом мире произойдет такая же встреча. Возможно, теперь эта своеобразная петля будет повторяться до бесконечности. Я создал ее... — Макс задумался и добавил: — А может, и нет...

Таня прыснула, но сразу же прикрыла рот ладошкой.

— Э-э-э. Это чересчур сложно... — тихо сказал Стас. — Мой мозг сейчас капитулирует. Уф! — Он охнул и помотал головой. — Часть я, конечно, понял и даже согласен. Но в целом — это белиберда полная. — Ух-х-х! И я не совсем понял про «своим ходом», — с абсолютно серьезным выражением лица продолжил он, — не понимаю, как это... На трамвае, что ли? И эта петля — по-моему, это уже слишком, даже перебор.

Макс улыбнулся, кивнул и нежно посмотрел на беззвучно развеселившуюся Танюшу. Продолжил:

— Без МУВ ему не вернуться — это факт; да и если бы он не потерял его, по моей теории, все равно не смог бы прыгнуть обратно. Он сделает все как и я — проживет насыщенную и счастливую жизнь. Затем вернется к своему приятелю — Макс перевел дыхание, собрался, дал переварить услышанное. — Не к тебе. И, как и я, завершит петлю.

* * *

Это напоминало шитье ниткой: иглка делает новый стежок и каждый раз, смещаясь немного в сторону, никогда не замыкает полностью петельку. Кончик иголки — это транспорт, на котором путешествует герой; место прокола — знаменательная встреча; нить — это путь. Игла шьет, никогда не прокалывая дважды одно место. Наш путешественник садится в транспорт — в месте прокола с одной стороны ткани — и выходит, сделав петлю на другой, в новом месте; его последователь, клон, оседлавший острие следом, как и он, совершает новый виток и слезает на следующей остановке... И так — до бесконечности, пока что-нибудь не помешает очередному герою оседлать иглу — или кто-нибудь. Тогда нить оборвется, но не раньше.

Беспрерывный шов, начатый неизвестно когда и кем, теряется в неисчислимом количестве повторяющихся миров, исчезая в тумане вечности.

* * *

Стас сидел, спокойно смотря куда-то вдаль над крышами гаражей, не отводя взгляда от абстрактной точки где-то у горизонта. Через минуту раздумий он спросил у Макса:

— Но получается, тогда он не знал всего этого и почему же он не взял МУВ?

— Судя по всему, из-за особенностей перемещения: похоже, сам процесс не взаимодействует с неживой тканью. Я еще не до конца разобрался с этим. По-простому — только органика. Но, повторю, это догадка — я не проверял, возможно, потом... — Макс подумал и добавил, — если будет желание. Досадный недочет, которым я

когда-то пренебрег, за что и поплатился. Не нужно было торопиться. Черт! В последней нашей беседе в том клубе — ты был прав! Если бы я послушал тебя тогда, ничего этого не случилось бы.

— Тогда мы бы не встретились снова! — вставила Таня. — Все, что ни делается, все к лучшему.

— Согласен, милая. Я стал старше на десять лет, Стас. Я прожил эти годы заново, не вмешиваясь в вашу жизнь и скрываясь под чужим именем. Я боялся, что, нарушу ход течения времени, и вы не создадите машину, и я просто-напросто исчезну! Не хотел рисковать. Все эти годы я ждал — ждал этого дня, представлял его себе: как мы встретимся и как все закончится. Теперь я снова стал собой! — Макс жестом поблагодарил небо. — У нас троих, впредь все будет хорошо. Мы больше не расстанемся.

— Ура-а-а! Так едем отмечать или нет? — Таня отложила в сторону смартфон и с радостным возбуждением быстро закивала. — Давай в ресторан! Да-да-да, в мой любимый, не могу, как хочу есть! Торчим тут уже полдня!

Стас обратил внимание на большой шрам на голове друга, скрытый под волосами, мелькнувший, когда тот задумчиво провел рукой по шевелюре, оголив его на мгновение. Макс завел внедорожник и нацепил очки-авиаторы на кончик носа.

— Я тебе еще больше расскажу за обедом! Тебе нужно поесть. А потом — к нам, познакомлю с котом! — Макс весело смотрел поверх темных стекол.

— А полиция? Человек пропал, они же искать будут тебя или его — ты не сможешь жить двумя жизнями сразу! — спросил Стас, уже согласившись с обедом и удобнее устраиваясь в кресле.

— Что-нибудь придумаем! Сейчас вселенная и вообще все встало на свои места: ничего лишнего и никто никуда не пропал, снова вернулось равновесие. А остальное — формальность, ерунда!

Сверкающий молниями отраженного на бортах солнца, черный внедорожник медленно отполз с парковки и, вырвавшись на дорогу, быстро набрал скорость, растворяясь в мареве летнего дня.

Больше книг на сайте - Knigoed.net